

ISSN 2658-5294

Фольклор

структура, типология, семиотика

Научный журнал

Основан в 2018 г.

Folklore

Structure, Typology, Semiotics

Academic Journal

Founded in 2018

Том 7

№ 2

2024

Folklore: Structure, Typology, Semiotics

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year. ISSN 2658-5294

Founder and Publisher – Russian State University
for the Humanities (RSUH)

“Folklore: structure, typology, semiotics” is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing PhD research findings peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.9.4. Folklore Studies (Philology Sciences)

The mission of our journal is to assist the discussion of issues of contemporary theoretical folklore studies, in which Russian academia has traditionally been quite successful. The journal is aimed at studying folklore as a base form of sociocultural communication, which is closely related to, on one hand, understanding the processes of ethnic identification, and, on the other hand, the problems of the cognitive sciences which dwell upon the mechanisms of acquiring, processing, preserving and transferring knowledge. Papers published in the journal focus on studying oral traditions and ritual practices, archaic mythology and its contemporary modifications, interdisciplinary studies in these matters.

The journal accepts original submissions by authors from Russia and worldwide, short essays “from the desk”, papers in history of folklore studies (especially concerning the lesser known or unknown episodes of such), essays on world folklore, field and archive materials, reports of academics events, reviews and reports, bibliographies, developments in software and methodology for graduate programs in folklore studies.

“Folklore: structure, typology, semiotics” is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Certificate on registration: PI No. FS77-72806 of 17.05.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel.: +7 495 250 69 31

e-mail: journal_folklore@rggu.ru

Фольклор: структура, типология, семиотика

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год. ISSN 2658-5294

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.4. Фольклористика (Филологические науки)

Миссия журнала – содействовать обсуждению вопросов современной теоретической фольклористики, в которой российская интеллектуальная традиция имеет достаточно сильные позиции. Журнал ориентирован на исследование фольклора как базовой формы социокультурной коммуникации, что тесно связано с пониманием процессов этнической идентификации, с одной стороны, и с проблемами наук когнитивного цикла, занимающихся механизмами получения, обработки, хранения и передачи знания, – с другой. На страницах журнала публикуются материалы, посвященные изучению устных традиций и ритуальных практик, архаической мифологии и ее модификаций в новейшее время, рассмотрению данных проблем в междисциплинарном поле.

Журнал принимает к изданию оригинальные статьи российских и зарубежных авторов, краткие сообщения «с рабочего стола» исследователя, публикации по истории фольклористики (особенно – о ее малоизвестных и неизвестных страницах), очерки о фольклоре народов мира, полевые и архивные материалы, рассказы о событиях научной жизни, рецензии и обзоры, библиографии, разработки программного и методического обеспечения вузовских курсов по данной дисциплине.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72806 от 17.05.2018

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

тел.: +7 495 250 69 31

электронный адрес: journal_folklore@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-Chief

Sergei Yu. Neklyudov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Editorial Board

Florentina Badalanova-Geller, PhD, professor, The Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland; University College London, London, United Kingdom

Olga Belova, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Yuri Berezkin, Dr. of Sci. (History), professor, European University at St. Petersburg; Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Victoria Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation (*scientific editor*)

Liudmila Ermakova, Dr. of Sci. (Philology), professor emeritus, Kobe City University of Foreign Studies, Kobe, Japan

Carlo Ginzburg, professor, Scuola Normale Superiore, Pisa, Italia

Nikolai Kazansky, Dr. of Sci. (Philology), academician of the RAS, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Olga Khristoforova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Andrey Moroz, Dr. of Sci. (Philology), professor, HSE University; Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yulia Naumova, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive editor*)

Victoria Novikova, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor for English texts*)

Nikita Petrov, Cand. of Sci. (Philology), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Jonathan Roper, PhD, University of Tartu, Tartu, Estonia

Nadezhda Rychkova, Cand. of Sci. (Philology), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Yana Savitskaya, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive editor*)

Boris Uspensky, Dr. of Sci. (Philology), professor, HSE University, Moscow, Russian Federation

Hans-Jörg Uther, Dr. of Sci. (Philology), professor, Brüder Grimm-Gesellschaft, Kassel, Germany

Ülo Valk, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Tartu, Tartu, Estonia

Executive editor:

Victoria Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

Главный редактор

С.Ю. Неклюдов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Флорентина Бадаланова-Геллер, доктор философии, профессор, Королевский антропологический институт Великобритании и Ирландии; Университетский Колледж в Лондоне; Лондон, Соединенное Королевство

Ольга Белова, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация

Юрий Березкин, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Уло Валк (Ülo Valk), доктор филологических наук, профессор, Тартуский университет, Тарту, Эстония

Карло Гинзбург (Carlo Ginzburg), профессор, Высшая нормальная школа, Пиза, Италия

Людмила Ермакова, доктор филологических наук, заслуженный профессор, Университет иностранных языков города Кобе, Кобе, Япония

Николай Казанский, доктор филологических наук, академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Андрей Мороз, доктор филологических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики»; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Юлия Наумова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*выпускающий редактор*)

Виктория Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор английских текстов*)

Никита Петров, кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российский государственный гуманитарный университет Москва, Российская Федерация

Джонатан Ронер (Jonathan Roper), доктор философии, Тартуский университет, Тарту, Эстония

Надежда Рычкова, кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Яна Савицкая, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*выпускающий редактор*);

Борис Успенский, доктор филологических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Ганс-Йорг Утер (Hans-Jörg Uther), доктор философии, профессор, Общество Братьев Гримм, Кассель, Германия

Ольга Христофорова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Виктория Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация (научный редактор)

Ответственный за выпуск:

Виктория Черванёва, кандидат филологических наук (РГГУ)

Contents

Articles

COMMENTARIES IN FOLKLORE

- Chervaneva V.A.*
Remarque in fairy tale and non-fairy tale text:
the problem of speech genre 10
- Akhmetova M.V.*
Metalinguistic formulas of reply: A commentary
to someone else's speech between culture of speech
and communicative dominance 26
- Neklyudov S.Yu.*
Evidentiality as an 'internal commentary' on the text:
Testimonies about the 'wild man' 58
- Toporkov A.L.*
Problems of publishing and commenting
on Russian magical folklore 81
- Khristoforova O.B.*
Emic commentary on belief narrative:
oral tradition and the internetlore 109

Anniversary

- Karakulov A.N.*
The bibliography of scientific papers by K.E. Korepova:
to the anniversary 125

Scientific life

- Karukhova A.D.*
All-Russian Round Table
"Commentary as a way of understanding oral text
inside and outside the folklore tradition" 148
- Novikova V.B.*
The 9th All-Russian conference of young researchers
"Folkloristics and Cultural Anthropology Today" 154

Содержание

Статьи

КОММЕНТАРИИ В ФОЛЬКЛОРЕ

Черванёва В.А.

- Ремарка в сказочном и несказочном тексте:
проблема речевого жанра 10

Ахметова М.В.

- Метаязыковые формулы ответа: комментарий
к чужому высказыванию между культурой речи
и коммуникативным доминированием 26

Неклюдов С.Ю.

- Эвиденциальность как «внутренний комментарий» текста:
свидетельства о «диком человеке» 58

Топорков А.Л.

- Проблемы издания и комментирования
русского магического фольклора 81

Христофорова О.Б.

- Эмный комментарий к мифологическому рассказу:
устная традиция и интернетлор 109

Personalia

Каракулов А.Н.

- Библиография научных работ К.Е. Кореповой:
к юбилею 125

Научная жизнь

Карухова А.Д.

- Всероссийский круглый стол «Комментарий
как способ понимания устного текста внутри
и вне фольклорной традиции» 148

Новикова В.Б.

- IX Всероссийская конференция молодых исследователей
«Фольклористика и культурная антропология сегодня» 154

УДК 398.21

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-10-25

Ремарка в сказочном и несказочном тексте: проблема речевого жанра

Виктория А. Черванёва

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktoriya-cherwaneva@yandex.ru*

Аннотация. В статье поднимается проблема речежанрового статуса комментариев к устному тексту – тех ремарок, которыми рассказчик сопровождает свое повествование. На материале сказочной и несказочной прозы исследуется вопрос об определении границ этих элементов и их отношений с собственно фольклорным текстом, на базе которого они возникают и существуют. Выявляются принципиальные различия между комментарием в сказке и в мифологическом рассказе и причины этих различий. Установлено, что ключевым параметром, разграничивающим текст фольклорного нарратива и комментария, является образ автора – изменение статуса субъекта речи меняет жанр. Также важно, что с каждым типом субъекта соотнесен определенный, соответствующий ему хронотоп как конституирующий признак субъекта речи.

Проблема отношений ремарок рассказчика с повествовательным текстом обсуждается с использованием методологии теории речевых жанров. Комментарий рассказчика предлагается рассматривать как элемент (микрожанр) макрожанра «интервью/беседа», прорывающийся в фольклорный текст (вторичный жанр). Присущий разговорной речи и, соответственно, макрожанру «беседа» речевой дейктический режим проявляет себя и в ремарках рассказчика, что сразу маркирует «выход» говорящего из сказочного текста в реальную коммуникативную ситуацию, тогда как в случае с мифологическими рассказами это незаметно из-за сходства модальности и дейксиса этих текстов с речевым субстратом.

Ключевые слова: речевой жанр, сказка, мифологический рассказ, комментарий, образ автора

Дата поступления статьи: 08 сентября 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 15 октября 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Черванёва В.А. Ремарка в сказочном и несказочном тексте: проблема речевого жанра // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 10–25. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-10-25

Remarque in fairy tale and non-fairy tale text: the problem of speech genre

Victoria A. Chervaneva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Abstract. The article raises the problem of the speech-genre status of remarks, by which the narrator accompanies his or her narration. The question of the boundaries of these elements and their relations with the folklore text (fairy tale and non-fairy tale prose), on the basis of which they arise and exist, is investigated. The principal differences between commentary in a fairy tale and in a mythological story and the reasons for these differences are revealed. It is established that the key parameter distinguishing the text of folktale narrative and commentary is the image of the author, as the change of the status of the subject of speech changes the genre. It is also important that each type of subject is correlated with a certain chronotope corresponding to it as a constitutive feature of the subject of speech.

The problem of the relationship of the narrator's remarks with the narrative text is discussed using the methodology of speech genre theory. It is proposed to consider the narrator's commentary as an element (microgenre) of the macro-genre "interview/conversation", breaking through into the folklore text (secondary genre). The speech deictic mode inherent to colloquial speech and, accordingly, to the macro-genre "conversation" manifests itself in the narrator's remarks, which immediately marks the speaker's "exit" from the fairy-tale text into a real communicative situation, whereas in the case of mythological stories it is imperceptible due to the similarity of the modality and deixis of these texts with the speech substratum.

Keywords: speech genre, fairy tale, mythological story, commentary, author's image

Received: September 08, 2023

Approved after reviewing: October 15, 2023

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Chervaneva, V.A. (2024), "Remarque in fairy tale and non-fairy tale text: the problem of speech genre", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 10–25, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-10-25

Рассмотрение ремарок, которыми рассказчик сопровождает свое повествование, с точки зрения речевой организации текста стало возможным как научная проблема и самостоятельный предмет исследования в фольклористике сравнительно недавно – в последние десятилетия, в рамках ставшего актуальным коммуникативно ориентированного изучения фольклорного текста как речевого высказывания с учетом коммуникативной ситуации, ее особенностей и составляющих ее компонентов. Предтечей этого направления был К.В. Чистов, еще в середине прошлого века призывавший изучать фольклорный текст как элемент речевой среды, а не устный аналог литературного текста (переизд.: [Чистов 2005]); дальнейшее, особенно плодотворное развитие этот подход получил затем в трудах по прагматике фольклора [Адоньева 2004; Левкиевская 2006; Левкиевская 2008; Веселова 2003; Мигунова 2002].

К сказочному материалу коммуникативный подход впервые был применен в конце 90-х годов прошлого века в работах Н.М. Герасимовой [Герасимова 1995; Герасимова 1997; переизд.: Герасимова 2012]. Исследовательница рассмотрела сказку прежде всего как речевую деятельность и, в частности, обратилась к анализу элементов текста, не относящихся непосредственно к сказочному нарративу: присказок, концовок («постсказок», по ее выражению), обращенных к слушателям ремарок, задающих сказочные «правила игры» и таким образом маркирующих конвенциональные границы ситуации. Н.М. Герасимова показала, что эти элементы выполняют важную коммуникативную функцию, а именно «переносят» слушателей в «иной» мир, служат маркером «инаковости» сказочных пространства и времени и их противопоставленности реальной, актуальной ситуации рассказывания сказки, в которой присутствует реальный сказочник и его аудитория.

Принятые в настоящее время принципы записи фольклорного текста, во многом обусловленные новыми техническими возможностями фиксации устной речи, предполагают полную расшифровку текста. Таким образом, вся коммуникативная ситуация записи попадает в поле зрения исследователя. И, изучая сказки, мы можем рассматривать текстовые элементы и другого рода – комментарии и пояснения сказочника к тексту, не связанные непосредственно со структурой сказочного повествования, но имеющие непосредственное отношение к ситуации речи. Раньше такого рода

элементы вычищались при подготовке текста к публикации или даже, скорее, не фиксировались в условиях ручной записи. Но и сейчас, несмотря на изменение концепции публикации фольклорных материалов, со всей очевидностью ощущается ограниченность попутных комментариев исполнителя от текста сказки, их «иноприродность» – при публикации, как правило, такие элементы приводятся в скобках, ср.:

– Вот так зверь к нам пришёл – Кот Котофеевич! Такого мы сроду не видывали!

(Уж я не знаю: папа мне всё да бабушка рассказывала, да вот такие сказки. Сама что-нибудь придумает, а они слушают, дети.) (СЦР, № 21).

Девочка всё: и в хате приберёт там у них, и сготовит йим, и водички принесёт. Вот старик со старухой не могли нарадоваться. Уж они старенькие были, сами не могли ничего делать. (Я забыла.) (СЦР, № 123).

В связи с этим перед исследователем встает вопрос о речевом статусе комментариев сказочника в рамках фольклорного текста и о факторах, обуславливающих ощущение границ этих элементов. Для решения проблемы, полагаю, будет продуктивным использование методологического инструментария теории речевых жанров, а также привлечение сопоставительного материала – несказочной прозы. Эмпирическим материалом для изучения послужили сказки, опубликованные фольклористом из ИМЛИ РАН Е.А. Самодоловой (СЦР), и мифологические рассказы из архива Лаборатории фольклористики РГГУ (материал собран в Каргопольском районе Архангельской области в 1993–2011 гг.). Это источники аутентичного материала, соответствующие всем современным требованиям: здесь не только зафиксированы собственно фольклорные тексты в традиционном понимании, но и отражена ситуация записи, в том числе комментарии исполнителя, реплики собирателя и других участников беседы.

Перейдем к предмету анализа.

С одной стороны, интуитивно вполне понятно, о чем идет речь, когда говорится о комментарии рассказчика к своему тексту. Но, с другой стороны, постановка в научной плоскости проблемы статуса этих речевых фрагментов обнаруживает массу вопросов и белых пятен: в частности, определение границ этих элементов, их отношений с повествовательным текстом, на базе которого они возникают и существуют, характер зависимости от жанровой природы этого базового («материнского») текста. Совершенно очевидно, что комментарий – это субжанр, который не может

существовать самостоятельно, а только в привязке к основному тексту. И также очевидно, что комментарий в сказке и комментарий в мифологическом рассказе весьма различны. Выявление этих принципиальных различий и входит в задачи настоящей статьи.

Чем может быть полезна исследователю в данном случае теория речевых жанров?

В современных жанроведческих работах [Арутюнова 1992; Борисова 2009; Дементьев 2010; Дементьев 2015; Балашова, Дементьев 2022; Федосюк 1997; Шмелева 1997] предлагаются различные схемы описания речевых жанров (далее – РЖ), вычленяются жанрообразующие признаки и выстраивается их иерархия. При этом ведущими критериями выделения того или иного РЖ большинством исследователей признаются коммуникативная цель текста, образ говорящего, образ адресата, тема речи, языковое воплощение текста.

Для анализа фольклорного материала я воспользуюсь одной из универсальных и наиболее часто цитируемых схем описания РЖ – моделью, разработанной Т.В. Шмелевой [Шмелева 1997]. По мнению Т.В. Шмелевой, РЖ формируется рядом обязательных параметров, в число которых входит: 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) образ прошлого; 5) образ будущего; 6) диктумное содержание; 7) языковое воплощение.

Основным жанрообразующим признаком Т.В. Шмелева считает коммуникативную цель текста, на основе этого признака она выделяет четыре типа РЖ – информативные, императивные, этикетные, оценочные.

Коммуникативной целью комментария сказочника к своему тексту следует признать информативную, по крайней мере как основную. Но в общем, полагаю, можно говорить о целом комплексе целей, и это предмет отдельного исследования.

Такие параметры, как образ автора (говорящего) и образ адресата (слушателя в нашем случае), всегда выступают в связке, на фоне друг друга. Под образом автора и адресата понимается информация «о нем как об участнике общения, которая “заложена” в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление» [Шмелева 1997, с. 92–93]. Так, РЖ «приказ» предполагает наличие полномочий у автора, а «жалоба» – у адресата. Как кажется, и в сказке, и в мифологическом рассказе у говорящего (исполнителя, информанта) основным признаком является право на исполнение, которое делегируют ему окружающие, право на речь; таким образом, основное свойство адресата, соответственно, прежде всего заинтересованность в информации, которую рассказчик ему сообщает.

По определению Т.В. Шмелевой, образ прошлого – параметр, различающий речевые жанры инициальные, начинающие общение, и реактивные (например, ответ, отказ, согласие и т. д.), которые могут появляться только после определенного речевого действия-стимула. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий (например, речевой жанр приглашения), реакцию адресата. Таким образом, это параметры, связанные с прагматическим эффектом речи.

Параметр диктумного содержания (т. е. собственно фактическое, событийное содержание текста) чувствителен к жанровому характеру текста, и, казалось бы, здесь проходит основной водораздел – пограничная линия, отделяющая текст сказительской ремарки от собственно фольклорного повествования. Это особенно хорошо видно в сказке, диктумное содержание которой составляет собственно сказочный сюжет, тогда как комментарии сказочника разнообразны по тематике и касаются самых разных предметов. В исследуемом нами корпусе содержание ремарок исполнителя составляют:

1) интерпретация сюжета:

Это лиса с волком встречались. Вот. *И она это, как всегда, хитрая, а волк – простофиля*¹ [СЦР, № 6];

Как ни кричал на помощь коту петух – кот ни слов, ни крика не услышал. Так утатила лиса петуха. *Эта сказка поставлена на соблазнительность, чтобы люди не соблазнились и не верили на все данные приманки* [СЦР, № 19];

2) обстоятельства знакомства рассказчика с сюжетом сказки:

Жили-были в лесу. Была избушка такая, и в ней жили петушок и котик. *(Мы, внуки, затаив дыхание, слушаем.)* И вот всё жили они, жили [СЦР, № 17];

Заинтересовался – выглянул. Его лиса-то и цап-царап, и потащила. Вот. Ой, закричал. *(Бабушка так. Мы все затаили дыхание: петушка-то жалко!)* [СЦР, № 17];

3) уточнения и самоисправления в ходе исполнения:

Вперёд к бабушке и прибежал. И, как говорят, бабушку съел, а брюхо выпустил, сам забрался на кровать. И внучка пришла: Вот, бабушка! А чего у тебя такие зубы-то?.. *(Нет, это было после.)* ...Глаза большие? [СЦР, № 80];

¹ Здесь и далее курсив мой. – В. Ч.

4) обстоятельства актуальной ситуации речи, не относящиеся непосредственно к тексту сказки:

И вот всё жили они, жили (*дай муху убью*), и однажды у них кончились дрова [СЦР, № 17].

Однако, как мне представляется, параметр содержания не является ведущим фактором, формирующим речевой жанр, так как пересказ сюжета сказки информантом (что часто происходит во время беседы по просьбе собирателя) сказкой не является, хотя диктумное содержание этих текстов в целом совпадает. Ср.:

Ну, я уж тут немножко даже Вам пропустил. Даже это она опять яблоко, значит, опять киселя поела, опять яблоко съела и опять, значит, воды выпила. Поэтому это всё пропустил. Ну, иногда даже тоже не повторяют, а просто говорят: значит, речка её пропустила, яблоня её прикрыла и так далее. И она пришла домой.
(А Вы сказали ещё, что Баба-Яга летела. А на чём она летела? – Е. С.)
На ступе. Причём у неё, значит, она сидела на помеле – помело, а ноги у неё находились в ступе, и она летела на ступе [СЦР, № 100].

Очевидно, что приведенный выше текст – пересказ сказки, но не сказка как жанр: с речевой точки зрения он является именно фрагментом интервью, беседы.

Последний из выделяемых Т.В. Шмелевой параметр – языкового воплощения текста – является производным от остальных и обусловлен ими. Именно на нем хотелось бы остановиться подробнее как на материале анализа, а также на характеристиках «образ автора» и «образ адресата», которые, как кажется, и являются движущими факторами, своеобразными тумблерами, переключателями жанровой природы текста.

Н.М. Герасимова в своем анализе сказки как речевого жанра высказала следующее соображение об «образе автора» как речевом параметре сказочного текста: «В русской фольклорной традиции Сказочник обладает триединым статусом: он реальный рассказчик, создатель сказочной “картины мира” и герой сказки» [Герасимова 2012, с. 80]. Следует пояснить, что под «сказочником как героем сказки» имеется в виду тот, кто в сказке называет себя «я» – «у кого по усам текло, а в рот не попало», т. е., по сути, это герои сказочных концовок («постсказок», по Н.М. Герасимовой) и зачинов-присказок. «Сказочник как реальный рассказчик» – это собственно исполнитель со своими физическими характеристиками, тот, кто общается со своей аудиторией и называет себя «я» в реальной коммуникативной ситуации рассказывания сказки,

тогда как «создатель сказочной картины мира» в тексте сказки себя не проявляет, стоит за пределами сказочного мира, однако обладает свойством авторского «всеведения».

Как мне представляется, утверждение о «триединстве» указанных субъектов речи, столь различных по своим характеристикам, весьма противоречиво и может быть принято лишь отчасти – в применении к коммуникативной ситуации рассказывания сказки, но не к собственно сказке как речевому жанру. Изменение статуса субъекта речи меняет жанр: «создатель сказочной картины мира» соответствует собственно сказке, герой сказки – присказке и «постсказке», реальный рассказчик проявляет себя в ремарках (комментариях), которые являются составной частью гипержанра «беседа», свойственного разговорной речи. И кроме того, важно, что с каждым типом субъекта соотнесен определенный, соответствующий ему хронотоп как неотъемлемый, конституирующий признак субъекта речи, а также свои роли: герой в зачине и концовке – субъект осознаваемого перформанса, нарратор сказки – субъект неосознаваемого перформанса, реальный говорящий в комментарии – вышедший из состояния перформанса, из своей роли, из состояния исполнения в актуальную ситуацию речи, в «здесь и сейчас» ситуации взаимодействия с адресатом. Ср. пример подобного «выхода из роли»:

Вдруг Алёнушка отвернула́с – братец – овечка, братец Иванушка напилса́ и стал козлёночком.

А дальше вы уже знаете. (Нет, мы не знаем, что дальше было! – В. З.)
А дальше колдуньи за ними пришли. А колдунья за ними вслед наблюдала [СЦР, № 88].

Хотелось бы обратить внимание, что этот «выход» из сказочного текста в реальную коммуникативную ситуацию всегда меняет грамматику текста, а именно: в тексте начинает использоваться речевой дейктический режим [Падучева 1996, с. 265–271; Успенский 2011] – появляются местоимения 1-го и 2-го лица, соотносимые с участниками речевой ситуации, и соответствующие формы глаголов (ср.: «*я уж тут немножко даже Вам пропустил*» [СЦР, № 100]; «*А дальше вы уже знаете*» [СЦР, № 88]), временные и пространственные локализаторы становятся ориентированы на время и место коммуникативной ситуации записи сказки (ср.: «*Вот как сейчас говорят, вот так и есть*» [СЦР, № 30]). Для ремарок характерен субъект с хронотопом «здесь и сейчас», а это, как известно, хронотоп канонической речевой ситуации (термин Дж. Лайонза [Lyons 1977, p. 637]), присущий разговорной речи, повседневному общению.

Такая грамматическая организация текста, разумеется, не свойственна сказочному нарративу с его собственным сказочным хронотопом и экзегетическим нарратором, находящимся за пределами сказочного мира и не имеющим в нем собственной пространственно-временной позиции. Именно поэтому речевые фрагменты с ремарками сказителя так отчетливо выделяются в тексте и ощущаются как инородные элементы и, соответственно, при публикации заключаются в скобки, отделяющие их от собственно сказочного повествования.

Что же касается мифологического рассказа, здесь, на мой взгляд, отделить комментарий рассказчика от текста повествования весьма сложно: речевые фрагменты с семантикой пояснения, интерпретации, попутного замечания, как правило, имеют самое непосредственное отношение к содержанию нарратива и плотно «вшиты» в текст рассказа, составляют с ним единую ткань (конечно, если это не ответы на дополнительные вопросы собирателя – в таком случае ремарки рассказчика являются уже элементами вопросно-ответного единства).

Если принять идею И.С. Веселовой о речевом исполнении мифологического рассказа как перформансе [Веселова 2023], то следует уточнить, что это перформанс другого рода, чем исполнителя сказки – текста с установкой на вымысел, воспроизводимого в особой коммуникативной ситуации, участники которой осознают сказочную условность и принимают как данность недостоверность текста. В ситуации экспликации мифологического рассказа, как мне кажется, не происходит изменения хронотопа, выхода из условности в реальность: рассказывая о событиях прошлого, говорящий тем не менее всегда сохраняет пространственно-временную ориентацию в рамках актуальной ситуации коммуникации.

Примеры свидетельствуют, что все обозначения времени, места, действующих лиц в мифологическом нарративе осуществляются из точки «момент речи» – как в повествовании о мифологическом событии, так и в обрамляющих фрагментах и вставных пояснениях, ремарках. Это становится очевидным в текстах, которые содержат речевые фрагменты с семантикой, сходной с приводимыми выше комментариями в сказке (т. е. с интерпретацией сюжета, указанием источника текста и обстоятельств знакомства с ним, характеристикой ситуации речи – места, времени и т. д.). Ср.:

Две девчонки потонуло вот здесь вот. И после как они потонули, в одном месте и чуть подальше, мельница была, и сейчас вот так крутит всё время. Воду крутят. Старики говорят: «Леший камень». *Леший, короче, их понёс, мать их послала к лешему. Мать их послала,*

што понеси вас леший. Вот они туда пошли, потонули обе. И вот сейчас в этом месте стоит водоворот (инф. ПВК, Ухта, 1996).

Не знаю, может, сказки это, что мама рассказывала, что в <?> шёл этот самый и унёс, три дня не было мальчишки. А потом, грит, меня носил дяденька на плечах <нрзб.> Не так, как здесь, <в Карелии> (инф. ФЛИ, Печниково-Олехово, 1997).

А я пошла корову доить, а идёт пастух – *здесь пасли совхозных коров* – от он и говорит: «Што, Олександровна, о чём задумалась?» «Да я, – говорю, – от овец уж к третьей ночи нету». «Иди, – говорит, – домой, овцы придут». *Што уж пастух, наверно знал немножко* (инф. СОА, Бор-Самсоново, 1996).

Таким образом, характерного для ремарки сказочника выхода в «здесь и сейчас» не происходит, поскольку «здесь и сейчас» – это и есть законный хронотоп для рассказчика былички (см. подробно об этом: [Черванёва 2019; Черванёва 2020; Черванёва 2023]), он остается все время в одном пространственно-временном плане и идентичен себе самому. Вряд ли мы имеем дело с двумя разными субъектами в нарративе и в попутном замечании или поясняющем фрагменте, по крайней мере, ничего в грамматике текста об этом не свидетельствует.

Думаю, что напрашивается вывод о речевом единстве мифологического текста – даже поверья и поверьеобразные фрагменты, которыми изобилуют тексты мифологических рассказов, являются их органической частью и не могут быть отделены от всего текста именно потому, что все элементы этого текста ориентированы на актуальную ситуацию речи и имеют один и тот же речевой субъект («образ автора»).

Итак, именно параметр субъекта («образа автора») выступает ключевым фактором переключения жанровой природы текста.

Вернемся к ремаркам исполнителя в сказке. Отличный от собственно сказочного текста речежанровый статус этих элементов ставит вопрос о характере их соотношения с «материнским» текстом, в рамках которого они существуют и выявляются. Решение этой проблемы, как кажется, может лежать в следующей плоскости.

Текст, который мы опознаем как фольклорный, не существует в вакууме, он всегда погружен в речевую среду, мы его вычленим из потока речи (ср.: мысль С.Б. Адоньевой о том, что говорящий в фольклоре не «автор», но «актор» – «автор речевого события», а не текста [Адоньева 2004, с. 56]).

Уже первые классификации речевых жанров в русистике были ориентированы на учет того речевого континуума, в котором

функционирует тот или иной РЖ. Так, классификация Н.Д. Арутюновой предполагает пять типов РЖ в зависимости от типа диалога, в котором используется этот жанр [Арутюнова 1992, с. 53–55].

В дальнейшем эта проблема разрабатывалась разными способами, с использованием различной терминологии: как соотношение первичных и вторичных жанров – с помощью моделей, где один жанр является элементом другого (гипержанр – жанр; макрожанр – микрожанр; и т. п.), как соотношение речевых и коммуникативных (речесобытийных) жанров (см. подробно обзор подходов в [Дементьев 2010]). К примеру, И.Н. Борисова предлагает типологию диалогических макрожанров (женская болтовня, мужской треп, травля анекдотов (баек, историй), спор ради развлечения и т. п.), в рамках которых существуют монологические микрожанры: шутка, анекдот, рассказ-пластинка, повествование и т. п. [Борисова 2009, с. 61].

Таким образом, фольклорный текст (однозначно «вторичный» РЖ, в понимании М.М. Бахтина [Бахтин 1996, с. 161–162]) находится в речевом субстрате, который можно определить как макрожанр интервью или беседы, и комментарии, ремарки говорящего – органическая часть этого речевого «бульона», постоянно «выплескивающегося» на поверхность. В этом проявляется ситуация актуальной коммуникации – режим информирования, присущий интервью и обусловленный его иллокутивной целью. И если в случае с мифологическими рассказами границы между этими элементами незаметны из-за сходства модальности и дейксиса этих текстов с речевой средой, то в сказках они очевидны.

Фольклорному тексту свойственна погруженность в диалог, в разговорный дискурс. Учет этого обстоятельства закономерно приводит к решению поставленного выше вопроса о характере соотношения ремарок сказочника с текстом сказки несколько парадоксальным образом: не комментарий существует внутри сказки, а сказка – внутри комментария, вернее той среды, элементом (микрожанром) которой он является и которая в такой форме прорывается в текст вторичного жанра «сказка». Следовательно, говорить о тексте сказки как «материнском» по отношению к ремарке сказочника не вполне корректно при обсуждении речевжанрового статуса этих текстов.

Подведем итоги.

Применение методологии теории речевых жанров к ремаркам рассказчика в сказках и мифологических рассказах приводит к выводу об «образе автора» (статусе субъекта речи) как ведущем факторе, формирующем речевой жанр. С каждым типом субъекта соотнесен определенный хронотоп и соответствующий дейкти-

ческий режим. Так, для ремарки рассказчика – независимо от того, в рамках какого текста она появляется, – свойствен речевой дейксис, присущий спонтанной разговорной речи. Комментарий говорящего в сказочном и несказочном тексте различается характером соотношения текста с речевым континуумом, на базе которого существует фольклорный текст, что проявляется в значимой маркированности комментариев в сказке и фактическом отсутствии демаркационной линии в мифологических нарративах.

Список информантов

ПВК – Попов Василий Клавдиевич, 1966 г. р., с. Ухта, д. Песок.

ФЛИ – Фаркова Людмила Ивановна, 1953 г. р., с. Печниково, д. Олехово.

СОА – Сергеева Олимпиада Александровна, 1926 г. р., с. Бор, д. Самсоново.

Список сокращений

СЦР – Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI в. в записях Е.А. Самоделовой и друзей-фольклористов: тексты / Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 51. Т. 1. 249 с.

Литература

Адоньева 2004 – *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: СПбГУ; Амфора, 2004. 312 с.

Арутюнова 1992 – *Арутюнова Н.Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. С. 52–56.

Балашова, Дементьев 2022 – *Балашова Л.В., Дементьев В.В.* Русские речевые жанры. М.: Языки славянских культур, 2022. 831 с.

Бахтин 1996 – *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Работы 1940 – начала 1960-х гг. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.

Борисова 2009 – *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Либроком, 2009. 320 с.

Веселова 2003 – *Веселова И.С.* Прагматика устного рассказа // Современный городской фольклор / под ред. А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 234–244.

Веселова 2023 – *Веселова И.С.* Как рассказывать хорошие истории и как их хорошо опубликовать // Комментарий как способ понимания

- устного текста внутри и вне фольклорной традиции: материалы круглого стола (Москва, РГГУ, 20 апреля 2023 г.) / сост. В.А. Черванёва. М.: РГГУ, 2023. С. 7–8.
- Герасимова 1995 – *Герасимова Н.М.* Фигура медиации в русской волшебной сказке // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 8–9 / под ред. М.Ф. Альбедиль. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. С. 241–250.
- Герасимова 1997 – *Герасимова Н.М.* Севернорусская сказка как речевой жанр // Бюллетень Фonetического фонда. Приложение № 6: Сказки Русского Севера / сост. С.Б. Адоньева, Н.М. Герасимова, А.Ю. Кастров, П.А. Скрелин, С.О. Тананайко. СПб.; Бохум: Рурский ун-т, 1997. С. 7–27.
- Герасимова 2012 – *Герасимова Н.М.* Прагматика текста: Фольклор. Литература. Культура. СПб.: РИИИ: СПбГУ, 2012. 364 с.
- Дементьев 2010 – *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.
- Дементьев 2015 – *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
- Левкиевская 2006 – *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10: Семантика и прагматика текста / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.
- Левкиевская 2008 – *Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / сост. А.С. Архипова*, М.А. Гистер, А.В. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.
- Мигунова 2002 – *Мигунова Е.А.* К вопросу о функции мифологического рассказа // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Наталии Михайловны Герасимовой / [сост. А.Г. Бобров, И.Ф. Данилова, Е.Л. Мадлевская, Е.В. Хворостьянова]. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 243–252.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.
- Успенский 2011 – *Успенский Б.А.* Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.
- Федосюк 1997 – *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

* Минюст России внес А.С. Архипову в список «иностранных агентов».

- Черванёва 2019 – *Черванёва В.А.* Дейксис устных мифологических нарративов: о чем говорят формы первого лица? // Шаги/Steps. 2019. Т. 5. № 2. С. 36–52.
- Черванёва 2020 – *Черванёва В.А.* Фольклорный текст в режиме диалога: к вопросу о статусе языка фольклора // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. № 2. С. 72–87.
- Черванёва 2023 – *Черванёва В.А.* «Здесь вам не тут»: некоторые замечания о дейксисе устных мифологических рассказов // Филология и человек. 2023. № 1. С. 161–170.
- Чистов 2005 – *Чистов К.В.* Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. 270 с.
- Шмелева 1997 – *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 88–98.
- Lyons 1977 – *Lyons J.* Semantics. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 897 p.

References

- Adon'eva, S.B. (2004), *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore], SPbGU, Amfora, Saint Petersburg, Russia.
- Arutiunova, N.D. (1992), "Genres of communication", in Bulygina, T.V., ed., *Chelovecheskii faktor v yazyke: Kommunikatsiia, modal'nost', deiksiz* [Human factor in language: Communication, modality, deixis], Nauka, Moscow, Russia, pp. 52–56.
- Bakhtin, M.M. (1996), "The problem of speech genres", in Bakhtin, M.M., *Sobranie sochinenii: V 5 t. T. 5: Raboty 1940 – nachala 1960-kh gg.* [collected works, 5 vols., vol. 5: Works of the 1940s – early 1960s], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 159–206.
- Balashova, L.V. and Dement'ev, V.V. (2022), *Russkie rechevye zhanry* [Russian speech genres], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Borisova, I.N. (2009), *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics], Librokom, Moscow, Russia.
- Chervaneva, V.A. (2019), "Deixis of oral mythological narratives: What are first person forms talking about?", *Shagi/Steps*, vol. 5, no. 2, pp. 36–52.
- Chervaneva, V.A. (2020), "Folk text in dialogic mode: On the status of the language of folklore", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 2, pp. 72–87.
- Chervaneva, V.A. (2023), "'You don't belong here': some notes on the deixis of oral mythological stories", *Philology and culture*, no. 1, pp. 161–170.
- Chistov, K.V. (2005), *Fol'klor. Tekst. Traditsiia* [Folklore. Text. Tradition], OGI, Moscow, Russia.
- Dement'ev, V.V. (2010), *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres], Znack, Moscow, Russia.

- Dement'ev, V.V. (2015), "Theory of speech genres and actual processes of modern speech", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, pp. 78–107.
- Fedosyuk, M.Yu. (1997), "Unresolved questions of the theory of speech genres", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 102–120.
- Gerasimova, N.M. (1995), "The figure of mediation in a Russian fairy tale", in Albedil, M.F., ed., *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera: Ethnographic notebooks], iss. 8–9, Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia, pp. 241–250.
- Gerasimova, N.M. (1997), "Northern Russian fairy tale as a speech genre", in Adon'eva, S.B., Gerasimova, N.M., Kastrov, A.Yu., Skrelin, P.A. and Tananaiko, S.O., comps., *Byulleten' Foneticheskogo fonda. Prilozhenie № 6: Skazki Russkogo Severa* [Bulletin of the Phonetic Fund. Appl. 6: Tales of the Russian North], Rurskii universitet, Bochum, Germany, Saint Petersburg, Russia, pp. 7–27.
- Gerasimova, N.M. (2012), *Pragmatika teksta. Fol'klor. Literatura. Kul'tura* [Pragmatics of the Text. Folklore. Literature. Culture], RIII, SPbGU, Saint Petersburg, Russia.
- Levkievskaja, E.E. (2006), "Pragmatics of the mythological text", in Tolstaya, S.M., ed., *Slavyanskii i balkanskii fol'klor, Vyp. 10: Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan folklore, iss. 10: Semantics and pragmatics of the text], Indrik, Moscow, Russia, pp. 150–214.
- Levkievskaya, E.E. (2008), "Bylichka as a speech genre", in Arkhipova*, A.S., Gister, M.A. and Koz'min, A.V., eds., *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statei v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deyatel'nosti* [Bricks: folkloristics and cultural anthropology today. Digest of articles in honor of the 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his scientific activity], RGGU, Moscow, Russia, pp. 341–363.
- Lyons, J. (1977), *Semantics*, vol. 2, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Migunova, E.A. (2002), "On the question of the function of a mythological story", in Bobrov, A.G., Danilova, I.F., Madlevskaya, E.L. and Khvorost'yanova, E.V., eds., *Traditsionnye modeli v fol'klоре, literature, iskusstve: V chest' Natalii Mikhailovny Gerasimovoi* [Traditional models in folklore, literature, art: In honor of Natalia Mikhailovna Gerasimova], Evropeiskii dom, Saint Petersburg, Russia, pp. 243–252.
- Paducheva, E.V. (1996), *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic research. Semantics of time and aspect in the Russian language. Semantics of narrative], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Shmeleva, T.V. (1997), "Model of speech genre", *Genres of speech*, iss. 1, Kolledzh, Saratov, Russia, pp. 88–98.
- Uspenskii, B.A. (2011), "Deixis and secondary semiosis in the language", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 3–30.

- Veselova, I.S. (2003), “Pragmatics of oral story”, in Belousov, A.F., Veselova, I.S. and Neklyudov, S.Yu., eds., *Sovremennyi gorodskoi fol'klor* [Contemporary urban folklore], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 234–244.
- Veselova, I.S. (2023), “How to tell good stories and how to publish them well”, in Chervaneva, V.A., comp., *Kommentarii kak sposob ponimaniya ustnogo teksta vnutri i vne fol'klornoj traditsii: materialy kruglogo stola (Moskva, RGGU, 20 aprelya 2023 g.)* [Commentary as a way of understanding oral text inside and outside the folklore tradition: materials of the round table (Moscow, Russian State University for the Humanities, April 20, 2023)], RGGU, Moscow, Russia, pp. 7–8.

Информация об авторе

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; viktoriya-chervaneva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3091-6469

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; viktoriya-chervaneva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3091-6469

Метаязыковые формулы ответа:
комментарий к чужому высказыванию
между культурой речи
и коммуникативным доминированием

Мария В. Ахметова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, malinxi@rambler.ru*

Аннотация. Рассматриваются клишированные формулы, которые представляют комментарий к чужому словоупотреблению и построены по модели, в рамках которой цитата из чужой речи помещается в контекст, будто бы более подходящий для нее, и таким образом сигнализирующие о неуместности выбранных собеседником слов. Обычно эти контексты оказываются сниженными, в том числе подразумевают использование обценной лексики. Подобные формулы воспроизводятся как реакция на нарушение, во-первых, речевой нормы, как ее понимает говорящий, а во-вторых, групповых (профессиональных) речевых конвенций. Они распространены, в частности, в таких иерархизированных сообществах, как семья, школа, вуз, армия, профессиональная группа. Приводится классификация способов конструирования данных метаязыковых формул, которые зачастую строятся на языковой игре с неоднозначностью (задействуется омонимия, полисемия, омография, синонимия и омоформия), и типов лексических единиц, осмысляемых в их рамках (обозначение действия, обозначение объекта, обозначение группы и стереотипные формулы). Выделяются, в частности, такие функции рассматриваемых формул, как выстраивание иерархических отношений между говорящим и собеседником, социализирующая, «дуэльная» и мнемоническая. Также показано влияние на соответствующую речевую практику культуры речи и определенных механизмов обыденного метаязыкового сознания.

Ключевые слова: формулы ответа, комментарий, фразеология, коммуникативное доминирование, метаязыковое высказывание

Дата поступления статьи: 28 апреля 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 04 июля 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Ахметова М.В. Метаязыковые формулы ответа: комментарий к чужому высказыванию между культурой речи и коммуникативным доминированием // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 26–57. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-26-57

Metalinguistic formulas of reply:
A commentary to someone else's speech
between culture of speech
and communicative dominance

Maria V. Akhmetova

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, malinxi@rambler.ru*

Abstract. The paper discusses stereotypic formulas, which represent a commentary on someone else's use of language. The mentioned formulas are constructed according to the model that places a quote from someone else's speech in a context that seems to be more suitable for it and, thus, signaling the irrelevance of the words chosen by an interlocutor. Usually these contexts are profane, and sometimes imply the use of obscene vocabulary. Such formulas are reproduced as a reaction to violation, firstly, of general speech norms, as a speaker understands them, and secondly, of group (professional) speech conventions. They are used particularly in such hierarchical communities, as family, school and other educational institutions, army and professional groups. The author suggests a classification of the ways of constructing these metalinguistic formulas, which are often based on wordplay with ambiguity (homonymy, polysemy, homography, synonymy and homoformy are involved) and classifies types of lexical units which are reflected (action designation, object designation, group designation and stereotype formulas). In particular, such functions of the considered formulas as the building of hierarchical relations between the speaker and the interlocutor, socializing, "dueling" and mnemonic are highlighted. The paper also demonstrates influence on the mentioned speech practice of the culture of speech, as well as certain mechanisms of naive metalinguistic consciousness.

Keywords: formulas of reply, commentary, phraseology, communicative dominance, metalinguistic statement

Received: April 28, 2023

Approved after reviewing: July 04, 2023

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Akhmetova, M.V. (2024), “Metalinguistic formulas of reply: A commentary to someone else’s speech between culture of speech and communicative dominance”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 26–57, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-26-57

Предварительные замечания

В центре данной статьи – высказывания, представляющие собой один из типов вербальной реакции на словоупотребление, по мнению говорящего, нерелевантное (в плане выбора лексики или реже акцентуации). Подобные высказывания помещают отвергаемую лексическую единицу в контекст, будто бы более подходящий для нее, чем тот, в котором она была употреблена, и сопровождаются, хотя и не всегда, указанием на релевантное словоупотребление. Для начала приведу два примера из художественной литературы:

– Давно служишь?

– Собачки служат, – сердито сказал я. – Я работаю (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу. 1964)¹.

– А у нас в доме все с удовольствием едят сладости <...>.

– Я тебе уже объяснял, что не «сладости», а «сласти». Сласти! Сладости у восточных красавиц, а это называется сласти (А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство для Несмеяны. 1978).

В этих конструкциях отсутствует как прямая оценка слова или объяснение причин его нерелевантности, так и непосредственное толкование (то есть не сообщается, например, о том, что *служить* в значении ‘работать’ используется ограниченно, или о том, что *сладость* – это качество продукта, а не его обозначение²). О нерелевантном словоупотреблении говорится в первом случае через косвенное сообщение о том, что глагол *служить* применим по отношению к собакам, а не к людям, во втором – через имплицитную отсылку к устойчивому словосочетанию *восточные сладости*, лишь в составе которого будто бы возможно использованное собеседником слово.

¹ Здесь и далее цитаты из художественной литературы приводятся по данным сервиса Google.Books. Разрядка здесь и далее моя. – М. А.

² Использование мн. *сладости* для обозначения кондитерских изделий вместо *сласти* было одним из пунктов критики в рамках «чистоты языка», см., например, популярное издание о «правильной» речи: Тимофеев Б. Правильно ли мы говорим? Л.: [Б. и.], 1961. С. 13–14.

В самом широком смысле такие реакции можно рассматривать как высказывания, содержащие оценочность через повторение слов собеседника (эхо-реплику) (ср.: «1. Послушай / а ты у нас талант / 2. Талант / опять тройка по анатомии //» [Капанадзе 1988, с. 155]). При этом рассматриваемые мною конструкции зачастую тяготеют к идиоматичности: например, ответ типа *Являются черти* (привидения и т. д.) в армейской среде представляет собой (или, по крайней мере, представлял в XX в.) стандартную реакцию на высказывание младшего по званию «<Имярек> явился». Стереотипность реакций на одно и то же словоупотребление, с одной стороны, может объясняться частотностью самих таких случаев словоупотребления, воспринимаемых как нерелевантные; с другой стороны, можно сказать, что многие из подобных реакций вошли в некий общий «фразеологический фонд» русского языка.

Высказывания типа *Являются черти* в ответ на «<Имярек> явился» также близки, с одной стороны, к так называемым фразеорефлексам и идиорефлексам – «своеобразным фразеологическим единицам», «вербальным реакциям, имеющим тенденции к стереотипизации», приобретающим «более или менее устойчивый характер» и, в частности, выражающие реакцию «на слова, в том числе и на вопросы, на мнение собеседника или иного лица» [Гак 1995, с. 47–48]. С другой стороны, они в большей степени близки к тому, что А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский определяют как «формулы ответа» – стереотипные реплики, повторяющие фонетические особенности предшествующего речевого акта собеседника и указывающие на его неуместность [Баранов, Добровольский 2008, с. 92–93], выражающие крайнюю невежливость, передразнивающие собеседника и с прагматической точки зрения сигнализирующие о нежелании продолжать коммуникацию, по крайней мере, в данном контексте [Баранов, Добровольский 2009, с. 22–23] (ср. <– Ну?> – *Баранки гну*; <– Почему?> – *По кочану* и т. д.).

Кроме того, их можно рассматривать в рамках весьма разнообразных и по форме, и по прагматике речевых и/или фольклорных жанров, таких как «шуточные ответы» [Пермяков 1988, с. 89], «диалогическая реинтерпретация» чужих слов [Клубков 2003, с. 658], как элемент «сценарных диалогов» [Жигарина 2008]. В качестве функций таких высказываний и близких к ним выделяются снижение, парирование суждения собеседника, игра, передразнивание, установление коммуникативной власти [Жигарина 2008, с. 191–192; Бойцова 2010], укрепление позиций говорящего в диалоге [Норман 2016, с. 231], «негативно-коммуникативная функция» [Пермяков 1988, с. 89].

Существенные особенности рассматриваемых мною конструкций заключаются в том, что они, во-первых, цитируют прежде

всего лексические (либо акцентуационные) особенности речи собеседника; во-вторых, могут воспроизводиться не как реакция на реплику в коммуникации, а вообще при обсуждении тех или иных средств вербального выражения; в-третьих, неуместность речевого акта, о которой они сигнализируют, ограничивается сферой языка. Поэтому далее я, основываясь на терминологии Баранова и Добровольского, предлагаю называть такие высказывания метаязыковыми формулами ответа.

Формулы ответа как таковые вообще могут строиться и непосредственно по «цитатному» принципу, и помещать цитату из речи собеседника в иной контекст, при этом неуместность предыдущего речевого акта собеседника состоит не в выбранном им слове, а в самой ситуации, ср.: *Жалко у пчелки* (неуместно выражать чувство сожаления, а не слово *жалко*); *Неудобно штаны через голову надевать/снимать* (неуместно говорить о неудобстве, а не использовать слово *неудобно*) и т. д. Наряду с этим формулы ответа, в том числе построенные по другим моделям, могут иметь более или менее эксплицитную метаязыковую составляющую, ср.: *На кудыкину гору* (ответ на табуированный в традиционной культуре вопрос *Куда?* [Топорков 1990]); *Тамбовский волк тебе товарищ* (если идет речь о милицейском или тюремно-лагерном противопоставлении обращений *товарищ* vs. *гражданин*); *За «спасибо» бьют красиво* (паремия обусловлена табуированием слова *спасибо* в криминальной субкультуре, но также иногда и в культуре традиционной, например у старообрядцев, ср. [Подюков, Свалова 2019, с. 112]; ср. структурно идентичную паремию *За «нечаянно» бьют отчаянно*, указывающую на неуместность оправдания проступка тем, что он был совершен «нечаянно», а не самого этого слова). Как представляется, метаязыковая прагматика формульных ответных высказываний до сих пор не привлекала специального внимания исследователей.

Иными словами, речь пойдет об особой риторической модели, по многим критериям сближающейся с фразеологической/паремиологической/фольклорной сферой и носящей метаязыковой характер. Я рассмотрю высказывания подобного рода из литературы XX – начала XXI в. и из сети Интернет (в том числе из специального обсуждения «Про словоблудие и суеверия», собранного более 1300 комментариев³). Кроме того, исполь-

³ Про словоблудие и суеверия: <пост и комментарии> // Pikabu.ru. 2018. URL: https://pikabu.ru/story/pro_slovobludie_i_sueveriya_5769830#comments (дата обращения 20 марта 2024). Далее при цитировании материалов блогов, форумов и социальных сетей в круглых скобках приводятся название ресурса и год записи. Во всех примерах из сети

зуются материалы переписки в социальных сетях и полевые записи⁴.

«Неправильное» слово и сферы его осмысления

Метаязыковые формулы ответа служат реакциями на словоупотребление, нерелевантность которого может быть обусловлена двумя аспектами.

В первом случае они маркируют невладение речевой нормой, культурой речи, как ее понимает говорящий. Следует учитывать высокий статус этого поля знания в отечественной культуре XX–XXI вв. Культура речи как дисциплина и инструмент регулирования речевых норм (порой приобретавший жесткий прескриптивный характер) складывалась в СССР на протяжении XX в., широко пропагандировалась в медиа и в (научно-)популярной литературе, не говоря уже об образовании, при этом она остается авторитетной и востребованной в постсоветский период. Сам дискурс культуры речи, особенно в том виде, как он популяризировался и был воспринят массовым адресатом, предполагал характеристику тех или иных средств речевого выражения как нормативных, допустимых или недопустимых, что на самом упрощенном уровне выражалось в суждениях наподобие «так говорить можно» или «так говорить нельзя» и во многом определяло метаязыковое поведение как в советскую, так и в постсоветскую эпоху (включая практику исправления чужой речи). В обсуждения культуры речи наряду с профессиональными лингвистами были вовлечены также писатели (которые наделяются в отечественной культуре как функцией производства литературного языка, так и особой компетентностью в суждениях о языковых нормах) и рядовые носители языка. Последние выступали в функции не только потребителей информации о релевантном или нерелевантном словоупотреблении, но и комментаторов, транслируя свои представления о культуре речи, например, в письмах в газеты и профильные популярные издания, вступая в диалог со специалистами (см. подробнее: [Басовская 2011; Gorham 2010]). «Правильное» и «неправильное»

Интернет исправляется пунктуация, орфография сохраняется, кроме написания прописных/строчных букв. В обценной лексике купоры, сделанные автором, помечаются многоточием в квадратных скобках.

⁴ При цитировании свидетельств, полученных при личной коммуникации (в том числе в переписке), приводятся (примерный) год рождения (кор)респондента и его место рождения/жительства, релевантное для приводимого контекста.

словоупотребление активно обсуждается, в частности, в социальных медиа в наши дни.

В рамках метаязыковых формул ответа как несоответствующие норме и поэтому оспариваемые часто появляются стилистически маркированные (либо воспринимаемые как таковые) лексические единицы vs. нейтральные. Например, в качестве реакции на обиходное *убираться* вместо *убирать* 'приводить в порядок' обычно говорят, что *убираться можно только вон* (см.: [Левонтина 2016, с. 161]), а в качестве реакции на *наложить* (еды в тарелку) вместо *положить* припоминается идиома *наложить в штаны*. Приведу далее реакции на *кушать* вместо *есть*, отражающие устойчивую модель, в рамках которой варьируются элементы:

...дергаюсь от употребления слова «кушать» <...>. Я все еще считаю, что кушают дети и дорогие гости, а все остальные – едят, обедают, ужинают (Livejournal.com, 2013).

В советские еще времена, когда русский язык в школах преподавали **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** знающие учителя, нам объясняли: кушают дети и короли, а все остальные едят (Ryutimenutka.ru, 2017).

Как говорит моя свекровь, кушают лакеи (это интерпретация ахматовского высказывания о том, что «кушать» – лакейское слово) (жен., 1976 г. р., Санкт-Петербург, переписка, 2017 г.).

«Кушают только маленькие дети и старые евреи», – говорила бабушка моей подруги, принадлежащая к последним (Livejournal.com, 2006).

Кроме того, в сетевых дискуссиях по поводу маркированного *кушать* vs. нейтрального *есть* встретились суждения, согласно которым *кушают* «лакеи да дети до трех лет», «евреи и москвичи», «лакеи и свиньи», «лакеи и деклассированные элементы», «дети и (домашние) животные», «дети и генералы КГБ», «баре» и мн. др. Здесь интересно, во-первых, что в качестве субъектов упоминаются обычно как условные адресаты, в общении с которыми или при описании действий которых используется слово *кушать* («дорогие гости» – ср. приглашение к столу «Кушайте, дорогие гости»; «дети (до трех лет)», о которых говорится в регистре baby-talk; «домашние животные»⁵; высокостатусные персоны («короли», «генералы КГБ», «баре»), говорение о которых будто бы требует

⁵ См. о сближении регистра baby-talk и регистра общения с домашними животными: [Магин 2006].

особого вежливо-подобострастного регистра⁶, и т. д.), так и условные носители («лакеи» – ср. высказывание «Кушать подано»; «евреи»⁷ и т. д.). Во-вторых, суждение о том, что «кушают свины», находит отражение в словаре В.И. Даля⁸, что свидетельствует о возникновении подобной модели заведомо до XX в. Иными словами, соответствующие реакции подразумевают семантически как «N – это то, что допустимо сказать об X», так и «N – это то, что относится к речи X»⁹. Рассматриваемые далее примеры относятся преимущественно к первому случаю.

Нельзя не отметить, что жизнеспособность этой модели поддерживается существованием анекдотов и баек на тему нерелевантного словоупотребления и его исправления собеседником. Существование анекдотических нарративов, задействующих суждения подобного типа, с одной стороны, свидетельствует о распространенности таких конструкций в речи, с другой – «под-

⁶ Ср. представления об использовании различных лексических средств при говорении о лицах, обладающих либо наделяемых разным статусом, например, воспоминания А.И. Герцена о лакее своего отца, популяризированные Л.И. Успенским: «Покойник <...> приговаривал: “А ты, мужик, знай: я тебе даю, а барин изволит тебя жаловать; ты – ешь, а барин изволит кушать; ты спишь, щенок, а барин изволит почивать”» (*Успенский Л.В. За языком до Киева: Лингвистическая проза, повесть, рассказы, публицистика, письма. Л.: Лениздат, 1988. С. 407*), известный фрагмент из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, где гробовщик Безенчук размышляет о том, какой из глаголов в значении ‘умереть’ следует использовать, имея в виду статус и внешний вид покойника (*предстаться, Богу душу отдать, гикнуться* и др.), или более приближенные к нашему времени юмористические сентенции типа *Начальство не опаздывает – начальство задерживается*.

⁷ Ср. стереотипные представления о речи евреев, совмещающие, с одной стороны, признаки речи «мещанской», «одесской», «южнорусской» и т. д., с другой – (псевдо)интеллигентской речи.

⁸ «*Кушают одне только свины, а люди-де едят*» (см.: Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. М.: Рус. яз., 1981. Т. 2. С. 220 [ст. «Кушать»]); «*...кушать* вежливее, чопорнее, чем *есть*, хотя и говор<и>т<ся> шут<от>ч<но>, что: *кушают свины, а люди едят*» (см. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. М.: Рус. яз., 1982. Т. 4. С. 214 [ст. «Скушать»]).

⁹ См., например, эксплицирование этого значения в высказываниях наподобие: «В мою молодость знакомая пожилая дама, первооткрывательница, между прочем, Долины гейзеров на Камчатке, говорила своим внукам: “КУШАТЬ говорят евреи, лакеи и маленькие дети”» (о второй половине 1970-х гг.; жен., 1945 г. р., Эстония, переписка).

питывает» их бытование. Ср. далее два случая воспроизведения в коммуникации анекдотической модели (в первом случае речь идет о реальной коммуникации в Интернете, во втором, вероятно, о байке, в основу которой могло лечь реальное наблюдение свидетеля).

1. <Анекдот>

- Алле! Это голландское посольство?
- Молодой человек, голландским бывает сыр и хер, а посольство – Нидерландов... (Anekdot.ru, № 9981668, 2002).

<Коммуникация>

- Так Голландия и есть Нидерланды, не?
- Запомни, голландским может быть только сыр и хер, а государства (sic!) называется королевство Нидерланды (VK.com, 2020).

2. <Анекдот>

В автобусе:

- Девушка, вы выходите?
- Выходят замуж!
- Девушка, вы сходите?
- Сходят с ума!
- Может, вы вылезаете?
- Вылезает, когда рождаются!

Мужчина, пинком выпихивая ее из автобуса:

- С днем рождения, сука!!! (Anekdot.ru, № 484134, 2010).

<Коммуникация>

В автобусе: «Вы сходите?» Царственно оборачивается и хорошо поставленным голосом: «Сходят со сцены, молодой человек!» Так мне рассказали (муж., ок. 1959 г. р., Дмитров, переписка, 2017 г.).

Другой случай представляют собой ответные комментарии, маркирующие невладение групповыми речевыми конвенциями: как правило, речь идет об использовании собеседником общеязыковых/разговорных аналогов вместо профессионализмов или специальных терминов. Далее будут рассмотрены высказывания, относящиеся к сфере деятельности юристов, полицейских, военных, рестораторов/барменов, связистов, портных, механиков, водителей, спортсменов, музыкантов и др.

Кроме профессиональных сообществ метаязыковые формулы ответа воспроизводятся, в частности, в рамках таких социальных институтов, как семья, армия и учебные заведения. О роли последних следует сказать особо. Так, если в профессиональных

сообществах обсуждается принятая терминология, а в семье старшие зачастую сообщают ребенку таким образом об «общей культуре речи», ср.:

<По поводу *наложить* (еду в тарелку).> Вот и мне в детстве всегда говорили, что наложить можно только в штаны. <...> И еще взрослые добавляли: «Ты бы еще сказал – навороти!» (Monogramma.c1.biz, 2005).

<По поводу *присесть* vs. *сесть*.> Мне бабуля всегда говорила: «присаживаются в кустах» (Pikabu.ru, 2018), –

то границы между учебными заведениями и, с одной стороны, семьей, а с другой – профессиональными сообществами в этом смысле проницаемы. Как мы увидим из приводимых далее примеров, школьные учителя (для которых вообще обычна практика исправления речи учащихся) и вузовские преподаватели (в том числе те, которые читают и правят студенческие работы) реагируют как на общие «речевые ошибки», так и невладение терминологией. В частности формулы, используемые в армии, воспроизводятся преподавателями на военных кафедрах и школьными военруками; учителя труда воспроизводят те же формулы, что механики либо портные, и т. д.:

А еще помню, как в училище по «Стилистике деловой речи и редактированию служебных документов» учила мастер: «Наложить можно только в штаны». Надо коворить (sic!) «класть» (Sekretar-info.ru, 2010, жен., 1980 г. р.; ср. «общая культура речи»).

Муж вспомнил с военной кафедры: честь отдают девушки, а солдаты выполняют воинское приветствие! (жен., 1976 г. р., Москва, переписка, 2017 г.; ср. то же в армии).

Нам говорила <учительница труда>: «глядят по голове, а мы утюжим!» (Pikabu.ru, 2018; ср. то же у портных).

Моя учительница математики говорила: «КОмплексные бывают обеды, а числа – комплЕксные» (жен., ок. 1976 г. р., Санкт-Петербург, переписка, 2017 г.).

кОмплексные обеды, а числа комплЕксные <...> это одна из фраз профессора Серебрянского. Читал у нас математику (муж., 1957 г. р., Санкт-Петербург, переписка, 2017 г.).

У нас препода по анатомии говорил, что дырка у бублика, а в кости – отверстие. Если угораздило сказать «дырка» – отправляйся на передачу (Pikabu.ru, 2018) (ср. далее суждения о *дырке vs. отверсти* у представителей иных профессий).

Наряду с этим некоторые высказывания педагогов, приводимые в воспоминаниях, судя по всему, образуются по данной модели окказионально (по крайней мере, обнаружить аналогичных примеров мне не удалось):

Моя учительница по математике всегда говорила: «Переводят бабушку через дорогу, а дробь преобразовывают!» (Pikabu.ru, 2018).

А моя учительница русского языка ненавидела выражение «я считаю», всегда говорила, что считают деньги в кармане. Если видела эту фразу в сочинении, сразу два ставила (Pikabu.ru, 2018).

У нас в летном училище препода: «“Наушники” на ухо шепчут или в КГБ, а это “головные телефоны”» (Pikabu.ru, 2018)¹⁰.

То же можно сказать и об институте редактуры, поскольку редакторы имеют дело и с «общей культурой речи», и со специальной терминологией. Ср.:

<Автор записи в соцсети:> Мы, химики, в пробирки прикапываем. И точно не капаем, капают медики в нос, но не химики в пробирки.

<Вопрос:> А про «капают медики в нос» – это Вы только что смоделировали или у химиков есть такая типовая реплика на «капать» (наподобие морского «плавает гтгг, а корабль ходит»)?

<Автор записи в соцсети:> Нет, это фантазия научного редактора, которому приходится объяснять авторам статей суть применяемого ими термина. Например, «снять спектр» – реакция редактора – «снимают пальто, спектр регистрируют» (жен., научный сотрудник, редактор, переписка, 2021 г.).

Интересно, что близкое словоупотребление может провоцировать аналогичные метаязыковые формулы ответа у представителей

¹⁰ Ср. также уникальную учительскую реплику, не имеющую метаязыковой составляющей, но построенную по той же модели (ответ на высказывание ученика «Я не знаю»): «Знает только попугай, а человек думает» (жен., 1967 г. р., Новгородская обл., устное сообщение, 2023 г.).

разных сообществ, что может быть как результатом некоего дрейфа между узусами, так и возникать автономно. Например, армейское *Являются черти* как ответ на «<Имярек> явился» используется также представителями сообществ, работающими с речью (школьные учителя, преподаватели вузов, журналисты, редакторы и т. д.), в ответ на использование глагола *являться* 'быть' (в высказываниях типа *X является Y*, воспринимаемых как неуместное клише, элемент канцелярита и т. д.):

<О рубеже 1950-х и 1960-х годов.> ...я в детстве <...> слышала от мамы – причем со ссылкой на ее учительницу литературы Н.Г. Долинину. До сих пор у меня в статьях являются только призраки <...>. НГ, школьная учительница (и автор многих книг по литературе для школьников) ей вычеркивала в работах слово «является» (тем-то), говоря, что «являются только призраки» (жен., ок. 1976 г. р., Санкт-Петербург, переписка, 2023 г.).

Тамара Осиповна <журналист> вспомнила своего преподавателя, который терпеть не мог слово «является». Присказка у него такая была: мол, являются черти. Конечно, деловому стилю русского языка никак не избежать этого довольно странного слова. Но Тамара Осиповна, однажды усвоившая, что канцеляризм никак не связан с «мускулистой прозой» газетной полосы, и сейчас избегает этого слова в своих текстах¹¹.

<Воспоминания о преподавателе бывшего студента МФТИ рубежа 1940–1950-х гг.> И.К. Кикоин очень тонко чувствовал русский язык. Он терпеть не мог такого глагола, как «являться», и гневно говорил: «Является Христос народу». И через много лет работы с И.К. Кикоиным я принес ему статью своего сотрудника <...>, в ней ни разу не встретился глагол «является». Прочитав ее, Кикоин сказал: «Да, эта работа годится»¹².

Или еще один пример, связанный с сатирическим переосмыслением словоупотребления в официальном церковном документе в духе грамматической омоформии (*являться кем-л. vs. являться кому-л.*); речь идет о реакции на указ митрополита Крутицкого

¹¹ *Ракитянская Л.* Не «являться», а быть! // Вечерний Ставрополь. 2022. 28 марта. URL: <https://old.vechorka.ru/article/ne-yavlyatsya-a-byt/> (дата обращения 20 марта 2024).

¹² *Сазыкин А.А.* Несколько строк о Кикоине // Исаак Константинович Кикоин: Воспоминания современников / отв. ред. Н.Н. Пономарев-Степной. М.: Наука, 1998. С. 182.

и Коломенского Ювеналия, согласно которому священник «является изверженным из сана». Примечательно, что здесь приводится отсылка, вероятно ложная, к авторитетному лицу – знаменитой переводчице Н.Л. Трауберг:

Как говорила великая Наталья Трауберг, «являться могут только приведения (sic!), и только плохим переводчикам». Но по воле митрополита Ювеналия с 13 ноября запрещенный о. Максим Каскун <...> должен являться изверженным из сана. Именно это следует из текста указа, опубликованного на сайте Московской епархии, а вовсе не то, что означенный иерей лишен сана (ТГ-канал «Батюшка Лютер», цит. по Livejournal.com, 2020).

Иными словами, метаязыковые формулы ответа сигнализируют о невключенности собеседника в определенную речевую конвенцию – будь то с точки зрения норм языка (именно поэтому они распространены в узусе профессионалов, которым в рамках их обязанностей делегируется исправление «ошибок» в чужой речи) или с точки зрения принятого в данной группе словоупотребления.

Как «сделаны» метаязыковые формулы ответа

Наряду с более или менее произвольно выбираемым контекстом, в который помещается дискредитируемое словоупотребление (например, *Стоит слон в зоопарке (ведро, столб), а вратарь играет; Дырка в носу (штанах, заборе, заднице), а в X отверстие*), рассматриваемые высказывания часто строятся на языковой игре с разного рода неоднозначностью. В них задействуются:

1) о м о н и м и я (ср. *баба* простореч. ‘женщина’ vs. *баба* ‘ударная деталь машины’):

Машинист назвал Оньку бабой. <...> «Я тебе – не баба; бабой сваи забивают, понял, пустая голова, безмозглая!» (Е. Белянкин. Вислый камень. 1958).

2) п о л и с е м и я (ср. *гладить* ‘легко проводить рукой по чему-л.’ vs. ‘делать гладким при помощи утюга’):

Как правильно сказать: гладить или утюжить? Профессиональные портные считают, что гладят только кошку, и предпочитают на каждую операцию использовать определенный термин: разутюжить;

сутюжить; заутюжить и т. д.¹³ (ср. также: *Гладят только собачку, мужа* и т. д.).

3) омография (ср. общ. *возбуждённый* vs. спец. *возбужденный* [об уголовном деле]; см. выше: *комплексный* vs. спец. *комплéксный* [о числе] и т. д.):

<Архивистка в отделении полиции, недавно устроившаяся на работу: «...возбуждено дело...». Полицейский:> Возбуждённым бывает х<..>, а дело возбуждено (жен., 1973 г. р., Москва, устное сообщение, 2017 г.).

4) (неполная) синонимия (ср. *кататься* ‘совершать прогулку или упражняться, передвигаясь на чем-л.’ vs. *ездить* ‘двигаться куда-л. при помощи каких-л. средств передвижения’):

<В контексте верховой езды; реакция на использование в обсуждении слова *кататься* (на лошади).> Вообще-то катаются – на коньках. А на лошади – ездят (Forum.exler.ru, 2005; ср. также: *Катаются на карусели, на палочке, на осле в цирке, на пони* и т. д.).

5) омоформия (ср. *дуло* сущ. ‘выходное отверстие канала ствола огнестрельного оружия; ствол оружия’ vs. форма прош. вр. ср. р. глагола *дуть*):

<В ответ на «...подполковник (зам. нач.) приставил солдату к голове дуло»> ...«дуло» – это из окна, у оружия – ствол (X-trail-club.ru, 2011; ср. также: *Дуло – из форточки, под носом, глагол*).

Объектами осмысления в рамках рассматриваемых высказываний обычно являются следующие типы терминов.

1. Обозначение действия (*гладить* vs. *утюжить* (портные; школа: уроки труда), *стоять (в/на воротах)* vs. *играть* (спортсмены, о вратаре), *кататься (на лошади)* vs. *ездить* (спортсмены, тренеры по верховой езде), *нанимать (адвоката)* vs. *заключать соглашение / приглашать* (юристы), *заводить* или *открывать (дело)* vs. *возбуждать* (юристы, милиция/полиция), *являться* vs. *прибывать* [армия, военные учебные заведения] и т. д.):

¹³ Патлах В.В. Энциклопедия технологий и методик. 2007. URL: <http://patlah.ru/etm/etm-05/dom%20hitrost/ytug/ytug-03.htm> (дата обращения 20 марта 2024).

У нас в ходу другое, неверное, выражение: «голкипер стоит в воротах». Это слоны в зоопарке стоят. А вратарь – играет, как любой футболист¹⁴.

Не нанять, а заключить соглашение на оговоренных с адвокатом условиях. Нанимают извозчиков (юридический форум 9111.ru, 2012; ср. также: *Нанимают такси, няню* и т. д.).

– Уголовное дело на меня завели.
– Заводят часы да моторы, – поправляю я его. – А дела возбуждают¹⁵ (ср. также: *Заводят собаку, кошку, любовницу* и т. д.).

Открывают форточку, когда душно. Уголовное дело возбуждают (Отvet.mail.ru, 2009; ср. также: *Открывают книгу*).

– ...гвардии сержант Сомин по вашему вызову явился! <...>
– <...> являются обычно чудотворные иконы или образ любимой девушки во сне, а гвардии сержанты по вызову начальника прибывают (Ю. Анненков. Флаг миноносца. 1958).

– Старшина Мудрик явился, товарищ полковник!..
– Являются ангелы на небе, а старшина Мудрик прибыл (Б. Полевой. Доктор Вера. 1966).

– Командир второго взвода по вашему приказанию явился! <...>
– <...> является только черт с того света <...>. Командиры же прибывают по приказанию (Ю. Бондарев. Горячий снег. 1969).

...один препод в академии любил на фразу: «Курсант такой-то для сдачи экзамена явился!» отвечать: «Являются привидения, а курсанты прибывают!» (Pikabu.ru, 2018; ср. также: *Является черт во сне, Христос народу* и т. д.).

2. Обозначение объекта (ср. *шкурка* vs. *наждачка* / *наждачная бумага* [механики, маляры и т. д.], *дуло* vs. *ствол* [армия], *гудок* vs. *зуммер/сигнал* [связисты], *малый барабан* vs. *рабочий барабан* [музыканты] и т. д.):

Я однажды в малярке случайно прочёл на зашпаклёванной двери легковушки переписку двух маляров. Писали карандашом. Один просил

¹⁴ Александр Филимонов: «Стоят – слоны в зоопарке, а вратари – играют» / Записал М. Квятковский // Спорт-экспресс. 1998. 1 июня.

¹⁵ *Бывалый Н.* «За нечаянно бьют отчаянно» // Человек и закон. 1987. № 9. С. 92.

у второго «шкурки». На что второй доходчиво пояснил, что шкурка в штанах, а маляры работают наждачной бумагой. С тех пор я разделяю эти два термина (Forum.jawaold.su 2019).

...отставить «дуло». «У оружия – ствол! А дуло у бабы под юбкой» © гвардии старший прапорщик Козлов (Yaplakal.ru, 2012).

Гудок у паровоза, у нас зуммер, ну или тоновый сигнал... (Forum.ixbt.com, 2014).

...один мудрый человек сказал мне: «Рабочий – на стройке. Барабан называется Малый» (Drumspeech.com, 2010).

3. Обозначение группы. Как правило, релевантность принятых в сообществе названий профессии в рамках метаязыковых высказываний объясняется через простое противопоставление профессионализма и его обиходного/разговорного синонима: «балетный, а не балерун», «цирковой артист цирка, а не циркач» и т. д. В то же время для противопоставления литературного *пожарный* и разговорного *пожарник* зачастую реализуются такие маргинальные значения второго слова, как устаревшее 'пожарный-любитель, член добровольной пожарной дружины'¹⁶, устаревшее/диалектное 'погорелец'¹⁷ (в «Москве и москвичах» В.А. Гиляровского *пожарник* – также обозначение нищего-(лже) погорельца¹⁸) или 'поджигатель'. Последнее значение в авторитетных источниках не обнаруживается; можно осторожно предположить, что оно актуализируется благодаря топике романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», хотя в первом и выдержавшем наибольшее количество изданий русском переводе Т.Н. Шинкарь используется исключительно лексема *пожарный*. Едва ли будет ошибкой сказать, что знание о соответствующих значениях слова *пожарник* в настоящее время актуально лишь в контексте его противопоставления слову *пожарный*. Первые два значения, по всей вероятности, актуализируются благодаря фрагменту из книги Гиляровского, цитируемому в научно-попу-

¹⁶ Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994. Стлб. 474; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 10 / под ред. В.И. Чернышева и др. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР; Наука, 1960. Стлб. 734.

¹⁷ Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. М.: Рус. яз., 1982. Т. 3. С. 221; Словарь русских народных говоров. Вып. 28 / под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб.: Наука, 1994. С. 289.

¹⁸ *Гиляровский В.А.* Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1967. С. 207.

лярной¹⁹ и популярной литературе о культуре речи²⁰. Метаязыковые высказывания по поводу противопоставления *пожарник* vs. *пожарный* могут как содержать «альтернативное» толкование нерелевантной лексемы, так и характеризовать ее нерелевантность через помещение ее в соответствующий контекст («пожарники поджигают»):

- Пожарники... – откликнулась Лизка <...>.
- Тю-тю-тю! – наставительно зашипел Крысяныч. – При МЧСе это не брякни!
- А что не так?
- Пожарники поджигают, а пожарные тушат²¹.

...у нас кто-то читал, что, сказал, есть и «пожарники», но лучше всего «пожарные». Пожарники – это типа они, наоборот, поджигают. <...> Иногда, да, вот новый человек устраивается на работу, и там говорит, ну там, «пожарник». Ему делают замечание. Более старшие. «Мы пожарные» (жен., ок. 1972 г. р., инструктор по противопожарной профилактике, Бологое, устное сообщение, 2008 г.).

4. Этикетные формулы (ср. *можно* vs. *разрешите* (армия), *здорово* vs. *здравствуйте* (общее?), *с прошедшим* (*праздником*) vs. *с наступившим* (армия? общее?) и т. д.):

Сержанты афористически дразнят новобранцев, которые с гражданки не избавились от слова «можно», ответом: «Можно жену и тещу, а в армии – разрешите» [Головин и др. 2003, с. 191] (ср. также: *Можно Машку за ляжку, козу на возу, телегу с разбегу* и т. д.).

- Привет, милиция <...>.
- Здорово, бандит.
- Здорово у коровы, а интеллигентные люди говорят «здравствуйте» (Д. Ведерников. Зеркало. 2016; цит. по: Вечорка (Чита), 02.03.2017; ср. также: *Здорова п<...> у коровы*).

¹⁹ Ср. там же отсылку к данным словаря Ушакова: «...пожарные-профессионалы слово пожарник не приняли, считая его для себя низким, оскорбительным. Дело в том, что пожарниками обычно называли инвалидов заштатных пожарных команд, а также пожарных-любителей, членов добровольных пожарных дружин» (см.: *Скворцов Л.И.* Правильно ли мы говорим по-русски? Справочное пособие по произношению, ударению и словоупотреблению. М.: Знание, 1980. С. 179).

²⁰ См.: *Тимофеев Б.* Указ. соч. С. 29–30.

²¹ *Хазарев А.* 2.31. Харчевня. Песец // Proza.ru. 2017. URL: <https://proza.ru/2017/04/29/1573> (дата обращения 20 марта 2024).

Как говорил мой военрук в школе – «Правильно говорить – с наступившим. С прошедшим только с триппером поздравляют» (Livejournal.com, 2009).

Обращает на себя внимание, что в некоторых случаях рассматриваемые конструкции отражают рефлексию по поводу происходящих в языке изменений. Так, с конца 1980-х гг. в общественном дискурсе начала широко освещаться тема проституции, в связи с чем актуализовались соответствующие коннотации слова *клиент* как обозначения обслуживаемого лица; именно этим, как представляется, обусловлена негативная реакция на это слово представителей различных профессий. Вместо осмысляемого как нерелевантного слова *клиент* (говорится, что *клиенты у проститутки*) предлагается использовать обозначения *гость* (рестораторы, бармены), *пациент* (врачи), *пассажир* (водители), *доверитель* (юристы), *заказчик* (представители разных профессий) и др. Все приведенные ниже примеры, кроме первого, спровоцированы непосредственным использованием слова *клиент* в коммуникации:

<Бармен:> Меня раздражает, когда моих гостей называют клиентами. Клиенты у проститутки, у меня всегда гости²².

На вопрос: «Почему Вы так разговариваете с клиентами?» – «Клиенты у проститутки», – цитата доктора Анны Беловой (отзыв о ветклинике, msk.vet.firmika.ru, 2021).

Только клиенты у проститутки, а в такси, как, впрочем, на любом транспорте, – пассажиры (Yagportal.ru, 2020).

Адвокатура – это не бизнес! Клиенты у проститутки, а у адвокатов – доверители (<https://vnclip.net>, коммент., 2018).

Клиенты у проститутки! У дизайнеров – заказчики! (3ddd.ru, 2019).

Если заказчик (клиенты у проститутки, кстати) хочет сделать по своему <...>, по[д]совываешь расписочку – о последствиях осведомлен (форум строителей Forumhouse.ru, 2012).

²² Сычева Е. «Клиенты у проститутки, а у меня всегда гости»: сыктывкарский бармен рассказал о подноготной своей работы // ProGorod. 2021. 6 февр. URL: <https://pg11.ru/news/82444> (дата обращения 20 марта 2024).

Другой пример связан с рефлексией по поводу деактуализированной терминологии. В российской армии имперского периода, в уставах внутренней службы вооруженных сил СССР 1960 и 1975 гг. (второй действовал до 1993 г.) воинское приветствие именовалось *отданием чести*. Начиная с 1993 г. в уставе внутренней службы Вооруженных сил РФ используется термин *воинское приветствие*.

В современном армейском жаргоне периодически можно услышать выражение *отдавать честь*, однако <....> данное выражение является редкоупотребимым анахронизмом. Командный состав армии не одобряет данного выражения, а при его употреблении может последовать критическое замечание: «Честь отдаёт баба в постели» или «Честь ты за углом отдашь»²³ (ср. также: *Честь отдает (пьяная) девка в кустах* и т. д.).

Контексты и функции

Контексты, в которые помещается нерелевантная лексическая единица, часто оказываются сниженными и/или профаническими. Конструируется ситуация, в которой неправильное словоупотребление будто бы дискредитирует адресата (например, адвокат, которого «нанимают», уподобляется извозчику), сферу его компетенции (например, математическое понятие *комплексное число* уподобляется прозаическому *комплексному* обеду в столовой, а езда на лошади, требующая внимания и усилий при ее освоении, – праздному катанию) или самого говорящего (например, предполагается, что новобранец, обращающийся с просьбой со словом *можно, может* совершить сексуальный акт с тещей, козой, телегой и т. д.). Метаязыковые формулы ответа будто бы притягивают к себе «низкие» коннотации. Неслучайным видится, что в приведенной в начале статьи цитате из братьев Стругацких *служат* именно «собачки» (а не, например, военные, духовные лица или артисты театра, для обозначения работы которых слово *служить* вполне нейтрально). Ср. показательный фрагмент из беседы с украинским политиком, противопоставляющим региональный термин *каденция* ‘срок полномочий должностного лица или органа власти’ употребленному интервьюером более широкому синониму *срок*, для которого находится самая негативная коннотация из возможных:

²³ Воинское приветствие // Wikipedia.org. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Воинское_приветствие (дата обращения 20 марта 2024).

<А вот вы в тот раз сказали, что были мэром три с половиной срока [...]?> Каденция, каденция. Срок – это в тюрьме. Каденция – это термин, то есть это время, которое дается тебе законом (муж., 1960 г. р., Винницкая обл. Украины, устное сообщение, 2008 г.).

Более того, «низкий» контекст зачастую оказываются вульгарным, вплоть до обценного, связываясь с тематикой секса или телесного низа. Например, широко известна флотская реакция на использование слова *плавать* по отношению к кораблям или морякам: *Плавают г..., а корабли (моряки) ходят*; строго говоря, «плавать» может в равной мере утка, рыба, пловец и т. д., но важным оказывается выбрать именно сниженный контекст. Ср. также другие подобные высказывания:

И, кстати, уголовные дела не заводят на кого-то. Как говорили у нас в отделе, «заводятся вши в голове, а дела возбуждают» (Dzen.ru, 2021).

<Армия (десантники).> У нас не прыгают, а совершают прыжки. Прыгает кобель на суку (к/ф «Операция “С Новым годом!”», реж. А. Рогожкин, 1996).

Студент: «Я спектр снял! Научрук: «Снимают проституток, а спектры регистрируют!» (Pikabu.ru, 2018).

У меня батя иногда с завода «приносил» <...> про «обрезки только в Израиле и Татарстане, а здесь отрезки/остатки» (Pikabu.ru, 2018).

А у нас препод по отоплению говорил – Дырки у девки, а это отверстие!!! (Pikabu.ru, 2018).

Как мне сказал один знакомый художник, «рисуют пьськи на заборе, а я пишу!» (Pikabu.ru, 2021).

Закрывают дверь в туалет, а дело приостанавливают/прекращают (Yaplakal.ru, 2022).

<Преподаватель филологического факультета – студентам.> В ваших рефератах не должно быть «списка использованной литературы». «Использованной» бывает туалетная бумага (жен., 1982 г. р., Томск, переписка, 2017 г.).

Разумеется, некоторые контексты, в которые помещаются нерелевантные лексемы, могут быть нейтральными или даже в определенном смысле «высокими», а для объяснения нерелевантности одних и тех же терминов параллельно существуют сниженные и иные формулы. Например, механики по поводу глагола *запускать* (о двигателе; подразумевается, что релевантны формулы *приводить в действие* или *включать*) могут говорить, что «запускают» и «ракеты в космос», и «руку под юбку (в штаны) и т. д.» (Pikabu.ru, 2018). «Высокий» контекст в первом из перечисленных выше примеров по контрасту так же иллюстрирует неуместность словоупотребления собеседника, как и сниженный контекст во втором примере. Ср. также приведенные выше армейские реакции на «<Имярек> явился»: «являются» как демонические персонажи («черты», «привидения»), так и персонажи профанные («образ любимой девушки») и сакральные («ангелы», «чудотворные иконы», «Христос народу» – отсылка к названию картины А.И. Иванова «Явление Христа народу»), – впрочем, в контексте советского государственного атеизма трактовка упомянутых в литературе 1950–1960-х годов сакральных персонажей как относящихся к безусловно высоким контекстам более чем сомнительна.

Сниженный контекст, в который помещается нерелевантная лексема, при непосредственной коммуникации может напрямую затрагивать личную сферу собеседника, тем самым оскорбляя/обесценивая его:

Мусор это то, что у тебя дома в ведре, а мы полицейские (Pikabu.ru, 2008).

На уроке труда: «Дырка у тебя в заднице (носу), а это отверстие!» (муж., 1962 г. р., Одесса, переписка, 2017 г.).

Тоже наш учитель труда, <имя-отчество>: у тебя на штанах дырка, а в детали отверстие (муж., 1980 г. р., Москва, переписка, 2017 г.).

В школе на уроке труда, примерно в 6-м классе.

– <Имя-отчество>, а где можно шкурку взять?

– Шкурка, <фамилия>, у тебя в штанах, а это – наждачная бумага (муж., 1976 г. р., Москва, переписка, 2023 г.).

Когда работал на производстве. Был там дед один суровый. Один раз к нему татарин один подходит и говорит... дядя Саш, дай шкурку!? Он ему в ответ... на х<..> у тебя шкурка, а у меня наждачная бумага! (Pikabu.ru, 2018).

Училка по трудам постоянно яростно кричала: «Мужа ты своего с (sic!) постели гладить будешь, а здесь мы утюжим!» (Pikabu.ru, 2018).

<Учительница труда – ученице.> Гладить кота будешь, шов утюжат (Pikabu.ru, 2018).

Выше отмечалась распространенность метаязыковых формул ответа в речи школьных учителей. Действительно, высказывания «Шкурка у тебя в штанах» и «Дырка у тебя в носу/заднице/штанах» фиксируются в десятках воспоминаний об уроках труда и могут включаться в списки типовых педагогических высказываний наряду с общеизвестным «А голову ты дома не забыл?» и т. д. С одной стороны, это может отсылать непосредственно к узусу школьников, в котором, в частности, формула «<Цитата из речи собеседника> у тебя в штанах» зачастую служит ответом на инвективу или иное уничижительное высказывание. Именно в детской/подростковой коммуникации прежде всего распространены ответные реплики, использующие скатологический юмор, цитирующие или повторяющие фонетические особенности речи собеседника, которые «ритуализируют» диалог, в том числе делают его «многоходовым» и превращают в игру [Бойцова 2010, с. 10]; ср. наблюдения Г.С. Виноградова по поводу распространенных в детском фольклоре «речевых акций», в рамках которых собеседник неожиданно «ловится на слове» [Виноградов 1998, с. 59, 72].

С другой стороны, учитывая, что школа (равно как и армия, и профессиональные группы, и семья) является иерархизированным сообществом, очевидно, что эти формулы, особенно обращенные к снижению контекстам и тем более с использованием обценной лексики, во многих случаях реализуют такие функции последней, как «средство понижения социального статуса адресата», в частности, за счет выражения «отрицательного отношения к адресату, пренебрежения его социальным комфортом» [Жельвис 2001, с. 110]. Их зачастую адресуют участникам коммуникации, обладающим более низким социальным статусом (взрослые – детям, учителя – школьникам, преподаватели – студентам, старшие по званию в армии – младшим), а также чужим, не являющимся представителями сообщества, и новичкам. Таким образом, подобные формулы могут приобретать социализирующую функцию; целью их использования становится научение речевым конвенциям, принятым в данном сообществе, и в то же время в определенном смысле – поддержка групповой идентичности (ср., например, показательное высказывание бухгалтера в ответ на упомянутые собеседником из университетской среды *договоры*:

«Договоры» у людей, а у нас «дóговоры» – жен., 1980 г. р., Москва, устное сообщение, 2023 г.).

В более широком смысле представляется возможным говорить о метаязыковых формулах ответа как о реализующих стратегию «педагогической» агрессии (как формы невежливого ответа с целью «наказать» собеседника за коммуникативную ошибку [Брагина, Шаронов 2019]) или коммуникативного доминирования: говорящий претендует на регулирование выбора собеседником тех или иных лексических средств, тем самым выстраивая иерархические отношения между собой и собеседником (см.: [Маркасова 2019, с. 123]). Поскольку «за нашим отношением к языку стоят базовые представления о власти – о том, кто может формировать язык, а в конечном итоге – создавать идеи и социальные реальности» [Gorham 2010, p. 137], очевидно, что право на соответствующие высказывания берет на себя тот, кто владеет определенным кодексом: опытный профессионал или тот, кто имеет или принимает на себя функцию владения речевыми нормами.

Обращает на себя внимание и то, что подавляющее большинство таких высказываний представляет собой констатацию некоей реальности, позиционируемой как самоочевидное положение вещей (*Являются привидения, Клиенты у проституток* и т. д.). С точки зрения функциональной грамматики, «проговаривание очевидного» с использованием конструкций в настоящем времени может являться средством коммуникативного доминирования, позволяя «структурировать представления о настоящем» собеседника [Маркасова 2019, с. 132, 137]. Редкие конструкции, где контекст переносится в будущее время и в ситуацию, отличную от актуальной (ср. выше: «Гладить кота будешь, шов утюжат», «Честь ты за углом отдашь»), так же сигнализируют о неуместности соответствующего высказывания в настоящей ситуации, как и другие рассмотренные.

В предельном случае о том, что на первый план выходит именно интенция доминирования (даже более, чем стремление научить собеседника), свидетельствует наличие формул, связываемых с синонимичными вариантами, «правильность» которых определяется произвольно. Например, в армии ответом на «<Имярек> явился», служит *Являются привидения (черти, святые* и т. д.), а ответом на «... прибыл» – *Прибывают поезда*, ср. примеры из художественной литературы:

- Товарищ капитан, разрешите доложить: второй штурман Двоскин для исполнения обязанностей прибыл! <...>
- Прибывают поезда на станцию <...>.

- В таком случае явился <...>.
- Являются черти во сне.
- А что делают вторые штурмана?
- Пока я вижу, что паясничают (А.А. Кирносов. Два апреля. 1967).

На первом месяце службы сержант Хандрымайло <...> пробовал «пошутковать» над новичками. Когда солдат докладывал: «По вашему приказанию прибыл», сержант обрывал: «Отставить! Прибывает поезд». Тогда следовало: «По вашему приказанию явился», и сержант отрубал: «Отставить. Является Христос народу» (Ю. Гольдман. Сбор. 1984).

Наряду с этим рассматриваемые формулы появляются в коммуникации лиц, обладающих равным статусом. Как и употребление сниженной лексики, их использование может, наоборот, свидетельствовать об установлении контакта между равными, о поддержании корпоративного духа и др. (ср. [Жельвис 2001, с. 110–113]). Ср. подобный «приятельский» контекст в передаче разговора между журналистом А.Е. Вулых и тренером Станиславом Черчесовым:

Когда хвалил его – «Стас, ты вчера хорошо стоял», он отвечал – «Мой друг, стоит *** (пенис. – *Примеч. ред.*), а вратарь играет»²⁴.

Как и сниженная лексика, подобные формулы используются в «дуэльной» (ср. [Жельвис 2001, с. 111–112]), или агонической/соревновательной, функции в рамках (шуточной) перебранки между статусно равными лицами. Варианты здесь оспариваются в контексте диалогического обмена репликами, построенными по единой модели. С одной стороны, такие формулы могут порождаться окказионально в контексте коммуникации:

Я когда-то деда спросил: «Дедушка, а ты на войне на танке ездил?» Он мне: «Ездят на лошади, а танк водят». Второй дед при этом был, услышал и говорит: «Водят козу на веревочке!» Они тогда чуть не подрались (Pikabu.ru, 2018).

С другой стороны, ответом на клишированную формулу ответа может быть другая формула, оспаривающая «свой» вариант. Знание этой формулы «ответа на ответ» позволяет одержать победу

²⁴ Иванова М. Черчесов: Стоит ***, а вратарь играет // Рамблер.спорт. 2020. 8 окт. URL: <https://sport.rambler.ru/football/44977362-cherchesov-toit-a-vratar-igraet> (дата обращения 20 марта 2024).

в словесной битве. Например, так называемый *малый барабан* (элемент ударной установки) в сленге музыкантов может называться *рабочим*. Речь идет о двух специальных терминах, один из которых принят, в частности, в профильной литературе, а второй носит жаргонный характер. Реакция барабанщиков на нерелевантное словоупотребление коллег отражена, в частности, в скетче «Что раздражает барабанщиков»:

<Титры:> Когда «малый» <барабан> называют «рабочим».

<Гитарист:> Слушай, а можешь в рабочий потише играть?

<Барабанщик:> Рот твой рабочий, а барабан малый! (Youtube.com, канал DrumGalaxyShow. 2019, 7 апр.).

В сетевых обсуждениях приводится и стандартный ответ:

– <О раздражающих фразах.> Когда называют малый барабан: «рабочий». Говорю в ответ: «рот твой рабочий, а это – малый барабан».

– Мне на это обычно отвечают: член твой малый, а барабан рабочий (VK.com, сообщество «Drum Section | Барабаны | Обучение | Новости», 2020; ср.: *Рабочий на стройке, Твой папа рабочий*).

Кроме того, можно предположить, что в силу своей экспрессивности (и часто яркой запоминаемой образности), а также в связи с интенцией научить собеседника релевантному словоупотреблению, рассматриваемые формулы могут иметь мнемоническую функцию. Неслучайно заведомо сконструированная для запоминания «правил языка» формула *Одевают Надежду, надевают одежду* может приводиться в качестве ответа на «неправильное» *одевать*:

– Щас одену сапоги, и пойдем! – кричала Белокобыльская на всю раздевалку, а Надежда Васильевна толковала:

– Никогда не говори так, Стелла! Запомни: «одевают Надежду, надевают одежду» (А. Матвеева. Девять девяностых. 2014), –

а юридическое/милицейское/полицейское словоупотребление (и, как следствие, словоупотребление подследственных и заключенных) *возбужденный* vs. *возбуждённый* подкрепляется мнемонической формулой *Тело возбуждено, а дело возбуждено*, которая известна «многим советским выпускникам юридических вузов» и «вбивалась» «им в голову преподавателями-юристами» [Четверикова 2020, с. 84].

Метаязыковые формулы ответа и языковая рефлексия

Как можно видеть, структурно идентичные формулы служат подтверждению самого разного типа словоупотребления, от строго регламентированного (в армии) до индивидуального, релевантного с точки зрения конкретного говорящего. Может быть, наряду с социальными факторами, поддерживающими популярность этих формул, есть и факторы языковые?

Чтобы ответить на этот вопрос, во-первых, имеет смысл вновь вернуться к пропаганде культуры речи. Одним из наиболее распространенных механизмов объяснения релевантного и нерелевантного словоупотребления в школьных учебниках по русскому языку, а также в (научно)-популярных изданиях было (и остается по сей день) приведение разных контекстов для синонимов, омонимов, омографов, паронимов и т. д. Ср., например, фрагменты из популярных книг Бориса Тимофеева и Льва Успенского, которые были весьма востребованы советским массовым читателем, интересующимся культурой речи.

Замечание в его адрес!..» <...> Можно «бросать камушки в его огород», но замечание делают «по его адресу»²⁵.

Вот типичное просторечье: «Подскажите мне, где здесь Исаакиевский собор?» <...> «ПОД-сказать» по-русски значит: «сообщить в секрете, так, чтобы можно было выдать собственное незнание за знание» <...>. Зачем бы я стал туристу, неленинградцу, на ушко, втайне «подсказывать» местоположение знаменитого памятника архитектуры? Я просто «скажу» об этом вслух, не опасаясь, что нам «попадет»²⁶.

Более того, высказывания, подобные анализируемым в этой статье, могут включаться в образовательную программу в качестве примеров. Так, в цитируемом ниже фрагменте из упражнения на паронимы из учебника по русскому языку описывается диалог двух детей; школьникам предлагается «подумать, кто из спорящих прав» и «почему возник спор», при этом соответствующее метаязыковое суждение вкладывается в уста собеседника, который, очевидно, «прав»:

- Фу, мама опять сварила рыбий суп. Я не хочу его есть.
- Не рыбий, а рыбный. Рыбными только хвосты бывают²⁷.

²⁵ Тимофеев Б. Указ. соч. С. 41.

²⁶ Успенский Л.В. Указ. соч. С. 404.

²⁷ Рыбченкова Л.М. и др. Русский язык. 6-й класс: Учебник для общеобразовательных организаций: В 2 ч. Ч. 1. 3-е изд. М.: Просвещение, 2014. С. 51, № 89.

Во-вторых, следует отметить особенности языковой рефлексии носителей русского языка – как спонтанные, так и спровоцированные обсуждениями культуры речи. С одной стороны, само наличие в языке, например, синонимии подразумевает рефлексии носителей языка и, как следствие, разведение синонимов по семантическим, стилистическим и другим параметрам; вспомним сформулированный М. Бреалем закон дистрибуции, в соответствии с которым «слова, некогда синонимичные, постепенно дифференцируются тем или иным способом и таким образом перестают быть взаимозаменяемыми» [Ульманн 1970, с. 265]. С другой стороны, «наивные» лингвисты настороженно относятся к любой языковой неоднозначности (см., например: [Зубова 2012]). Однозначность рассматривается носителями языка «как один из важнейших критериев термина, наряду с простотой, благозвучием, лингвистической правильностью и своеязычием» [Колясева 2014, с. 187]); по наблюдениям И.А. Стернина и соавторов, «для носителя обыденного языкового сознания в языке отсутствует омонимия» [Стернин и др. 2017, с. 221] и т. д. В метаязыковых суждениях критикуется «неточное» употребление слова, при этом «разграничение равнозначных слов связано не только с тем, что они выражают, но и с фактами несодержательного языкового варьирования, с различием индивидуально-вкусовым, социальным, территориальным, профессиональным» [Ведрева 2014, с. 170].

Одним из проявлений указанного могут быть, в частности, поиски семантических различий между синонимами. Приведу лишь один пример – цитируемое Л.В. Успенским письмо от «наивного» лингвиста:

Как-то я получил письмо от человека, подписавшегося как Главный конструктор, то есть, несомненно, окончившего вуз, по-видимому, технический. Он протестует против употребления нового слова «рубеж» вместо слова «граница». Он считает «рубеж» понятием исключительно военно-тактическим, утверждает, что так называется линия, «за которой находится неприятель», и требует срочно замены слова, например, «зарубежный» одним из ряда его синонимов и полусинонимов: «заграничный, иностранный, иноземный, заморский, импортный, иноплеменный»²⁸.

²⁸ Успенский Л.В. Указ. соч. С. 403.

Выводы

Таким образом, рассмотренные высказывания, как конструируемыеokkaционально, так и чаще используемые систематически, противопоставляют «свое»/«правильное» и «чужое»/«неправильное» словоупотребление, реализуя прежде всего стратегию коммуникативного доминирования и социальной власти. Собеседнику инкриминируется отсутствие языковой компетенции, невладение речевыми нормами (если речь идет о нарушениях «общей культуры речи») или компетенции социальной (если речь идет о невладении групповым узусом новичками или чужаками). Метаязыковые формулы ответа способствуют выстраиванию иерархии между «знающим» (в рамках «культуры речи» – осведомленным в правилах языка, в рамках профессионального или иного узкого сообщества – профессионалом/специалистом) и «профаном».

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Благодарю В.И. Беликова, В.А. Дымшица, Е.Е. Жигарину, М.Л. Лурье, Е.В. Маркасову, С.В. Татевосова и О.Б. Христофорову за обсуждение статьи и за ценные замечания.

Acknowledgements

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme. The author thanks V.I. Belikov, V.A. Dymshits, M.L. Lurie, E.V. Markasova, O.B. Khristoforova, S.V. Tatevosov and E.E. Zhigarina for discussing the paper and for valuable comments.

Литература

- Баранов, Добровольский 2008 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Баранов, Добровольский 2009 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
- Басовская 2011 – *Басовская Е.Н.* Советская пресса – за «чистоту языка»: 60 лет борьбы. М.: РГГУ, 2011. 330 с.
- Бойцова 2010 – *Бойцова О.Ю.* «Конь в пальто»: структура и функция шуточных ответов // Живая старина. 2010. № 3. С. 9–11.
- Брагина, Шаронов 2019 – *Брагина Н.Г., Шаронов И.А.* «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // Russian Journal of Linguistics. Т. 23. № 4. 2019. С. 975–993.

- Вепрева 2014 – *Вепрева И.* Метаязыковой привкус эпохи: Избранные работы последнего десятилетия. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2014. 223 с.
- Виноградов 1998 – *Виноградов Г.С.* «Страна детей»: Избр. тр. по этнографии детства. СПб.: Ист. наследие, 1998. 547 с.
- Гак 1995 – *Гак В.Г.* Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. № 4. С. 47–55.
- Головин и др. 2003 – *Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л.* Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор / под ред. А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 186–230.
- Жельвис 2001 – *Жельвис В.И.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
- Жигарина 2008 – *Жигарина Е.Е.* «Девушка, а девушка»: о ряде сценарных диалогов // Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня: сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / сост. А.С. Архипова*, М.А. Гистер. М.: РГГУ, 2008. С. 188–199.
- Зубова 2012 – *Зубова Л.В.* Потенциальная семантическая дифференциация вариантов слова // Вариативность в языке и коммуникации / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2012. С. 101–124.
- Капанадзе 1988 – *Капанадзе Л.А.* Способы выражения оценки в устной речи // Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 151–156.
- Клубков 2003 – *Клубков П.А.* «Языковые игры» и малые жанры городского фольклора // Современный городской фольклор / Под ред. А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 645–664.
- Колясева 2014 – *Колясева А.Ф.* Терминология в зеркале обыденного и профессионального языкового сознания: дис. ... канд. филол. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 2014. 330 с.
- Левонтина 2016 – *Левонтина И.* О чем речь? М.: АСТ: CORPUS, 2016. 506 с.
- Магин 2006 – *Магин И.А.* Animal/baby-talk: речь, обращенная к животным/детям // Детский фольклор и культура детства: материалы науч. конф. «XIII Виноградовские чтения» (31 июня – 4 июля 2003 г.) / ред.-сост. Е.В. Кулешов, М.Л. Лурье. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 210–216.
- Маркасова 2019 – *Маркасова Е.В.* Грамматика речевого доминирования (настоящее время) // Urban voices: The sociolinguistics, grammar and pragmatics of spoken Russian / ed. by N. Thielemann, N. Richter. Berlin: Peter Lang, 2019. P. 125–143.

* Минюст России внес А.С. Архипову в список «иностранных агентов».

- Норман 2016 – *Норман Б.Ю.* Стереотипные реплики на службе у стандартных речевых актов // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 14: Материалы Междунар. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива», 22–23 апреля 2016 г. / под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2016. С. 222–236.
- Пермяков 1988 – *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
- Подюков, Свалова 2019 – *Подюков И.А., Свалова Е.Н.* Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика. СПб.: Маматов, 2019. 224 с.
- Стернин и др. 2017 – *Стернин И.А., Рудакова А.В., Виноградова О.Е.* Проект «Значение как феномен языкового сознания» (психолингвистическое значение слова) // Вопросы психолингвистики. 2017. № 2 (32). С. 211–225.
- Топорков 1990 – *Топорков А.Л.* На кудыкину гору // Русская речь. 1990. № 3. С. 141–144.
- Ульманн 1970 – *Ульманн С.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5: Языковые универсалии / пер. с англ. под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.
- Четверикова 2020 – *Четверикова Т.Д.* «Тело возбуждено, а дело возбуждено»? // Русская речь. 2020. № 6. С. 82–93.
- Gorham 2010 – *Gorham M.S.* Language ideology and the evolution of *kul'tura iazyka* (“speech culture”) in Soviet Russia // Politics and the theory of language in the USSR 1917–1938 / ed. by C. Brandist, K. Chown. L.: Anthem Press, 2010. P. 137–149.

References

- Baranov, A.N. and Dobrovol'skii, D.O. (2008), *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of theory of phraseology], Znak, Moscow, Russia.
- Baranov, A.N. and Dobrovol'skii, D.O. (2009), “Principles of semantic descriptions of phraseology”, *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 6, pp. 21–34.
- Basovskaya, E.N. (2011), *Sovetskaya pressa – za “chistotu iazyka”*: 60 let bor'by [Soviet press – for ‘purity of language’: 60 years of struggle], RGGU, Moscow, Russia.
- Boitsova, O.Yu. (2010), “‘A horse in coat’: Structure and functions of joke replies”, *Zhivaya starina*, no. 3, pp. 9–11.
- Bragina, N.G. and Sharonov, I.A. (2019), “‘Pedagogic’ aggression in Russian everyday communication”, *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 4, pp. 975–993.
- Chetverikova, T.D. (2020), “‘Telo vobuzhdeno’ and ‘delo vobuzhdeno’: Special accent forms in professional zhargon”, *Russkaya rech'*, no. 6, pp. 82–93.

- Gak, V.G. (1995), "Phrazeoreflexes in ethnical and cultural aspects", *Filologicheskie nauki*, no. 4, pp. 47–55.
- Golovin, V.V., Kuleshov, E.V. and Lurie, M.L. (2003), "Subculture of the urgent service soldiers", in Belousov, A.F., Veselova, I.S. and Neklyudov, S.Yu., eds., *Sovremenniy gorodskoi fol'klor* [Contemporary urban folklore], RGGU, Moscow, Russia, pp. 186–230.
- Gorham, M.S. (2010), "Language ideology and the evolution of kul'tura iazyka ('speech culture') in Soviet Russia", in Brandist, C. and Chown, K., eds., *Politics and the theory of language in the USSR 1917–1938*, Anthem Press, London, UK, pp. 137–149.
- Kapanadze, L.A. (1988), "Ways of expression of valuation in oral speech", in Shmelev, D.N. and Zemskaya, E.A., eds., *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi: Sbornik nauchnykh trudov* [Diversity of urban oral speech: Collected papers], Nauka, Moscow, USSR, pp. 151–156.
- Klubkov, P.A. (2003), "'Wordplays' and small genres of urban folklore", in Belousov, A.F., Veselova, I.S. and Neklyudov, S.Yu., eds., *Sovremenniy gorodskoi fol'klor* [Contemporary urban folklore], RGGU, Moscow, Russia, pp. 645–664.
- Kolyaseva, A.F. (2014), *Terminologiya v zerkale obyden'nogo i professional'nogo yazykovogo soznaniya* [Terminology in the mirror of common and professional linguistic consciousness], Ph.D. Thesis (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Levontina, I. (2016), *O chem rech'?* [What are we talking about?], AST, CORPUS, Moscow, Russia.
- Magin, I.A. (2006), "Animal/baby-talk: Speech addressed to animals/children", in Kuleshov, E.V. and Lurie, M.L., eds., *Detskii fol'klor i kul'tura detstva: Materialy nauchnoi konferentsii "XIII Vinogradovskie chteniya" (31 iyunya – 4 iyulya 2003 g.)* [Children's folklore and culture of childhood: Proceedings of conference '13th Vinogradov Readings' (2003, June 31 – July 4)], SPbGUKL, Saint Petersburg, Russia, pp. 210–216.
- Markasova, E.V. (2019), "A grammar of verbal domination: The Present Tense", in Thielemann, N. and Richter, N., eds., *Urban voices: The sociolinguistics, grammar and pragmatics of spoken Russian*, Peter Lang, Berlin, Germany, pp. 121–143.
- Norman, B.Yu. (2016), "Stereotypical replies at service of standard speech acts", in Gridina, T.A., ed., *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti, iss. 14: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa", 22–23 aprelya 2016 g.* [Psycholinguistic aspects of the study of speech activity, iss. 14: Materials of the International Scientific Conference "Language. System. Personality: Linguistics of Creativity", April 22–23, 2016], Ural State Pedagogical Institute, Ekaterinburg, Russia, pp. 222–236.
- Permyakov, G.L. (1988), *Osnovy strukturnoi paremiologii* [The basics of structural paremiology], Nauka, Moscow, USSR.

- Podyukov, I.A. and Svalova, E.N. (2019), *Paremiya v russkikh narodnykh govorakh Prikam'ya: semantika i pragmatika* [Paroemia in Russian dialects of Prikamye: Semantics and pragmatics], Mamatov, Saint Petersburg, Russia.
- Sternin, I.A., Rudakova, A.V. and Vinogradova, O.E. (2017), "Project 'Meaning as a Phenomena of Linguistic Consciousness' (psycho-linguistic meaning of word)", *Voprosy psikholingvistiki*, vol. 32, no. 2, pp. 211–225.
- Toporkov, A.L. (1990), " 'Na kudykinu goru' " [To Kudykin mountain], *Russkaya rech'*, no. 3, pp. 141–144.
- Ullmann, S. (1961), "Semantic universals", in Greenberg, J.H., ed., *Universals of language*, MIT Press, Cambridge, Mass., USA, pp. 217–262.
- Vepreva, I. (2014), *Metazykovoi privkus epokhi: Izbrannye raboty poslednego desyatiletija* [Metalinguistic taste of the epoch: Selected works of the last decade], Palmarium Academic Publishing, Saarbrücken, Germany.
- Vinogradov, G.S. (1998), "*Strana detei*": *Izbrannye trudy po etnografii detstva* [A country of children: Selected works on ethnography of childhood], Istoricheskoe nasledie, Saint Petersburg, Russia.
- Zhel'vis, V.I. (2001), *Pole brani: Skveroslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [A field of abuse: Bad language as social problem], Ladimir, Moscow, Russia.
- Zhigarina, E.E. (2008), "'Girl, you girl': On some scenario dialogues", in Arkhipova*, A.S. and Gister, M.A., eds., *Kirpichiki: Fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statei v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deiatel'nosti* ['Little bricks': Folklore studies and cultural anthropology today: Collected papers in honor of 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and of 40th anniversary of his scientific activity], RGGU, Moscow, Russia, pp. 188–199.
- Zubova, L.V. (2012), "Potential semantic differentiation of a word's variants", in Fedorova, L.L., ed., *Variativnost' v yazyke i kommunikatsii* [Variability in language and communication], RGGU, Moscow, Russia, pp. 101–124.

Информация об авторе

Мария В. Ахметова, кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; malinxi@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-2543-9349

Information about the author

Maria V. Akhmetova, Cand. of Sci. (Philology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; malinxi@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-2543-9349

УДК 398.4

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-58-80

Эвиденциальность
как «внутренний комментарий» текста:
свидетельства о «диком человеке»

Сергей Ю. Неклюдов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey.nekludov@gmail.com*

Аннотация. Сообщения о «снежном человеке» весьма разнородны. Аутентичных фиксаций устного рассказа среди них мало, чаще это пересказы со слов носителей традиции, причем иногда подобные сведения сразу сообщаются на языке собирателя, неродном для информанта. Для текстов такого рода характерно указание на источник сведений рассказчика: являлся ли он свидетелем события, передает ли свое сообщение с чужих слов и с чьих именно – непосредственного свидетеля, «пересказчика» и т. д. Наличие подобных «верифицирующих комментариев» дает основание говорить об эвиденциальности как об особой «нарративной категории» в традициях «мифологической прозы».

«Достоверность сообщений» обеспечивается несколькими риторическими способами, включая альтернативные: описанием недавних событий как максимально очевидных либо, наоборот, опорой на давнишнюю информацию, которая, таким образом, оказывается проверена временем и испытана на устойчивость; «личным свидетельством» повествователя или, напротив, передачей авторства другому, утверждением себя лишь в роли ретранслятора; ссылкой на молву, на общие представления местных жителей, с одной стороны, и на конкретный «авторитетный источник» – с другой.

Авторитетность источника гарантируется родством/знакомством с рассказчиком, его принадлежностью к числу социально, культурно, конфессионально значимых персон, к военным с их «кругозором», к людям умственного труда как к надежным носителям «позитивных знаний». Источником может быть и «личная история», конкретный случай и сам казус, описываемый без опоры на «речевой акт». Чаще сведения, фиксируемые «внешним наблюдателем», передаются не участниками/очевидцами события, а анонимными или групповыми трансляторами, наличие которых удлиняет цепочку информации

до трех и даже четырех звеньев. Сама позиция «внешнего наблюдателя» – обычно автора «окончательного» текста – достаточно подвижна: он может быть выходцем из данной локальной традиции, иностранным специалистом по данному региону или (чаще всего) любознательным дилетантом, увлеченным поисками «снежного человека».

Ключевые слова: «снежный/дикий человек», устный рассказ, эвиденциальность, авторитетный источник, личное свидетельство, участник, очевидец, внешний наблюдатель

Дата поступления статьи: 21 сентября 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 19 ноября 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Неклюдов С.Ю. Эвиденциальность как «внутренний комментарий» текста: свидетельства о «диком человеке» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 58–80. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-58-80

Evidentiality as an ‘internal commentary’ on the text: Testimonies about the ‘wild man’

Sergei Yu. Neklyudov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sergey.neklyudov@gmail.com*

Abstract. Reports about the “Bigfoot” are very heterogeneous. There are some authentic records of oral narratives but more often they come secondhand, when the words of tradition keepers are retold by the outsiders. Moreover, sometimes these words are initially shaped in the foreign language, which is not native to the informant. The texts of this kind typically indicate the source of the narrator’s information: whether he witnessed the event, or transmitted his message from hearsay (heard it from a direct witness, or another “reteller”, etc.). The presence of such “verifying comments” gives grounds to speak of evidentiality as a special narrative category in the traditions of “mythological prose”.

“Credibility of messages” is ensured by several rhetorical methods: by describing recent events as maximally obvious, or, alternatively, by relying on long-standing information, which is presented as time-tested and firmly established. Sometimes it is a “personal testimony” of the narrator or, on the contrary, the authorship is transferred to another, while narrator asserting oneself only in the role of a relay. It can be also done either by referring to rumor, to the general perceptions of local residents, or to a specific “authoritative source”.

The authoritative status of the source is guaranteed by kinship/acquaintance with the original narrator, by his belonging to the group of socially, culturally, religiously significant persons – for instance, to the militaries who have a wider experience of the outside world, or to the intellectuals (in a broad sense) who are seen as reliable carriers of “positive knowledge”. In some cases, the source can be a “personal history”, a specific case, or the event itself, described without reliance on someone else’s words. More often the information recorded by the “external observer” is transmitted not by participants/witnesses of the event, but by anonymous or group “retranslators”, whose presence lengthens the chain of information to three or even four links.

The very position of the “external observer”, usually the author of the “final” text, is quite mobile: he can be a native of a given local tradition, a foreign expert on a given region, or (most often) an inquisitive dilettante, fascinated by the search for Bigfoot.

Keywords: “Bigfoot / wild man”, oral story, evidentiality, authoritative source, personal testimony, participant, eyewitness, external observer

Received: September 21, 2023

Approved after reviewing: November 19, 2023

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Neklyudov, S.Yu. (2024), “Evidentiality as an ‘internal commentary’ on the text: Testimonies about the ‘wild man’”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 58–80. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-58-80

1.

Помимо духов предков, «хозяев» ландшафта, флоры, фауны, стихий, болезней, профессий и т. д., в «низшей мифологии» некоторых народов Евразии существует корпус историй о неких звероподобных, но антропоморфных существах (мигоях, йети, алмасах, голуб-яванах, каптарах, чучун, мюленов и т. д.), которые не пользуются огнем, не носят одежды, не владеют членораздельной речью, а иногда имеют и некоторые демонические признаки. В отличие от диких жителей запредельных земель из описаний «мифологической географии», они скрытно обитают в неосвоенных и труднодоступных местах «нашего» мира (горных пещерах, лесах, пустынях), время от времени вступая в соприкосновение с людьми, обычно небезопасное. Наконец, с ними бывают связаны и определенные религиозно-магические практики, народные обряды, игрища, праздничные карнавалы. Локализация подобных традиций – Гималаи, Тибет, Памир, Тянь-Шань, монгольское плато, горные районы Восточной Азии, Северный Кавказ, Балканы, Западная и Северная Европа.

В фольклорно-этнографических материалах, в записках путешественников рассказы о «диких людях» появляются примерно со второй половины XIX в.; кроме того, аналогичные сведения можно извлечь из письменных источников более отдаленного прошлого (прежде всего, древнекитайских и средневековых европейских), а также из разных изобразительных материалов. Вплоть до середины XX в. эти сведения не становятся предметом целенаправленно-собираательского интереса или основой специальных антологий, чаще мы имеем дело с их более или менее развернутыми окказиональными упоминаниями в посторонних контекстах. Коллекции извлечений из подобных источников появляются только в конце 1950-х гг.¹, позднее начинают публиковаться и тематические собрания фольклорных записей².

Сообщения о «диком человеке» можно рассматривать как тексты мифологической прозы, хотя и весьма специфической. По своему характеру они разнородны: одни лишь констатируют присутствие этого персонажа в определенных природных зонах, другие описывают конкретные ситуации, свидетельствующие о его существовании, третьи рассказывают о связанных с ним «реальных происшествиях». Таким образом, материал здесь представлен несколькими типами «культурных сообщений».

1. Отдельные упоминания или целые истории, записываемые со слов местных жителей путешественниками, альпинистами, натуралистами, географами, этнографами XIX–XXI в. Чаще мы имеем дело с пересказами, в том числе с обобщенными изложениями соответствующих поверий, тогда как аутентичных фиксаций устного повествования среди подобных текстов довольно мало. Обычно это либо пересказ с одного из местных языков, иногда через язык-посредник проводника экспедиции, либо сообщение на языке собирателя-европейца, неродном для информанта.

¹ Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке» / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. Вып. 1–2. М.: [Академия наук СССР], 1958; Вып. 3. М.: [Б. и.], 1959; Вып. 4. М.: [Всеросс. о-во содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. Центр. совет], 1959.

² *Shiva Dhakal*. Folk tales of Sherpa and yeti / with a foreword by Murari P. Regmi. Jaipur: Nirala Publications, 1991. 91 p.; *Rabjir Ra*. Almas-un tuqai domoy yari-a [Легенды об алмацах]. Ulayanbayatur, 1991. 188 p.; *Kunzang Choden*. Bhutanese tales of the yeti. Bangkok, Thailand: White Lotus Press, 1997. 150 p.; *Battulga Tumurdash*. Mongolia's yeti, the almas: twelve amazing tales of the snowman from the steppes / ed. by L. Waugh. Ulaanbaatar: Look Mongolia Co, 2009. 42 p.; см. также Приложения 1–2: [Петров 2017, с. 34–44].

2. Извлечения из древних и средневековых памятников книжной словесности (исторических, географических, медицинских и пр.), которые в какой-то мере отражают фольклорно-мифологические традиции своего времени.

3. Сведения гоминологических экспедиций, специально посвященных поискам «снежного человека»; отличие подобных материалов от записей первых двух групп обусловлено их коммуникативным заданием, неминуемо влияющим как на отбор текстов, так и на их содержательный состав.

4. Продукты массовой культуры, которая переплавляет материалы всех трех групп в увлекательные истории «об удивительном», современные «готические новеллы» и реверсивно влияет на автохтонный фольклор.

Гетерогенная и гетероморфная природа сообщений о «диких людях» с их межжанровой циркуляцией и перекрестной текстурализацией не позволяет уверенно оценить количество и объем данного материала. Если принять за единицу измерения некое «сведение о персонаже» – от простого упоминания до развернутого рассказа, то подобных «сообщений» окажется по крайней мере несколько сотен (включая изобразительные формы), причем их максимальная плотность придется на Центральную Азию и Западную Европу³.

«Сведения» передаются в разной модальности и разными персонами: «участником/свидетелем события» или «реципиентом/внешним транслятором сообщения» [Черванёва 2019, с. 13–14]. Как в реальных коммуникациях, так и в сравнительно-типологическом плане эти роли оказываются соположенными, ассимилируемыми и взаимозамещаемыми. Согласно миропониманию, сформированному научными открытиями середины XIX в. [Неклюдов 2022], «внешний» реципиент (скажем, путешественник, географ, журналист, относящийся к данной легенде как к достоверному источнику) легко становится не только «транслятором/интерпретатором» сообщения, но также «участником/свидетелем» самого «события». Тем самым цепь передач/пересказов/упоминаний – от полевого интервью или наблюдения до журнальной публикации – сплавляется в общую традицию, не позволяющую строго отделить «исходный» текст от «вторичных» рецепций, устные формы от письменно зафиксированных. Соответственно, «фольклорным

³ Предлагаемое ниже предварительное исследование базируется на выборке примерно 150 «сообщений» из разных регионов бытования легенды (тибетских 14, монгольских 50, казахских 20, памирско-таджикских 28, якутских 14, северокавказских 7, русских 22).

фактом» (точнее, фактом, изучаемым в качестве фольклорного) в известном смысле оказывается вся эта традиция, носителем которой является каждый участник коммуникативного процесса, не дистанцирующийся от его содержательной стороны, не объективирующий ее.

В рассматриваемых сообщениях указания на источник сведений встречаются довольно часто. Упомянется, являлся ли рассказчик непосредственным наблюдателем, даже участником события, передает ли он информацию с чужих слов, и с чьих именно – свидетеля, «пересказчика» и т. д. Подобные данные обычно не входят в содержательный корпус сообщения, представляя собой его «модальное сопровождение», своего рода верифицирующий комментарий к рассказу. Наличие в традиции этих «эвиденциальных показателей» (засвидетельствованность визуальная/слуховая; прямая/непрямая; достоверность «пересказывательная»/логически предполагаемая, умозаключительная, инференциальная) дает основание говорить об эвиденциальности как особой «нарративной категории»⁴.

Реальность описываемого в рассказе иногда прямо увязывается с его верификационной убедительностью, т. е. с ожидаемой оценкой этой убедительности (буквально «по вере вашей да будет вам», Мф 9:29)⁵ или даже с «физической возможностью» потенциального визионера иметь подобный статус.

На мой вопрос: «не встречал ли он его <«дикого человека»> хотя бы раз в своей жизни?» – он ответил, что нам, простым людям,

⁴ Аналогично соответствующей грамматической категории [Козинцева 1994, с. 92–104]; Aikhenvald 2004; см. также: *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с. К сходным аспектам рассмотрения материала постоянно обращаются и фольклористы (см., например: [Артеменко 1994; Артеменко 1998; Черванёва 2019; Веселова, Степанов 2019; Бичеев 2020]).

⁵ Ср.: «А правда ли, что Стенька до сих пор кое-кому является?» – «Не верье нынче пошло, – медленно начал рассказчик, – а раньше так часто, говорят, он народу являлся. Вот и на моей памяти однажды случилось... Врать не стану, сам не видал, а шабер <сосед> мой летошний год, зимой, за дровами ездил, далече, за Дурманную гору...» (*Зайковский Б.В.* Бугор Стеньки Разина // Труды Саратовской Ученой архивной комиссии. Вып. 24. Саратов: Саратов. губ. учен. арх. комис., 1908. С. 48). Таким образом, получается, что теперь «он» редко является народу (или не является вовсе) из-за «неверья» в его появление.

нельзя увидеть его, – вероятно, этот старик был очень суеверным человеком⁶.

«Я сам просто не представляю, как можно снежного человека увидеть» [Петров 2017, с. 41].

Рассматривая приемы «засвидетельствования достоверности» событий, описываемых фольклорным рассказчиком, Е.С. Новик [Новик 2019, с. 307–329] приходит к выводу, что арсенал способов подкрепить свое знание «истории» ссылкой на источник и/или на свидетеля включает несколько основных форм: исполнитель либо (1) ссылается на тех, от кого он слышал пересказываемую им историю, либо (2) помещает между собой и слушателями посредника – некое «одушевленное повествование» или (3) героя, от лица которого оно ведется. Соответственно, «гарантия истинности» сообщения обеспечивается не только личным свидетельством (что является ее наиболее «сильной» формой), но и, напротив, дистанцированием повествователя от текста, передачей авторства другому лицу, утверждением себя лишь в роли транслятора рассказа. В первом и третьем случаях за этим стоит отсылка к «авторитетному» источнику (каковым в архаической традиции, например, может оказаться сакрализованый, харизматический персонаж, по определению обладающий правом продуцирования текстов).

Итак, наряду с относительно редкой фиксацией прямого «фольклорного свидетельства», мы, как правило, имеем дело со ссылками «внешнего наблюдателя» на «общее знание» традиции, в том числе «историческое», на ее конкретного носителя, на конкретный повод сообщения, а также на личное свидетельство самого наблюдателя, что, по существу, стирает грань между «внешней» и «внутренней» позицией носителя информации, делая его свидетелем или даже участником «события» [Борисова 2009, с. 114; Черванёва 2017, с. 214]. Напротив, местонахождение автора текста вне пространства бытования традиции превращает наблюдателя в эксперта, который опирается на некий авторитетный источник сообщения, на описание определенного случая, что неизбежно выстраивает более сложную коммуникационную цепочку, с привлечением в нее дополнительных

⁶ Письмо инженера В. Широколобова <завмастерскими Ижморской МТС Кемеровской области, 23 декабря 1956 г.> действительному члену Географического общества Союза ССР доценту Королеву // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шамова. М.: [Б. и.], 1959. С. 44.

посредников передачи информации, включая «технические» (письменно зафиксированные тексты, в современных условиях – аудиозапись, интернет-источники). Часто, однако, «модальное сопровождение» сообщения является комбинацией ссылок разного уровня.

Рассмотрим эти случаи подробнее.

2.

Как уже было сказано, прямых записей самого «голоса традиции» среди сообщений о «диких людях» относительно мало, и они представляют особую ценность.

Алмас – это, говорят, дикий человек. <...> Слышал, что в Баян-Улгийском аймаке есть следы, оставленные алмасом (Булган, 2007).

У нас в районе ево видали. <...> Ну, видели ещё потом ево. А вот у нас вот хоть ково спросите – много снежново человека видали. <...> Вот много рассказывали, што видали... [Петров 2017, с. 40, 42].

Личное («прямое») свидетельство предполагает рассказ от 1-го лица. Подобные тексты, естественно, наиболее редкие, передают непосредственное впечатление об увиденном, а их верификационная убедительность весьма велика, многократно превосходя в этом плане «косвенные» сообщения, располагаемые на концах удлиненных коммуникационных цепочек [Черванёва 2022, с. 206–207]. Подобное «личное свидетельство» может принадлежать и «внешнему наблюдателю».

В стране этой и при всем этом я был сам и все видел собственными глазами, когда находился при вышеупомянутом королевском сыне по имени Чекра⁷.

Возвращаясь из Тибета <...> я отстал, чтобы дать моей лошади возможность отдохнуть. Внезапно я услышал легкий шум. Обернувшись, я заметил в двадцати шагах от себя страшное существо, нечто вроде человека, почти голое, хотя стоял

⁷ Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. / пер. со старонем. Ф.К. Бруна. Баку: Элм, 1984. С. 35. Иоганн Шильтбергер около 1396 г. попал в плен к туркам, затем к Тимуру, был подарен Едигею и смог вернуться домой более чем через 30 лет (см.: *Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427*. Mainz, 1494. 166 p.). Чекра – чингизид, претендент на ханский престол в Золотой Орде и ее хан в 1414–1416 гг.

ноябрь и было очень холодно. У него была желтая кожа, покрытая шерстью, на голове – густые спутанные волосы...⁸

Неизвестно, кого на самом деле встретил наш путешественник по Тибету. Это мог быть, скажем, один из так называемых «святых безумцев» [Stein 1959, pp. 490–491], известных своим эксцентрическими подвижническими практиками.

Чтобы лучше уподобиться аскетам, владеющим искусством развивать внутреннее тепло, он, не теряя времени, разделся до гола и перестал стричься. <...> <Это был> здоровенный детина, все одеяние которого состояло из шевелюры, заплетенной в одну длинную, до пят, и еще удлинненную хвостом яка косу. <...> Внезапно за поворотом тропы мы увидели совершенно голого человека... <...> Монах выходит из своей хижины или пещеры. Как бы ни было холодно, он абсолютно наг...⁹

Могла это быть, наконец, и одна из горных галлюцинаций, получивших название «фактор кажущегося “третьего”» («спутника», «проводника» и т. д.) [Hüfner et al. 2017, p. 1–8], предустановленный образ которого, по-видимому, уже имеется в подсознании визионера.

Впрочем, сам ли англичанин видел это человекоподобное создание – действительное или фантомное? При убежденности в реальности некоего события (и ожидаемой недоверчивости слушателей) у рассказчика, даже в целом достаточно добросовестного, вполне может возникнуть искушение приписать себе заслугу непосредственного свидетельства – для доказательства достоверности излагаемой истории. Это опять-таки подтверждается анализом приемов более архаической фольклорной трансмиссии, когда рассказчик «прибегает к повествованию от своего собственного лица, ставя себя самого в позицию наблюдателя происходящих событий. В результате возникают причудливые формы,

⁸ *Delaquis G. Voyages et decouvertes. L'homme des neiges. Documents du monde. Paris, 1954. P. 26.* Описание этого эпизода цитируется в названной книге в качестве реплики одного из собеседников по некоей не названной (и так и не обнаруженной) публикации «в одном английском журнале 1905 г.»; не удалось найти и какие-либо упоминания ее автора, г-на Г. Найта (Hugo Knight).

⁹ *Давид-Неэль А. Мистики и маги Тибета / пер. с фр. [Е.Н. Молер;] предисл. Т. Лещенко-Сухомлиной. М.: Дягилевъ центрЪ: ЦДЛ, 1991. С. 134, 136, 149, 157.*

позволяющие чередовать или даже совмещать изображение событий “извне” и “изнутри”, представлять прошлое как происходящее на глазах» [Новик 2019, с. 327].

В некоторых случаях сам информант по своему коммуникативному статусу занимает промежуточное положение между «субъектом культуры» и «внешним наблюдателем» – в этом случае его дистанцирование от «знания/мнения» традиции оказывается минимальным, в силу чего он может выступать как наиболее компетентный эксперт в данной области.

По словам Чимиддорджи <уроженца Восточногообийского аймака>, в указанных выше районах можно собрать массу сведений о встречах местных арат с алмасами...¹⁰. Товарищ Сагнашев сообщил, что в районе, расположенном недалеко от озера Лобнор, где он родился и вырос, населению хорошо известно о существовании в этих местах диких людей...¹¹.

Наиболее часто в сообщениях о «диком человеке», в том числе в «исторических свидетельствах», дается ссылка на некое «общее знание», на слухи, анонимно артикулируемые традицией.

Ближе к югу есть некая великая пустыня, в которой, как говорят, действительно живут дикие люди (*sylvestres homines*)... (1246)¹². Живущие там люди полагают... (≈ 1410)¹³.

В 1851 году среди жителей города Хасавюрт и окрестных селений длительное время упорно ходили слухи, что в границах упомянутого лесного массива появился дикий человек. <...> По рассказам, он... Рассказывали, что хасавюртовский

¹⁰ Ринчен <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова. М.: [Б. и.], 1959. С. 15.

¹¹ Выступление Таштана Сагнашева <сообщил проф. С.Е. Кляйненберг> // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова. М.: [Б. и.], 1959. С. 35.

¹² *Плано Карпини (Джиованни дель Плано Карпини)*. История монголов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / пер. А.И. Малеина; ред., вступ. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд. географ. лит., 1957. С. 38–39.

¹³ *Шильтбергер И.* Указ. соч. С. 35.

дикий человек... Рассказы о диком человеке хасавюртовского леса бытовали на протяжении 2–3 месяцев¹⁴.

Ганьсуйские тангуты уверяли, что этот зверь водится в их горах...¹⁵.

Второе сказание, которое нам особенно часто приходилось слышать, так как оно чрезвычайно распространено в стране <Абхазия> – это сказание о лесных людях (1893)¹⁶.

Говорят, он, подобно медведю, роет себе нору в земле... (1924)¹⁷. <В местности Тьендзу> от местных жителей-тибетцев слышал, что в горах Нань-Шаня труднодоступных живут человекоподобные существа...¹⁸

Вблизи этих озер <к сев.-вост. от Урумчи>, по рассказам, обитают дикие люди. <...> Говорилось даже, что они <«дикие люди» с оз. Лобнор> могут съесть¹⁹.

Иногда сообщение обходится и без апелляции к «молве/слуху», вообще без ссылки на какую-либо «речевую деятельность», лишь констатируя наличие неких сведений о предмете или ограничиваясь определенным умозаключением о нем.

¹⁴ Каптар – «снежный человек» Главного Кавказского хребта? Сообщение В.К. Леонтьева <госохотинспектора Госохотинспекции при Совете Министров ДА ССР, г. Махачкала, 29 февраля 1959 г.> // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. М.: [Б. и.], 1959. С. 102–103. Источник этих сведений более чем столетней давности на момент записи (1959 г.) не указан.

¹⁵ *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов: Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии / под ред. и со вступит. ст. Э.М. Мурзаева. М.: Географгиз, 1946. С. 287.

¹⁶ *Альбов Н.М.* Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина. 1893. Т. 3. С. 297–329.

¹⁷ *Драверт П.Л.* Дикие люди мулена и чучуна // Будущая Сибирь. 1933. № 6. С. 40–43; *Гурвич И.С.* Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). М.: Мысль, 1975. С. 9–10, 12–13, 44.

¹⁸ Народные сведения о ми-гё в горах Наньшаня: Сообщение С.Г. Курзенкова <журналиста, полковника запаса> // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. М.: [Б. и.], 1959. С. 36.

¹⁹ В Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»: Сообщение П.Ф. Рагова <генерал-майора в отставке> // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова. М.: [Б. и.], 1959. С. 33–34.

Установлено, что в провинции Фуцзянь...²⁰

Предполагают, что они живут в пещерах. Выяснилось, что в низовьях Лены...²¹

Можно встретить арат-гобийцев <монголов-скотоводов>, видевших силуэты алмасов в предрассветной мгле²².

Часто первоисточниками сведений оказываются недифференцированные групповые персонажи («местные араты», «китайские военные», «китайские солдаты, служившие в Ташкургане»²³), что совпадает с некоторыми дискурсивными стратегиями народной традиции, направленными на изложение коллективного опыта в форме обобщенного суждения. Отсылку к коллективному опыту можно усмотреть и в упоминании группы «со-свидетелей» (иногда не поименованных), теоретически способных подтвердить достоверность передаваемой информации: «Он вместе с тремя товарищами случайно встретился с алмасом в горах Бурхуту...»²⁴.

В других случаях автор текста несколько уточняет источник своей информации, определенным образом «персонализирует» его.

Один местный мужчина уверяет, что знает место захоронения трехметрового снежного человека²⁵.

Ми-гоу, по сообщениям этих монахов, не является агрессивным по отношению к человеку. Некоторые путешественники утверждают, что ми-гоу снабжали их ягодами и съедобными кореньями...²⁶

²⁰ Kircher A. China monumentis qua sacris qua profanis nec non variis naturae et artis spectaculis aliarumque rerum memorabilium argumentis illustrata. Amstelodami, 1667. P. 193.

²¹ Гурвич И.С. Указ. соч. С. 9–10, 12–13, 44.

²² Ринчен <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека... 1959. С. 11.

²³ В Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»: Сообщение П.Ф. Ратова... 1959. С. 33–34.

²⁴ Ринчен <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека... 1959. С. 12.

²⁵ Цирульников А. Облавная охота на зайцев у северных якутов: педагогическая экспедиция на полюс холода // Дружба народов. 2008. № 10. С. 186.

²⁶ Белицкий М. Что я слышал в Тибете о йети? // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шамова; АН СССР. М.: [Б. и.], 1959. С. 42.

Отдельную группу составляют рассказы «внешних наблюдателей», содержащие ссылки на конкретного носителя традиции (иногда – названного по имени) и на его свидетельство.

Один священник из К а т а и и <Китай (Cathay)> <...> рассказал мне, <что> в восточных странах Катайи находятся высокие скалы, на которых живут какие-то создания, имеющие во всем человеческий образ...²⁷

П а т е р Г е н р и х Р о т рассказывал мне, что в то время <в 1660 г.?,> когда он был в Агре...²⁸ О д и н л а м а рассказывал, что он жил один, а кто-то неведомый ему готовил... (Рашаанд, 2011).

О д н а к и р г и з к а, жившая там <в Алтын-мазаре, сев.-вост. Памир>, рассказывала...<...> Д ж е м а г у л ж е <памирский киргиз> мне рассказывал, что давно, «еще при Николае», он издали видел двух диких людей... Тогда же он рассказывал... П р и э т о м п р и б а в л я л о с ь, что сейчас диких людей совсем нет, а раньше «все-таки были» [Станюкович 1957, с. 344].

Способом верификации сообщения бывает также передача впечатлений очевидца, чья надежность подкрепляется, скажем, личным знакомством или родством с рассказчиком («брательник», «друг»; см. примеры ниже), либо его особой авторитетностью²⁹.

Д у б а н ь в У р у м ч и <правитель Синьцзяна> не рекомендовал мне ехать в район озера Лобнор, так как там много «диких людей»³⁰.

²⁷ *Gillem de Rubruk*. Путешествие в Восточные страны // Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука / пер. А.И. Малеина; ред., вступ. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд. географ. лит., 1957. С. 154–155.

²⁸ *Kircher A.* China monumentis... Amstelodami, 1667. P. 193. Генрих Рот (Heinrich Roth, Henricus Rodius, 1620–1668), миссионер, индолог-лингвист. Агра – город в Северной Индии, историческая столица Великих Моголов.

²⁹ «Рассказчик-информант обязательно подчеркивает правдивость своего рассказа, утверждая, что встречался со сверхъестественным существом сам, либо его родственник, друг, знакомый, приятель, односельчанин и т. д. Как правило, ссылаются на уважаемых, серьезных, заслуживающих доверия людей» [Николаева 2014, с. 103]. Ср.: «По о р а с с к а з а м весьма серьезных людей я знаю, что Разин, тайно и переодевшись, чтобы не быть узнанным, приходил в Москву и разослал отсюда своих людей...» [Марций 1975, с. 67].

³⁰ В Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»: Сообщение П.Ф. Ратова... 1959. С. 34.

От него <волостного управителя Чуттыбая Намазова> лично я узнал следующие подробности о «диком человеке»³¹.

Так, председатель колхоза «Ленинский путь» на Памире Джурмамат Мусаев, который хорошо знает территорию своего колхоза... Старые охотники Улджачи и Уразали из этого же колхоза, много постраствовавшие на своем веку по Памиру, утверждают... [Станюкович 1957, с. 345].

Сильным аргументом в пользу «объективности» визионера является его принадлежность к военному сословию (по-видимому, обладающему более широким кругозором в силу своей мобильности, не говоря уж о причастности к властным инстанциям).

Полковник М. Ваулин, служивший в одном из кавалерийских полков в Хатане, а также полковник А.К. Кулешов, долго живший в Хатане и в Черчене, рассказывали мне в 1939 г. о существовании диких людей в районе Ташкургана. <...> В 1939–1941 гг. я бывал в этих местах <к северо-востоку от Урумчи>, расспрашивал китайских военных по поводу слухов об обитании здесь диких людей и получил от них подтверждения³².

Другая группа «авторитетных источников» – люди умственного труда (учителя, медики и пр.), вообще профессиональные «хранители знания», что в наше время, возможно, подразумевает и известную «рациональность мышления», свободу от суеверий и предрассудков, в конечном счете – апелляцию к «науке»:

Об этой встрече с алмасом профессор Барадин рассказывал своему другу профессору Жамцарано, от которого я узнал в 1927 г. об этом. <...> Преподаватель начальной школы в Гобийском Алтае, видевший в 1929–30 гг. мертвую девочку алмаску, попавшую случайно под самострел, поставленный охотником, и живого алмаса-самца <...> третий очевидец, т<ов>. Нагмит, рассказ которого я хочу сообщить, работает ныне в одной из аптек Улан-Батора. <...> Научный сотрудник плодово-ягодного опытного

³¹ Сообщение П.И. Чумаченко // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. М.: [Б. и.], 1959. С. 32.

³² В Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»: Сообщение П.Ф. Ратова... 1959. С. 34.

хозяйства нашего Комитета наук <...> т<ов>. Чимиддорджи сообщил...³³

Наконец, еще одна верификационно «сильная» форма – ссылка на прецедент, на «реальный случай», произошедший с конкретным человеком в конкретных обстоятельствах.

Ненцы уверяли, будто некоторые из них видели *сирти*. Называют ненца Майн Саландера, который «видел» сирти в юности (к 1936 г. ему было 90 лет) [Прокофьева 1953, с. 204].

В 1953 г. на сев.-вост. Китая распространился слух, что охотникам удалось убить чудовище в Тайюаньском районе где-то в стороне от станции И-Сюнь... [Станюкович 1957, с. 344].

Рассказывают, один чучуна украл ребенка, а другой выкрал девушку и жил с ней полтора года...³⁴ Старый китайский охотник <...> рассказал мне, что несколько лет назад он набрел на след «огромного человека»... и он показал мне руками размер следа...³⁵

В наслеге Сатагал, старик – хозяин угодьев увидел в сенокосную страду, в двадцатых числах июля, следы гигантского размера. Сбежался народ. <...> Старику это надоело, он взял и стер следы «чучуны»³⁶.

В Каргополе был <снежный человек>. <...> он явился туда, в эту казарму. <...> Вот пока эти бегали, ребята, доносить, што што-то у них надо, в казарму появились, ну он куда-то ушёл. [Двоюродный брат с другом] к рыбе-то подъехали, фигак – кто-то ф кусты пробежал! [Петров 2017, с. 41, 42].

Именно подобные рассказы могут разворачиваться в целые новеллы, пересказываемые устно или циркулирующие в Интернете, например:

Трое друзей, совершая восхождение на Памир, в какой-то момент увидели странный мохнатый силуэт, и это существо убежало от них за уступ горы. Они побежали за ним, причем два человека вырвались

³³ Ринчен <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека... 1959. С. 11, 14.

³⁴ Гурвич И.С. Указ. соч. С. 61.

³⁵ Письмо инженера В. Широколобова... 1959. С. 44.

³⁶ Цирульников А. Указ. соч. С. 186.

вперед, а третий отстал. Эти двое что-то увидели за уступом, но потом ни с кем не поделились своими впечатлениями. Третий <...> отстал и ничего не видел. Через год один из тех, кто побегал вперед, сорвался с горы и погиб. Второй человек поехал в Непал и там пропал без вести. Единственный, кто остался жив, это тот, кто не побегал. <...> Рассказчики <С.М., А.Т. (г. Аврора, Онтарио)> были знакомы по крайней мере с одним из этих погибших туристов³⁷.

Вернемся к вопросу о более сложных, многосоставных коммуникационных цепочках, включающих дополнительные звенья-посредники – хранители и передатчики информации, в том числе «технические».

На Алтае живет один поселенец, который в бытность свою солдатом ходил с охотничьей командой на охоты. Где это было, я в точности не знаю, так как слышал <его> рассказ из вторых рук...³⁸

Вот, у меня брательник гърит, што видал, и у меня дру <г> гръ <ит> драк тоже как-то видал [Петров 2017, с. 41].

Член нашей экспедиции Николай Николаевич Романов уверяет, что его зять сам видел этот след³⁹.

<Получил> письмо от одного пожилого человека, офицера прежней армии. Однажды... он увидел в лесу дикого человека⁴⁰.

В приведенных примерах между автором текста и самим «событием» (встреча с «диким человеком», виденье «его следа»)

³⁷ Ekaterina Neklyudova, личные письма, 24.09.2012 – 15.10.2012.

³⁸ Архив АН СССР <Ленинград>. Ф. 2. Оп. i–1914. № 24. Л. 107–110: Письмо В.А. Хахлова профессору П.П. Сушкину (г. Зайсан <Семи-палатинск. обл.>, 18.XII.<19>14 г.) // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 4 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова. М.: <Всероссийское общество содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. Центральный совет>, 1959. С. 88.

³⁹ Цирульников А. Указ. соч. С. 186.

⁴⁰ Из письма проф. Т.Х. Шоу // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. М.: [Б. и.], 1959. С. 35–36.

стоит «посредник»⁴¹, на которого ссылается рассказчик: «брательник», «друг», «зять члена экспедиции», «офицер прежней армии». В последнем случае коммуникационную цепочку, передающую данное сообщение, можно считать состоящей не из двух, а из трех звеньев («офицер прежней армии» – его письмо – автор текста), поскольку в ней фигурирует еще и технический носитель информации в виде «документального свидетельства», которое, впрочем, не предъясняется (= не цитируется), а лишь пересказывается.

Удлинение подобной цепочки до трех и даже четырех звеньев встречается нередко – как, например, в сведениях, приводимых акад. Б. Ринченом:

Об этой встрече с алмасом профессор Барадин рассказывал своему другу профессору Жамцарано, от которого я узнал в 1927 г. об этом. <...> Т<ов>. Чимиддорджи сообщил моему ученику Бадра несколько весьма любопытных данных приблизительно двадцати-двадцатипятилетней давности... По словам Чимиддорджи, в указанных выше районах (западная часть Гоби) можно собрать массу сведений о встречах местных арат с алмасами и найти людей, которые видели алмасы или подвергались их нападению десятка три и больше лет тому назад⁴².

В одном случае перед нами цепочка из трех звеньев (*Барадин* → *Жамцарано* → *Ринчен*), а в другом – из четырех («местные араты» → *Чимиддорджи* → *Бадра* → *Ринчен*).

По словам Б. Ринчена, профессор Б. Барадин⁴³ был единственным ученым, «которому посчастливилось во время своего путешествия встретиться с алмасом»:

В урочище Бадын Джаран во Внутренней Монголии Барадин был изумлен появлением волосатого человека, перебежавшего путь каравану и поднявшегося на бархан. Шараб Сиплый объяснил ученому,

⁴¹ Встречаются, кстати, попытки сократить подобную цепочку, убрав из нее посредующие звенья чьих-либо пересказов или общей молвы: «К сожалению, я лично не видал самого очевидца, но в течение нынешней зимы попытаюсь расспросить» (Письмо В.А. Хохлова профессору П.П. Сушкину... 1959. С. 88).

⁴² *Ринчен* <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека... 1959. С. 11, 14–15.

⁴³ Барадин (Барадийн) Б.Б. (1878–1937) – ученый, литератор, государственный и общественный деятель Бурятии.

что это дикий человек – алмас <...> который быстро скрылся за барханом. Преследовать его один Шараб не решился, и караван продолжал путь⁴⁴.

Тем самым свидетельство опирается на авторитет ученого, монголоведа и тибетолога; следует, впрочем, напомнить о самой коммуникационной цепочке (*Барадин* → *Жамцарано* → *Ринчен*), в которой между авторитетным источником сообщения и автором текста, содержащего данную информацию, размещается чрезвычайно солидный посредник – Ц. Жамцарано⁴⁵, человек опять-таки весьма известный, но, как и Б. Барадин, к моменту написания данного текста давно покойный.

Обратим внимание, что все описываемые впечатления относятся к более или менее отдаленному прошлому: «в 1939–1941 гг.» (т. е. примерно за 20 лет до написания текста), «данные приблизительно двадцати-двадцатипятилетней давности», «десять три и больше лет тому назад», «от которого я узнал в 1927 г. об этом» (т. е. 30 лет назад); рассказ «офицера прежней армии» опять-таки должен относиться к событиям не менее чем десятилетней, а скорее всего – гораздо большей давности.

Отнесение источника сообщения в прошлое также является важной формой гарантирования его «истинности» (что, видимо, соответствует мифологической парадигме сакрального «раннего времени»). Здесь обнажается и сам механизм размещения текста в традиции, наращивание звеньев его передачи во времени по формуле $n+1$, где «единицей» является последняя актуальная манифестация сообщения, а « n » репрезентирует всю цепь предшествующей трансмиссии, начиная с источника сообщения [Неклюдов 1995, с. 668–669].

3.

Итак, «достоверность сообщений» (в данном случае – о «диких людях») обеспечивается разными риторическими способами, включая альтернативные:

– описание «событий сегодняшнего дня» как максимально очевидных, либо, наоборот, опорой на давность информации, которая, таким образом, проверена временем и испытана на устойчивость;

⁴⁴ *Ринчен* <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека... 1959. С. 10–11.

⁴⁵ Жамцарано Ц.Ж. (1881–1942) – известный ученый, монголовед и бурятолог, общественно-политический деятель Бурятии и Монголии.

– «личным свидетельством» повествователя или, напротив, его дистанцированием от текста, передачей авторства другому, утверждением себя лишь в роли ретранслятора сообщения;

– ссылкой на молву, на общие представления местных жителей, с одной стороны, и на конкретный «авторитетный источник», с другой.

Авторитетность источника гарантируется родством/знакомством с рассказчиком, его принадлежностью к числу социально, культурно, конфессионально значимых персон (главы территориальных сообществ, стражи порядка, старейшины, духовные лица), к военному сословию, к людям «умственного труда» как к надежным носителям «позитивных знаний» (ученые, педагоги, медики и пр.). Источником может быть и «личная история» о конкретном случае, и даже сам казус, описываемый без всякой опоры на какой-либо «речевой акт». Чаще, однако, сведения, которые фиксируются «внешним наблюдателем», передаются не участниками или очевидцами события, а анонимными или групповыми трансляторами, наличие которых удлиняет цепочку трансмиссии до трех и даже четырех звеньев.

Позиция «внешнего наблюдателя», обычно – автора «окончательного» текста, который имеется в нашем распоряжении, в достаточной степени подвижна. Он может быть и выходцем из данной локальной традиции, адаптированным в другой социокультурной среде, и представителем той же национальной культуры, но в ее урбанистической версии, и иностранным специалистом по данному региону со знанием местных языков и обычаев, и (чаще всего) любознательным дилетантом, увлеченным поисками «снежного человека».

Эти качества анализируемого материала – «смикшированность» текстов о «диком человеке» и «ролевых позиций» носителей информации, нечеткость и нерегулярность в обозначении их источников – не позволяют в должной мере оценить зависимость «эвиденциальных маркеров» от разных каналов коммуникации (культурно-языковых, устных/письменных) и от циркуляции сообщений между ними. Что же касается этнорегиональной и исторической специфики наблюдаемых явлений, то уверенно судить о ней пока не позволяет статистическая недостаточность данных. Подобные обстоятельства также приходится учитывать при изучении эвиденциальности как «внутреннего комментария» рассматриваемых текстов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01119

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-18-01119

*Полевые записи*⁴⁶

Булган, 2007 – Булганский аймак, г. Булган. Зап. 2007 г.

Рашаанд, 2011 – Убурхангайский аймак, сомон Гурванбулаг, пос. Рашаанд. Зап. 2011 г.

Литература

- Артеменко 1994 – *Артеменко Е.Б.* «Образ автора» как структурообразующий фактор фольклорного текста // Исследования по лингвофольклористике / отв. ред. А.Т. Хроленко. Вып. 3. Курск: Изд-во Курского пед. ун-та, 1994. С. 3–5.
- Артеменко 1998 – *Артеменко Е.Б.* К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре: На материале былинного эпоса // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1998. № 11. С. 186–195.
- Бичеев 2020 – *Бичеев Б.А.* Притча о царе Ралпачане // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 348–360.
- Борисова 2009 – *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Либроком, 2009. 320 с.
- Веселова, Степанов 2019 – *Веселова И.С., Степанов А.В.* Опыт по ролям: перципиент, конфиден и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.
- Козинцева 1994 – *Козинцева Н.А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
- Марций 1975 – *Марций И.Ю.* Стенко Разин донски козак изменник // Иностранные известия о восстании Степана Разина: материалы и исследования / ред. А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1975. С. 51–79.
- Неклюдов 1995 – *Неклюдов С.Ю.* Отношение «текст – денотат» и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. Т. 1 / ред.-сост. Е.В. Пермяков. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 667–675.
- Неклюдов 2022 – *Неклюдов С.Ю.* Воскрешение неандертальца и легенда о «снежном человеке» // Шаги/Steps. 2022. Т. 8. № 3. С. 25–50.

⁴⁶ Материалы российско-монгольских фольклорных экспедиций 2006–2013 гг., Российский государственный гуманитарный университет – Институт языка и литературы Монгольской академии наук, Архив Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.

- Николаева 2014 – *Николаева Н.Н.* Демонологические рассказы в современном бурятском фольклоре (По полевым материалам) // The Journal of Siberian Studies (SAD). 2014. № 2 (5). С. 97–120.
- Новик 2019 – *Новик Е.С.* Способы засвидетельствования и типы повествователя в архаическом фольклоре народов Сибири // Новик Е.С. Миф и ритуал народов Сибири. М.: РГГУ, 2019. С. 307–329.
- Петров 2017 – *Петров Н.В.* Страшная месть снежного человека: каргопольский случай // Городские тексты и практики. Т. 2: Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий / сост. А.С. Архипова*, Д.А. Радченко. М.: Дело, 2017. С. 16–44.
- Прокофьева 1953 – *Прокофьева Е.Д.* Материалы по религиозным представлениям энцев // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 14 / отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 194–230.
- Станюкович 1957 – *Станюкович К.В.* Голуб-яван (Сведения о «снежном человеке» на Памире) // Известия Всесоюзного географического общества. 1957. Т. 89. № 4. С. 343–345.
- Черванёва 2017 – *Черванёва В.А.* Границы достоверности мифологического рассказа: *делал – видел – слышал – был* // Русская речь. 2017. № 5. С. 112–117.
- Черванёва 2019 – *Черванёва В.А.* Типы рассказчика в мифологическом нарративе // III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. ст.: В 5 т. Т. 4: Российская фольклористика в XXI веке: Перспективы развития / сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М.: Государственный Российский дом народного творчества имени В.Д. Поленова, 2019. С. 12–22.
- Черванёва 2022 – *Черванёва В.А.* Смена точек зрения как прием в текстах устной традиции: к вопросу о фигуре наблюдателя в фольклоре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 2. С. 201–215.
- Aikhenvald 2004 – *Aikhenvald A.Y.* Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 452 p.
- Hüfner et al. 2017 – *Hüfner K. et al.* Isolated psychosis during exposure to very high and extreme altitude – characterisation of a new medical entity / K. Hüfner, H. Brugger, E. Kuster, F. Dünsser, A.E. Stawinoga, R. Turner, I. Tomazin, B. Sperner-Unterweger // Psychological Medicine. Vol. 48. No. 11. P. 1–8.
- Stein 1959 – *Stein R.-A.* Recherches sur l'épopée et le barde au Tibet. P.: Press Universitaires de France, 1959. 646 p.

* Минюст России внес А.С. Архипову в список «иностранных агентов».

References

- Aikhenvald, A.Y. (2004), *Evidentiality*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Artemenko, E.B. (1994), “The image of the author’ as a structure factor of the folklore text”, in Khrolenko, A.T., ed., *Issledovaniya po lingvofol’kloristike. Vyp. 3* [Research on folklore language, iss. 3], Izdatel’stvo Kurskogo pedagogicheskogo universiteta, Kursk, Russia.
- Artemenko, E.B. (1998), “On the problem of the narrator and his verbal representation in folklore. On a material of the epos”, *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniia i iazykoznaniiia*, no. 11, pp. 186–195.
- Bichev, B.A. (2020), “The parable of King Ralpacan”, *Novyi filologicheskii vestnik*, vol. 55, no. 4, pp. 348–360.
- Borisova, I.N. (2009), *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics], Librokom, Moscow, Russia.
- Chervaneva, V.A. (2017), “Veracity limits of oral mythological narratives: done – seen – heard – happened”, *Russkaya rech’*, no. 5, pp. 112–117.
- Chervaneva, V.A. (2019), “Types of storyteller in mythological narrative”, in Dobrovolskaya, V.E. and Ippolitova, A.B., comp., *III Vserossiiskii kongress fol’kloristov (Moskva, 3–7 fevralya 2014 g.): Sbornik nauchnykh statei: V 5 t. T. 4: Rossiiskaya fol’kloristika v XXI veke. Perspektivy razvitiya* [3rd All-Russian Congress of Folklorists (Moscow, February 3–7, 2014): Collected scientific articles. In 5 volumes. Vol. 4: Russian folklore in the 21st century. Development prospects], Gosudarstvennyi Rossiiskii dom narodnogo tvorchestva imeni V.D. Polenova, Moscow, Russia, pp. 12–22.
- Chervaneva, V.A. (2022), “Changing points of view as a device in the texts of oral tradition. On the issue of the observer in folklore”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 2, pp. 201–215.
- Hüfner, K., Brugger, H., Kuster, E., Dünsser, F., Stawinoga, A.E., Turner, R., Tomazin, I. and Sperner-Unterweger, B. (2017), “Isolated psychosis during exposure to very high and extreme altitude – characterisation of a new medical entity”, *Psychological Medicine*, vol. 48, no. 11, pp. 1–8.
- Kozintseva, N.A. (1994), “Category of evidentiality (problems of typological analysis)”, *Voprosy Yazykoznaniiya*, no. 3, pp. 92–104.
- Martsii, I.Yu. (1975), “Stenko Razin Don cossack traitor”, in Man’kov, A.G., ed., *Inostrannye izvestiia o vosstanii Stepana Razina: materialy i issledovaniya* [Foreign news about the uprising of Stepan Razin: materials and research], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 51–79.
- Neklyudov, S.Yu. (1995), “The ‘text-denotation’ relationship and the problem of truth in narrative traditions”, in Permyakov, E.V., ed., comp., *Lotmanovskii sbornik. T. 1* [Lotmanov collection, vol. 1], ITs-Garant, Moscow, Russia, pp. 667–675.
- Neklyudov, S.Yu. (2022), “The Neanderthal resurrection and the Abominable Snowman legend”, *Shagi/Steps*, vol. 8, no. 3, pp. 25–50.

- Nikolaeva, N.N. (2014), “Demonological stories in modern Buryat folklore (based on field materials)”, *The Journal of Siberian Studies (SAD)*, vol. 5, no. 2, pp. 97–120.
- Novik, E.S. (2019), “Modes of evidentiality and types of narrators in the archaic folklore of peoples of Siberia”, in Novik, E.S., *Mif i ritual narodov Sibiri* [Myth and ritual of the peoples of Siberia], RGGU, Moscow, Russia, pp. 307–329.
- Petrov, N.V. (2017), “The terrible revenge of Bigfoot: the Kargopol case”, in Arkhipova*, A.S. and Radchenko, D.A., comps., *Gorodskie teksty i praktiki. T. 2: N'yuslor: fol'klornaya interpretatsiya aktual'nykh sobytii* [Urban texts and practices, vol. 2: Newslor: folklore interpretation of current events], Delo, Moscow, Russia, pp. 16–44.
- Prokofieva, E.D. (1953), “Materials on the religious beliefs of the Enets”, in Tolstov, S.P., ed., *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii AN SSSR* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences], vol. 14, Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, Leningrad, USSR, pp. 194–230.
- Stanyukovich, K.V. (1957), “Golub-yavan (Information about the ‘Bigfoot’ in the Pamirs)”, *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 89, no. 4, pp. 343–345.
- Stein, R.-A. (1959), *Recherches sur l'épopée et le barde au Tibet*, Press Universitaires de France, Paris, France.
- Veselova, I.S. and Stepanov, A.V. (2019), “Experience by roles: Percipient, confident and others (communicative foundations of the composition of mythological narratives of the Russian North)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 10–24.

Информация об авторе

Сергей Ю. Неклюдов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey.nekludov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4165-4604

Information about the author

Sergei Yu. Neklyudov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sergey.nekludov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4165-4604

Проблемы издания и комментирования русского магического фольклора

Андрей Л. Топорков

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия, atoporkov@mail.ru*

Аннотация. Фактически заговоры представляют собой два разных жанра и корпуса текстов, один из которых функционирует в устной, фольклорной традиции, а другой – в «низовой» рукописной. Соответственно, исследователи и публикаторы заговоров довольно четко делятся на две группы: устными заговорами по большей части занимаются фольклористы, а рукописными – историки, литературоведы и археографы. Если первые находят свои источники в фольклорных экспедициях и архивах, в которых хранятся записи аналогичных экспедиций прошлых лет, то вторые занимаются в архивах в основном с материалами XVII–XIX вв.

Заговоры, с одной стороны, включают ряд разновидностей (приговоры, обереги, заговоры-молитвы и др.), а с другой – в одних рукописях с ними фиксируются тексты других жанров. В связи с этим перед комментатором стоит задача идентифицировать жанровую природу текста, который может относиться к одной из разновидностей заговоров или даже относиться не к самим заговорам, а, например, к апокрифическим молитвам.

Комментатор имеет дело, с одной стороны, с единичными заговорами, а с другой – с теми гипертекстовыми структурами, в которые включены эти заговоры. В случае с устными заговорами это, во-первых, другие заговоры, которые входят в репертуар данного исполнителя или локальной традиции, а во-вторых, ритуальная обстановка, в которой исполняется заговор. В случае же с рукописными заговорами комментатор рассматривает текст в составе определенной рукописи и в контексте имеющейся информации о ее происхождении и содержании.

Одна из задач, стоящих перед исследователями и публикаторами заговоров, заключается в том, чтобы разработать определенный стандарт научных изданий, который бы соответствовал академическим требованиям в области текстологии и источниковедения. Для

реализации задач, стоящих перед издателями магического фольклора, извлеченного из рукописей раннего Нового времени, требуется подготовка таких специалистов, которые могли бы квалифицированно заниматься и полевой, и археографической, и публикаторской работой.

Ключевые слова: магические тексты, фольклор, заговоры, рукописи, ритуалы, комментарии, текстология, народная медицина, колдовство

Дата поступления статьи: 15 июня 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 29 августа 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Топорков А.Л. Проблемы издания и комментирования русского магического фольклора // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 81–108. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-81-108

Problems of publishing and commenting on Russian magical folklore

Andrei L. Toporkov

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, atoporkov@mail.ru*

Abstract. In fact, verbal charms represent two different genres and bodies of texts, one of which functions in the oral, folklore tradition, and the other in the “grassroots” handwritten tradition. Accordingly, researchers and publishers of verbal charms are quite clearly divided into two groups: oral verbal charms are mostly dealt with by folklorists, and handwritten verbal charms are dealt with by historians, literary scholars and archaeographers. If the former find their sources in folklore expeditions and in archives that store records of similar expeditions of past years, then the latter study in archives mostly with materials from the 17th – 19th centuries.

Verbal charms, on the one hand, include a number of varieties (ritual formulers, apotropaic, verbal charms-prayers, etc.), and on the other hand, texts of other genres are recorded in some manuscripts with them. In this regard, the commentator is faced with the task of identifying the genre nature of the text, which may relate to one of the types of verbal charms or even relate not to the verbal charms themselves, but, for example, to apocryphal prayers.

The commentator deals, on the one hand, with individual verbal charms, and on the other, with those hypertext structures in which these verbal charms are included. In the case of oral spells, these are, firstly, other spells that are included in the repertoire of a given performer or local tradition, and secondly, the ritual setting in which the spell is performed.

In the case of handwritten verbal charms, the commentator considers the text as part of a specific manuscript and in the context of the available information about its origin and content.

One of the challenges facing spell researchers and publishers is to develop a certain standard of scholarly publications that would meet academic requirements in the field of textual criticism and source criticism. To implement the tasks facing publishers of magical folklore extracted from manuscripts of the early modern period, it is necessary to train specialists who could competently engage in field, archaeographic, and publishing work.

Keywords: magical texts, folklore, spells, manuscripts, rituals, commentaries, textual criticism, traditional medicine, witchcraft

Received: June 15, 2023

Approved after reviewing: August 29, 2023

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Toporkov, A.L. (2024), "Problems of publishing and commenting on Russian magical folklore", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 81–108. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-81-108

В последние десятилетия появились библиографические и сюжетно-мотивные указатели заговоров, обширные публикации полевых и архивных материалов. По-новому открылась рукописная традиция заговоров XVII–XVIII вв. В то же время значимость научного аппарата и, в частности, комментариев не всегда осознается даже университетскими и академическими публикаторами. Некоторые научные издания по способу подачи материала и уровню его осмысления ненамного отличаются от популярных.

По-человечески вполне объяснимо желание как можно скорее познакомиться коллег с текстами, обнаруженными в архивной рукописи или записанными в ходе фольклорной экспедиции. Однако поспешные действия могут поставить публикатора в незавидное положение, если, например, впоследствии выяснится, что в архивной рукописи были скопированы тексты из какого-нибудь издания XIX в. или что родители сельской жительницы, которая сообщила заговоры фольклористам, выписали их из «Тихого Дона» или другого литературного произведения. Такие некачественные публикации впоследствии отзываются эхом в научной литературе и приводят к построению ложных гипотез. В результате исследователям, вместо того чтобы изучать аутентичные тексты, приходится тратить время на проверку чужих домыслов.

В нормальной ситуации публикации текстов предшествует их критическая оценка с точки зрения их источника, жанровой принадлежности, отнесения к устной или рукописной традиции,

аутентичности, качества записи, степени полноты, наличия утрат, ошибок, описок и т. д. Только после этого принимается решение о целесообразности или нецелесообразности публикации полевых или архивных материалов.

Комментарий является результатом научной работы с текстами и предполагает предварительные разыскания библиографического, аналитического и иного характера. Публикатор должен быть готов к тому, что подготовка комментария к тексту может занять не меньше времени, чем работа с носителями традиции в экспедиции или с рукописью в архиве.

Заговоры в кругу жанров магического фольклора и «низовой» рукописной традиции

Фактически заговоры представляют собой два разных жанра и корпуса текстов, один из которых функционирует в устной, фольклорной традиции, а другой – в «низовой» рукописной. Соответственно, исследователи и публикаторы заговоров довольно четко делятся на две группы: устными заговорами по большей части занимаются фольклористы, а рукописными – историки, литературоведы и археографы. Если первые находят свои источники в фольклорных экспедициях и в архивах, в которых хранятся записи аналогичных экспедиций прошлых лет, то вторые занимают в архивах с материалами XVII–XIX вв.

Очевидно, что фольклористы и историки-археографы имеют разное образование и профессиональную подготовку, по-разному ставят научные задачи. Однако и при работе с живой традицией, и при работе с рукописями решаются определенные сходные проблемы, что позволяет использовать некоторые общие принципы подачи материала и комментирования текстов. Само противопоставление устных и рукописных заговоров для периода XVII–XIX вв. в известном смысле является условным, поскольку до появления звукозаписывающей аппаратуры тексты могли быть зафиксированы исключительно на бумажном носителе.

При работе с рукописями не всегда просто определить, имеем ли мы дело с записью устного текста или с записью текста, скопированного из какой-нибудь другой рукописи. Протограф нашего текста в свою очередь мог быть записан со слов какого-нибудь «знающего», а мог попасть в русскую традицию в составе какого-нибудь рукописного сборника, минуя устную традицию.

Русские заговоры массово представлены в источниках начиная с XVII в., хотя отдельные записи магических текстов встречаются и ранее. На протяжении всего этого периода наблюдаются

два вектора во взаимодействии устных и письменных магических текстов.

С одной стороны, тексты, зафиксированные на бумаге или другом материальном носителе, переходили в устную традицию, где подвергались различным трансформациям: упрощались, утрачивали христианский ономастикон, включали в себя фольклорные мотивы, подвергались давлению местной фольклорной традиции и т. д.

С другой стороны, устные заговоры фиксировались в рукописях и книгах, которые начинали жить своей жизнью, консервировали традицию, передавались на большие расстояния, порождали специфическую мифологию письменных амулетов и черных книг и т. д.

Эти встречные импульсы действовали с разной интенсивностью в разные эпохи, причем исследователи, как правило, имеют возможность наблюдать не сам процесс перехода того или иного текста из одной сферы функционирования в другую, а его результаты.

В социокультурном аспекте важно то, что письменная фиксация магических текстов наложила существенный отпечаток на их структуру и содержание. В результате длительного взаимодействия устных и письменных традиций выработался определенный формуляр русских заговоров, многие из которых представляют собой промежуточные образования между заговором и молитвой. По своему происхождению это могут быть либо апокрифические молитвы и даже повествовательные тексты, которые подверглись переделке в духе фольклора, либо устные заговоры, которые подверглись книжному влиянию. Сближение заговора с молитвой проявляется в использовании инициальных и заключительных молитвенных формул («Господи, благослови, отче», «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», «Отныне, присно и во веки веков», «Аминь» и др.), во введении в текстовое пространство таких персонажей, как Христос, Богородица, архангел Михаил, апостолы и святые, которым дана сила побеждать зло и болезни. В типовом русском заговоре с мотивом «сакрального центра» рассказывается о том, как имярек отправляется на море или в поле, останавливается там перед камнем Алатырем или церковью с Богородицей на престоле и обращается к ним с просьбой об исцелении и помощи (см. [Агапкина 2010, с. 33–87]). Таким образом, реплика имярека представляет собой своеобразную молитву в составе магического нарратива. В рукописной традиции XVII–XVIII вв. заговоры часто так и называли молитвами.

Судя по судебно-следственным материалам в XVII–XVIII вв., заговоры были распространены не только в деревне, но и в городах,

включая столичные, среди самых разных групп населения. Их использовали крестьяне, дворовые, посадские, купцы, приказные, военнослужащие и их жены, помещики, дворяне и даже придворные, не говоря уже о колдунах, знахарях, знахарках, повитухах и травниках. По наблюдениям Е.Б. Смилянской, в XVIII в. в роли колдунов могли выступать люди маркированных профессий – солдаты, матросы, коновалы, мельники, рыбаки, а в городах еще и дворники [Смилянская 2003, с. 117–118]. Рукописные сборники заговоров часто составляли и хранили представители низшего духовенства, сведущие в богослужебной литературе и в то же время близкие фольклорной культуре. «В XVIII в. по обвинению в колдовстве и пользовании магическими заговорами перед следствием предстали по меньшей мере четыре десятка приходских попов, дьяконов, дьячков, пономарей» [Смилянская 2002, с. 78].

Заговоры среди устных и рукописных текстов других жанров

В научных публикациях термин «заговоры» употребляется в двух основных значениях – узком и широком. В узком смысле под «заговорами» понимают магические тексты, которые произносят для лечения болезней и решения других проблем личной жизни. В широком смысле термин «заговоры» используется как обобщенное название разных магических текстов, включая не только собственно заговоры, но и приговоры (магические формулы), заговоры-обереги, заговорные молитвы (молитвы-заговоры) и др.¹ Тексты, относимые к заговорам, значительно отличаются друг от друга по своему объему, функциям, модусу существования, структуре, происхождению, соотношению с церковной и фольклорной традициями.

В диалектной речи магические тексты описывали словами: *заговор, наговор, нашепт, оберег, обереж, приговор, слова, шептание* и др. Для обозначения пастушеских заговоров использовали слова «отпуск» и «обход». Любовные заговоры называли присухами (присухами, приворотами), а противоположные, призванные разлучить супругов, – отсушками (отсухами, отворотами). Для описания магических практик часто использовали не номинативы, а описательные конструкции типа: «Бабушка пошептала», «Он заговорился от ружья» и т. п.

¹ См. статьи «Заговоры», «Заклинание», «Любовная магия», «Медицина народная», «Молитва», «Обереги», «Приговоры», «Речь ритуальная» в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (СДЭС).

Сам термин «заговоры» восходит к народной номенклатуре, однако в фольклорной традиции он не является ни единственным, ни наиболее распространенным. Начало его широкого использования связано со «Сказаниями русского народа» И.П. Сахарова, в которых впервые была опубликована коллекция магических текстов, причем в названии каждого из них использовалось слово «заговор»: «Заговор на путь-дороженьку», «Заговор от укушения змей» и т. д.²

Сходную судьбу, кстати, имело и слово «былина», которое тоже было известно и до И.П. Сахарова, однако именно после публикации «Сказаний русского народа» стало восприниматься как основное название русских эпических песен, которые самими исполнителями обычно именовались «старинами» (см.: [Захарова 2014]).

Термин «заговоры», несмотря на его широкое распространение, трудно признать удачным, поскольку он существует параллельно с омонимичным термином, обозначающим 'тайное соглашение нескольких лиц о совместных действиях против кого-нибудь для достижения каких-нибудь определенных политических целей' (словарь Д.Н. Ушакова³). Поэтому названия типа «Русские заговоры», «Заговоры пастухов» и т. п. неизбежно будут вызывать ложные ассоциации. При работе в поле обычно приходится пользоваться не словом «заговоры», а той терминологией, которая привычна для местных жителей.

Магическая словесность представляла собой сложно организованный континуум, который в целом структурировался двумя основными противопоставлениями: «письменное – устное» и «церковное – светское». При этом мы видим, с одной стороны, довольно ясное противопоставление на полюсах и «перетекание» форм в центральной зоне. Не всегда можно сказать, имеем ли мы дело с заговорами или с какими-то разновидностями молитвословных текстов. Тем более трудно сказать, как именно воспринимались эти тексты людьми, которые ими пользовались, переписывали и хранили в виде рукописей. По-видимому, многие из них искренно считали заговоры вполне допустимым средством лечения болезней и воздействия на окружающий мир и не видели какой-то принципиальной разницы между заговорами и молитвами. Нужно также учитывать, что в требники и часословы включались спорадически молитвы, близкие заговорам.

² Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Тип. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 2. С. 18–35.

³ Заговор // Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энциклопедия; ОГИЗ, 1935. Т. 1. Стб. 914. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/08/us191404.htm> (дата обращения 15 дек. 2023).

Заговоры бытовали в социальном пространстве параллельно с различными формами ритуальной речи, такими как клятвы (присяги), проклятия, угрозы, ругательства (в частности, матерная брань), благопожелания, диалоги-ритуалы, а также с такими текстами, как заклички, считалки, опахивательные песни, «песни русалок» и т. д. В одних рукописях с заговорами встречаются канонические и апокрифические молитвы⁴, магические формулы (приговоры), «черные» колдовские заговоры для наведения порчи, заклинания для изгнания демонов, «прошения» к лесному царю, расписки о «договоре» с Сатаной, разного рода абракадабры и магические квадраты и т. д.

Если исследователь заговорной традиции имеет возможность ограничиться определенной группой заговоров, то публикатор вынужден иметь дело со множеством текстов, которые в строгом смысле не являются заговорами, хотя и функционируют вместе с ними в устной и рукописной традициях.

⁴ Литература о соотношении заговора и молитвы практически необозрима. Из работ последних десятилетий см.: [Левкиевская 2002; Терешкина 2011; Шестеркина 2014]. Для нашей темы наибольший интерес представляют публикации и исследования апокрифических молитв; см., например: Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М.: Университетская тип., 1863. Т. 2. С. 351–360; *Порфирьев И.Я.* Апокрифические молитвы по рукописям Соловецкой библиотеки // Труды Четвертого археологического съезда. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. Т. 2. 3-я паг. С. 1–24; *Соколов М.И.* Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Древности: Тр. Слав. комиссии имп. Моск. археол. о-ва. 1895. Т. 1. С. 134–202; *Алмазов А.И.* К истории молитв на разные случаи (Заметки и памятники). Одесса: «Экономическая» тип., 1896. 53 с.; *Алмазов А.И.* Врачевальные молитвы: К материалам и исследованиям по истории рукописного Требника. Одесса: «Экономическая» тип., 1900. 148 с. (репр. изд.: М., 2012); *Алмазов А.И.* Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры (К истории византийской отреченной письменности). Одесса: «Экономическая» тип., 1901. 120 с.; *Яцимирский А.И.* К истории ложных молитв в южнославянской письменности // Изв. Отд-ния рус. языка и словесности имп. Академии наук. 1913. Т. 18. № 3. С. 1–102; Т. 18. № 4. С. 16–126; *Прилуцкий В.Д.* Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и первой половине XVII в. Киев: Тип. акц. о-ва «Петр Барский в Киеве», 1912. 376 с. (репр. изд.: М., 2000).

Заговоры в составе гипертекстовых структур

Комментатор имеет дело, с одной стороны, с единичными заговорами, а с другой – с теми гипертекстовыми единствами, в которые включены отдельные заговоры⁵. В случае с устными заговорами это, во-первых, другие заговоры, которые входят в репертуар данного исполнителя или локальной традиции, а во-вторых, ритуальная обстановка, в которой исполняется заговор. В случае же с рукописными заговорами комментатор рассматривает текст в составе определенной рукописи и в контексте тех знаний о ее составителе и ее содержании, которые он извлекает из самой рукописи и сопутствующих материалов. Такие сведения целесообразно включать в преамбулу к публикации текстов либо в преамбулу к затекстовым комментариям.

При публикации изустных заговоров объем гипертекстового единства, в составе которого читателям предлагаются тексты, отчасти задается самой традицией, а отчасти регулируется собирателями и публикаторами. В зависимости от количества имеющихся текстов публикуются заговоры из репертуара одного или нескольких исполнителей, одной или нескольких локальных традиций, одного или нескольких регионов. Публикатор рукописных заговоров исходит из содержания и объема конкретной рукописи, и его вмешательство в отбор текстов и организацию их последовательности в основном ограничено параметрами самой рукописи.

В сводных изданиях заговоров начиная со сборников Л.Н. Майкова и П.С. Ефименко преобладают изустные тексты, хотя встречаются и рукописные; заговоры обычно группируются на основе функционального принципа⁶. Тексты, записанные от определенного исполнителя или заимствованные из одной рукописи, при этом «рассыпаются» по разным разделам.

В изданиях рукописных заговоров начиная со сборника Н.Н. Виноградова тексты обычно приводятся «по рукописям»⁷ (ОЧР; РЗРИ). Полностью публикуются такие рукописи, которые

⁵ О понятии гипертекстовых единств в фольклористике см.: [Диано-ва 2002].

⁶ *Майков Л.Н.* Великорусские заклинания. СПб.: Тип. Майкова, 1869. 164 с.; *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1878. Ч. 2. С. 139–222 (Тр. Этногр. отд. имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те; т. 30; кн. 5; вып. 2)

⁷ *Виноградов Н.Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям). СПб.: Тип. М-ва путей сообщ.: Т-во И.Н. Кушнерев и К^о, 1908–1910. Вып. 1–3.

целиком посвящены заговорам, а выборочно – такие, в которых наряду с заговорами встречаются тексты других жанров, и такие, основное содержание которых составляют тексты других жанров, однако встречаются и единичные заговоры.

В некоторых заговорных рукописях отсутствует членение на тексты. Если в рукописи тексты не пронумерованы и не озаглавлены, а границы между ними не обозначены тем или иным способом, то публикатор может ориентироваться на типовые формулы, с помощью которых маркируются начало и конец заговора. Однако при этом не всегда ясно, как отличить контаминацию двух заговоров от случая, когда один из них просто записан вслед за другим.

В рукописях с пастушескими и воинскими заговорами граница между разными частями текста также может отсутствовать. И воинские заговоры, и пастушеские «отпуска» представляют собой определенные гипертекстовые единства; искусственно изымать из них тексты или менять порядок их следования нецелесообразно. В то же время допустимо делить текст на абзацы и вводить дополнительно нумерацию в угловых скобках. Такие рукописи желательно публиковать целиком, а при составлении комментариев учитывать существующую типологию пастушеских «отпусков» (см.: [Бобров, Финченко 1986; Ильина, Ипполитова 2009]) и многочисленные публикации воинских заговоров, типология которых еще нуждается в разработке.

Заговоры от лихорадки с сюжетом «Сисиниевой легенды» в рукописях XVII–XVIII вв. могли включаться в состав специального чинопоследования наряду с текстами «Похвалы Кресту» и заклинаниями трясавицы. Эти тексты, следующие друг за другом (правда, в разной последовательности), также желательно публиковать единым блоком с разбивкой на абзацы (СЛФРТ, с. 562–566).

Публикация той или иной записи, помимо самого текста заговора, может включать описание определенных ритуальных действий. Издатели обращаются с такими инструкциями по-разному: одни просто публикуют их наряду с текстами заговоров, другие сокращают или вовсе игнорируют. В последнем случае заговоры, по существу, превращаются в литературные произведения, так как утрачивается их связь с обрядовым контекстом. Впрочем, в случаях, например, с заговорами от кровотечения или от ячменя восстановить мысленно такой контекст не так уж и сложно.

Типы магических рукописей

Широкий круг магических текстов обнаружен исследователями в составе судебно-следственных материалов XVII–XVIII вв. (см. публикации О.Д. Журавель (Горелкиной), А.С. Лаврова, Т.В. Михайловой, Н.Н. Покровского, Е.Б. Смилянской). В некоторых следственных материалах имеются оригиналы магических рукописей, в других – копии таких рукописей или выписки из них, в третьих – записи устных заговоров, зафиксированные в ходе допросов. Сохранились и своеобразные «библиотечки» магических текстов, включающие целые собрания столбцов с записями заговоров и гадательных текстов (РЗРИ, с. 331–342). Имеются также перечни заговоров, входивших в состав таких «библиотечек», хотя сами рукописи по окончании следствия обычно уничтожались (см.: [Смилянская 2003, с. 72]).

В русской традиции, рассмотренной за период с XVII в. до нашего времени, мы можем выделить три группы рукописей в зависимости от того, кто их составлял и какие задачи при этом решались:

- 1) *рукописи, созданные самими носителями традиции* для использования заговоров в магических практиках;
- 2) *рукописи, составленные любителями-краеведами* для себя или для последующей передачи в архив и публикации;
- 3) *рукописные материалы участников различных экспедиций*, собранные с целями изучения деревенского фольклора.

В первой группе имеется несколько подгрупп:

- 1) специализированные заговорные рукописи определенного состава, которые использовались профессионалами (пастухами, военнoслужашими, пчеловодами), обладали определенным внутренним единством и были подчинены общему целеполаганию. Например, пастушеские «отпуски» и сборнички заговоров от вражеского оружия имели характер оберегов, рассматривались как письменные амулеты и должны были защитить солдат на войне и стадо во время выпаса;
- 2) заговорные рукописи смешанного состава, в которых имеются заговоры разного функционального назначения. Наиболее ярким примером такой рукописи является Олонецкий сборник – своеобразная энциклопедия русской магической традиции XVII в. (РЗРИ, с. 37–310);
- 3) рукописи, соединяющие в себе черты первой и второй группы, то есть специализированных рукописей и заговорных рукописей смешанного состава. К ним можно отнести Великоустюжский сборник XVII в., в котором большинство текстов составляют обереги от вражеского оружия, однако имеется и подборка свадебных оберегов (ОЧР, с. 177–224);

4) рукописи смешанного состава, в которых, наряду с заговорами, представлены и тексты других жанров (например, апокрифические тексты «Сказание о двенадцати пятницах» и «Лист Иерусалимский», неканонические «Молитва Архангелу Михаилу», «Молитва священномученика Киприана» и др.). В качестве примера можно привести сборник из библиотеки Казанского университета, опубликованный Е.Б. Смилянкой (ОЧР, с. 297–364);

5) рукописные лечебники, в которых заговоры даются вперемешку с медицинскими и хозяйственными рекомендациями (см. лечебник XVII в., опубликованный М.Ю. Лахтиным⁸).

Причины массового переписывания магических текстов и их широкого распространения во многом объясняются социальными условиями их функционирования. Так, например, по материалам XIX – начала XX в., на Русском Севере пастух должен был иметь «отпуск», чтобы нормально пасти скот, получать за работу более высокую плату, восприниматься сельским сообществом как «знающий» человек. «Отпуск» давал объяснительную модель, которая позволяла пастуху найти выход из критических ситуаций, например в случае пропажи домашнего скота (см.: [Мороз 2001; Мороз 2003]).

Многие магические рукописи (охотничьи, пастушеские, воинские, социальной направленности и др.) функционировали параллельно в двух регистрах – как рукописные амулеты и как тексты, которые следовало читать, чтобы придать им действенность. Использовать список в качестве амулета мог и грамотный человек, и неграмотный, однако грамотный мог еще дополнительно и прочесть его. Например, в заговорах от вражеского оружия, как правило, говорится, что носить их нужно, зашив в одежде, в месте чистом. Сюжет «Сна Богородицы» воплощался и в виде апокрифической статьи, и в виде духовного стиха, и в виде заговора; тексты завершались перечислением тех благ, которые давало переписывание и хранение этого текста, и тех несчастий, от которых оно могло предостеречь [Топорков 2023].

С магическими целями использовали не только тетрадки, но и отдельные листы, на которых, например, записывали заговоры от лихорадки или «Сон Богородицы», чтобы носить их в ладанке вместе с нателным крестиком или хранить в другом месте. Эти же тексты могли включаться в рукописные собрания заговоров. Список заговора, который должен был сделать нечувствительным к пыткам, человек прятал в свою обувь, а рукописный заговор на власть вшивал в шапку, отправляясь на суд или к начальству (ОЧР, с. 100–101).

⁸ *Лахтин М.Ю.* Старинные памятники медицинской письменности. М.: Печ. А. Снегиревой, 1912. 229 с. (Зап. Моск. археол. ин-та; т. 17)

О магическом использовании одиночных записей мы узнаем по большей части из лечебников. Например, загадочные слова или буквы под титлами писали на хлебе, яблоке, просфоре, которые потом следовало съесть; писали кровью на лбу, чтобы остановить кровь. Бумагу с магическими записями сжигали, пепел разводили в воде и выпивали [Топорков 2005, с. 309–311].

Большинство сохранившихся рукописей первой группы относятся к XVII–XVIII вв., хотя некоторые из них функционировали и позднее, в XIX–XX вв. и даже в наше время.

Ко второй группе мы относим рукописи, составленные в основном краеведами для себя, для передачи в архив, в какое-нибудь научное общество или какому-нибудь ученому-собирателю для последующей публикации. Появление таких рукописей связано с пробуждением фольклорных интересов в обществе в 1830–1840-е гг. и с деятельностью Русского географического общества, основанного в 1845 г. Среди корреспондентов РГО и других научных обществ преобладали любители-энтузиасты из местной интеллигенции: врачи, священники, учителя, мелкие чиновники. Круг их профессиональных занятий накладывал отпечаток на их коллекции. Например, в рукописях, составленных священниками, обычно много молитв, в записях врачей преобладают лечебные средства и т. д. Эти материалы характеризуют в основном устный репертуар сельской традиции, хотя собиратели-краеведы не только записывали тексты изустно, но и выписывали их из «заветных тетрадок», хранившихся у местных жителей.

После революции, гражданской войны, коллективизации, раскулачивания и дела краеведов количество энтузиастов, готовых записывать заговоры у своих земляков, значительно уменьшилось. Рукописи, относящиеся ко второй группе, датируются главным образом периодом с середины XIX в. до 1917 г., хотя отдельные коллекции возникли и позднее.

Третью группу составляют рукописные материалы, которые создавались и продолжают создаваться профессиональными учеными или студентами в ходе фольклорных экспедиций. Это могут быть не только тетрадки, но и карточки, листы, исписанные от руки, напечатанные на машинке или распечатанные с электронного набора. Если рукописи, отнесенные нами ко второй группе, составляли любители-краеведы, которые сами жили и работали в сельской местности или в небольших городах и постоянно общались с местными жителями, то рукописные материалы третьей группы создавали в основном фольклористы и диалектологи, которые целенаправленно приезжали в сельскую местность на небольшое время. Хронологически рукописи третьей группы относятся в основном к периоду 1900–1930-х гг. и далее с 1950-х гг. по настоящее время.

Несмотря на исторические катаклизмы, в сельской местности рукописная традиция продолжала функционировать и в советский, и в постсоветский период, особенно среди старообрядцев. В настоящее время хорошие результаты дают совместные экспедиции археографов и фольклористов. Рукописи с записями магических текстов могут найтись в разных местах: в домах у местных жителей, в краеведческом музее, школьном музее, доме культуры, местной библиотеке. Это могут быть старинные рукописи, сохранившиеся у их владельцев или переданные ими в местные музеи или дома культуры, «заветные» тетрадки, хозяйственные (домовые) книги с вписанными в них заговорами и молитвами, творческие работы школьников и их фольклорные записи. Представители местной интеллигенции (прежде всего учителя – словесники и историки) подчас собирают свои собственные библиотеки рукописной и печатной магической литературы. Подобные рукописи и издания также заслуживают внимания и могут отчасти объяснить происхождение фольклорного репертуара (см.: [Фадеева 1995; Дианова, Ковпик, Чеканова 2002; Дианова 2004]).

Приведем интересные наблюдения В.А. Москвиной, которой удалось выявить в Западной Сибири «следующие типы письменных заговоров: во-первых, заговоры, бытующие исключительно в письменной форме (абракадабры, молитвы-амулеты и т. п.); во-вторых, христианские книжные тексты (канонические и апокрифические), используемые в качестве заговоров; в-третьих, собственно письменные заговоры, которые испытали на себе сильное влияние религиозной книжности и церковнославянского языка, и магический эффект от которых ожидается в результате чтения вслух, исполнения по памяти или хранения их определенным образом; в-четвертых, устные заговоры, при передаче или хранении которых допускается письменная фиксация (одним из способов употребления которых может быть записывание)» [Москвина 2003, с. 78].

*Структура комментария к отдельным текстам:
обязательная часть*

Научный аппарат книги, в которой публикуются фольклорные материалы, включает обычно вступительную статью, корпус текстов, комментарии и различные указатели и приложения. В случае если собрание заговоров занимает только часть издания, этой публикации может быть предпослана преамбула, а в некоторых изданиях имеется и вторая преамбула непосредственно

перед комментариями. При публикации рукописных текстов в преамбуле дается описание рукописи согласно действующим правилам.

В тех случаях, когда заговоры издаются в рамках определенных академических серий, составители комментариев ориентируются на общие правила, принятые в данных сериях и уже апробированные в предыдущих томах. Например, белорусское издание «Замовы» (Зам.) подготовлено в составе серии «Беларуская народная творчасць» (1992), а издание «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры» (РКОФ) представляет собой 13-й том «Памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1997). В обоих изданиях тексты сгруппированы по функциональному принципу и пронумерованы; в комментариях приводятся «легенды» заговорных текстов, иногда также даются указания на опубликованные и архивные варианты.

Помимо затекстовых комментариев, в изданиях рукописных заговоров используются также подстрочные примечания, в которых указываются описки в рукописи и их исправления публикатором, графические выделения в тексте оригинала, утраты текста в результате механических повреждений рукописи и т. д.

Комментарий к отдельным заговорам включает две части – обязательную и дополнительную, хотя многие издания ограничиваются первой. В случае публикации изустных записей в начале обязательной части приводятся указания на место архивного хранения, а в случае с рукописными текстами описание рукописи обычно дается в преамбуле. К сожалению, среди фольклористов распространена практика давать ссылки типа «Личный архив такого-то», что затрудняет или даже практически исключает последующую верификацию опубликованных данных.

Указание шифра архивного хранения при работе с документами в государственных архивах дает гарантию того, что другой исследователь в будущем сможет найти указанную рукопись и перепроверить опубликованные тексты. К сожалению, с фольклорными архивами все далеко не всегда обстоит так благополучно, и это порождает (и, несомненно, еще породит в будущем) целый ряд проблем.

Например, некоторые фольклорные архивы организованы в виде картотек и не имеют шифров архивного хранения. Как правило, карточки расставляются по населенным пунктам, а внутри – по темам или номерам вопросов в программе, по которой собирались материалы. Существуют и другие способы организации картотек (например, в алфавитном порядке ключевых слов). При публикации материалов обычно указывается год и место записи,

иногда также приводятся сведения об информанте. В принципе, по этим данным впоследствии можно будет найти нужную карточку, хотя на деле она может потеряться или оказаться не на своем месте.

Когда такая картотека переводится в электронную форму хранения, она становится более доступной для пользователей, однако часть информации при этом может быть утрачена. Например, далеко не всегда на основе электронного набора, как, впрочем, и на основе самой картотеки, можно восстановить репертуар определенного исполнителя. Если же сведения об информантах утрачены, то материалы и вовсе становятся анонимными, хотя понятно, что, например, записи от местной знахарки, от учительницы сельской школы или от ребенка из младших классов имеют разную содержательную ценность.

Проблемы организации фольклорного архива во многом обусловлены его мультимедийным характером. В фольклорном архиве могут храниться тетради с полевыми записями, дневники собирателей, рукописи, переданные носителями традиции. Архив включает и компьютерную часть, в которой имеются текстовые файлы, а также фото-, аудио- и видеофайлы. При этом один и тот же текст может быть продублирован в архиве неоднократно (например, в виде записи от руки, электронного набора и записи на диктофоне). Для нормального функционирования такого архива нужна не только традиционная опись материалов, но и система («древо») описей, которая позволит оперативно находить затребованные материалы на разных носителях и соотносить их друг с другом. Оцифрованные текстовые файлы могут быть размещены в Интернете с ограниченным доступом.

В случае если участники экспедиции имеют с собой и диктофоны, и ноутбуки, они могут прямо в экспедиции осуществить электронный набор текстов. В связи с этим некоторые фольклористы стали отказываться от бумажных носителей в пользу электронного набора. Технологически это вполне осуществимо, однако чревато новыми проблемами с точки зрения архивирования этих материалов и их последующего использования.

Сведения о времени и месте исполнения магических текстов

В обязательной части комментария приводятся также сведения о том, кто, где, когда и у кого записал данный текст. Вопрос о том, какие сведения следует сообщать об исполнителях заговоров, заслуживает специального обсуждения.

В случаях с рукописями, сохранившимися в составе судебно-следственных материалов XVII–XVIII вв., ситуация обстоит относительно благополучно: в следственном деле, как правило, имеются сведения о месте проживания и времени деятельности переписчиков и владельцев этих рукописей. Иногда сообщается и о том, где, когда, как и у кого они приобрелись к магии, кто дал им скопировать рукопись или обучил устным заговорам, где, когда и как они использовали эти тексты, кому их передавали и т. д.

Остальные рукописи первой группы по большей части остаются безымянными, а их датировка основывается на комплексе данных: записи писцов, владельцев и пользователей, водяные знаки, тип почерка, сведения о каких-то исторических реалиях в самих текстах и т. п. Значительно чаще имеются сведения о месте и времени приобретения таких рукописей каким-нибудь собирателем и их поступлении в архив. Публикаторы обычно исходят из предположения, что рукопись продолжала использоваться примерно там же, где она была составлена (например, представителями разных поколений одной и той же семьи), однако понятно, что рукопись могла перемещаться между населенными пунктами или даже регионами.

Что касается второй группы рукописей, то время из поступления в архив и место составления обычно известны достаточно точно. Однако сама рукопись могла быть составлена значительно ранее этого времени, так что между фиксацией текстов и отсылкой рукописи в РГО могло пройти несколько десятилетий. Записи могли делаться на протяжении более или менее длительного времени в разных населенных пунктах. Например, рукопись Т.В. Кибальчича составлена по материалам, собранным в Черниговской, Полтавской и Киевской губерниях в период с 1872 по 1880 г. (Научный архив Русского географического общества, р. XLVI, № 22).

В записях середины XIX – начала XX в. личности исполнителя уделялось мало внимания. В большинстве случаев мы знаем имена собирателей фольклора, но почти ничего не знаем о тех, кто сообщал им свои тексты или передавал рукописные тетрадки. Имеются свидетельства о том, что носители фольклорной традиции опасались делиться своими личными данными с собирателями [Азадовский 2013, с. 539–540, примеч. 594].

В публикациях заговоров 1990–2000-х гг. обычно приводился минимальный набор сведений об исполнителях, однако в самой необходимости сообщать такие сведения, кажется, никто не сомневался. Ситуация осложнилась в последние годы в связи с широким распространением Интернета, технической возможностью вывешивать собранные материалы сразу после их записи и распростра-

нением коммерческих отношений на все сферы жизни, в том числе и на сферу фольклорного творчества.

Пока нет единообразного понимания ряда вопросов: можно ли приводить настоящие имена исполнителей, сведения об их возрасте, виде деятельности, биографические данные? Имеет ли право собиратель публиковать записанные им тексты, не получив на это разрешения от информанта? Если для публикации требуется разрешение, то как оно должно быть оформлено? Имеет ли исполнитель фольклорных текстов авторские права на записанные от него тексты?

Правовое регулирование этих вопросов пока отсутствует, однако очевидно, что при публикации личных данных требуется соблюдать крайнюю осторожность и иметь в виду возможные последствия и для исполнителя, и для самого фольклориста. Реальные проблемы могут возникнуть особенно в тех случаях, когда фольклорист включает в свои исследования рассказы о порче, сглазе, любовных приворотах, отношениях магических специалистов с односельчанами и т. д.

Структура комментария к отдельным текстам: дополнительная часть

Дополнительная часть комментариев, как явствует из самого ее названия, не имеет обязательного характера. Ее объем и содержание существенно варьируются в зависимости от типа издания, профессиональной подготовки публикатора и направленности его интересов. Дополнительная часть призвана восстановить ближайшие контексты заговора, прояснить его «темные места» и приблизить публикуемые тексты к восприятию современного читателя.

Работая над этой частью, комментатор решает следующие задачи:

- идентифицировать текст как заговор или дать иную жанровую характеристику (напомним, что помимо собственно заговоров в публикацию также могут быть включены приговоры, заговоры-обереги, заговоры-молитвы и т. д., а в одних рукописях с заговорами встречаются апокрифические нарративы, народные молитвы и т. д.);
- определить сюжетный тип заговора (если данный тип описан в указателях или специальной литературе) и указать основную литературу вопроса (если она есть);
- привести библиографическую справку о первой публикации текста, если он публикуется повторно;
- проанализировать структуру и формульный состав текста;

- указать на параллели к данному тексту и к отдельным формулам, входящим в его состав, в других текстах данной коллекции и в опубликованных источниках;
- выявить цитаты из Библии, Псалтири, молитвословов, произведений апокрифической книжности (если они есть);
- объяснить лексику и фразеологию, которая может быть непонятна для современного читателя.

В систематическом виде сюжетные типы заговоров представлены в «Материалах к функциональному указателю сюжетов и мотивов» (ВЗМФУ, с. 9–102). Имеются также указатели любовных и социальных заговоров [Топорков 2005, с. 364–400]. Многочисленные статьи посвящены отдельным типам славянских заговоров. Аннотированная библиография публикаций русских, украинских и белорусских заговоров помогает осуществить поиск параллелей и вариантов к публикуемым текстам (ВЗМФУ, с. 127–319).

Наш современник не всегда опознает отсылки к церковной традиции, которые были очевидны для людей XVII–XIX вв. Большой проблемой может стать недостаточное знакомство с Библией, литургикой, частным и общественным богослужением, требником, молитвословом. Опознать библейские мотивы помогает Интернет, однако литургические цитаты часто остаются для комментаторов камнем преткновения.

При копировании заговоров в «заветных тетрадках» переписчики подчас портили текст, не понимая его смысла, допускали ошибки и описки в отдельных словах и выражениях. При публикации подобных заговоров желательно найти аналогичные тексты в опубликованных ранее собраниях и с их помощью откомментировать фрагменты, испорченные малограмотными переписчиками.

Проблемы полевых записей магического фольклора

Если до распада СССР сама магическая традиция и публикации заговоров фактически находились под негласным запретом, то с начала 1990-х гг. вся эта сфера перестала табуироваться и, даже наоборот, приобрела некоторый оттенок сенсационности. Сельские жители перестали бояться сообщать заговоры собирателям, а собиратели получили возможность оперативно публиковать записанные ими в поле или найденные в архивах магические тексты.

Само понимание фольклора эволюционировало в сторону междисциплинарности и большей свободы выбора методов исследования. С одной стороны, фольклористы фиксируют и

изучают не только вербальные тексты, но и ритуалы, в которых задействованы заговоры, магию и ее функции в сельском социуме, поведение магических специалистов и их социальную репутацию, феномены знахарства и колдовства, состояния измененного сознания, с другой – заговоры из несколько маргинальной темы превратились в исследовательское поле, на котором сошлись интересы фольклористов и историков, археографов, исследователей древнерусской литературы, славистов, этнолингвистов, лингвофольклористов, этнографов, культурных (социальных) антропологов, археологов, лингвистов. Например, историки, археографы и исследователи древнерусской литературы привнесли в изучение рукописных заговоров близкие им источниковедческие и текстологические подходы, воссоздали социальное функционирование заговоров в русской культуре XVII–XVIII вв., ввели в научный оборот обширный корпус текстов из судебно-следственных материалов раннего Нового времени; слависты, этнолингвисты и лингвофольклористы рассмотрели заговоры как определенный вид вербальных ритуалов и ритуальной речевой деятельности, исследовали ономастикон заговоров и их сюжетно-мотивный состав; этнографы и культурные (социальные) антропологи выявили связь заговоров со сценариями жизни традиционного человека; археологи и лингвисты обнаружили ряд средневековых граффити, записей на бересте и других носителях, которые интерпретируются как магические тексты, имеющие продолжение в последующей традиции.

Кардинально изменилось техническое оснащение фольклорных экспедиций. В настоящее время большинство собирателей оснащены цифровыми диктофонами и смартфонами с видеорекамерами, что позволяет фиксировать исполнение заговоров в естественной обстановке как составную часть ритуального действия, а впоследствии хранить записи вне зависимости от их объема в неограниченном количестве и при желании использовать в различных презентациях и вывешивать в интернете. Использование аудио- и видеоаппаратуры позволяет зафиксировать исполнение текста, сохранив темп и интонации его произнесения, тембр голоса, жесты и мимику, соматические взаимодействия целителя и пациента, окружающую обстановку, способы обращения с вещами. Тексты заговоров, записанные в процессе исполнения, могут включать многочисленные повторы и быть значительно больше по своему размеру тех, которые известны нам по «бумажным» публикациям.

Особые возможности открываются в тех случаях, когда собиратели общаются с целителем на протяжении длительного времени. Первоначальная настроенность исполнителя постепенно

сменяется доброжелательностью; сомнения в отношении намерений приезжих уступают место доверительному взаимопониманию. В результате перед фольклористом открывается возможность не только записать отдельные тексты, но и зафиксировать полностью репертуар исполнителя, рассказ о его биографии. Значительный интерес представляют повторные записи, поскольку на их основе можно выяснить, каким образом текст сохраняется в памяти целителя, актуализируется в процессе исполнения и изменяется с течением времени.

Данные об исполнителе и его репертуаре могут стать темой специального исследования; они могут быть также включены в преамбулу или в комментарии к публикации. Для автора этой статьи важным опытом стала работа, проделанная с группой студентов в 2006 г. в поселении Андомский погост Вытегорского района Вологодской области. Мы день за днем ходили к местной целительнице, которая любезно согласилась полечить нескольких участниц нашей экспедиции и меня как их руководителя. Сеансы лечения фиксировались на видеокамеру и диктофон. Впоследствии мы еще раз повторили такой сеанс лечения через год.

Благодаря проделанной работе мы записали в процессе исполнения и в естественной обстановке несколько вариантов одного и того же заговора с сопутствующими действиями, установили зависимость между степенью полноты произнесенного текста и конкретной ситуацией, а также множество корреляций между содержанием заговора и системой жестов, которыми сопровождалось его исполнение ([Публичук, Топорков 2012]).

В полевых условиях собиратель в зависимости от того, как он понимает свои задачи, стремится зафиксировать либо текст заговора, либо ритуал, в ходе которого он произносится, либо и то и другое. Соответственно, и публикатор имеет возможность выбирать, публиковать ли ему текст заговора с дополнительными сведениями о его функционировании или давать целиком расшифровку диктофонной записи, в составе которой имеется текст заговора наряду с описанием обрядовых действий. При записи на диктофон рассказ о произнесении заговора может перебиваться сообщениями о действиях исполнителя, реакциях пациента, окружающей обстановке. После расшифровки такой аудиозаписи вычленишь из нее целостный текст заговора бывает довольно сложно. Таким образом, использование звукозаписывающей аппаратуры не только открывает новые возможности, но и порождает определенные проблемы, которые нуждаются в обсуждении.

Некоторые выводы

Использование цифровых технологий открывает новые пути для собирания и архивирования заговоров. Наряду с традиционными бумажными публикациями необходимо развивать практику создания баз данных и электронных библиотек (см.: [Шуефалви 2017]).

Проблема составления комментариев для изданий магического фольклора имеет многоаспектный характер, поскольку речь идет, по существу, о двух традициях бытования текстов – устной и рукописной, причем корпусы текстов, функционирующих в этих традициях, только частично пересекаются друг с другом.

Комментария требуют не только отдельные тексты, но и те гипертекстовые структуры, в которые они включены; очевидно, что эти структуры различаются в устных и рукописных традициях. В первых речь идет о включенности текста в ритуальный контекст, репертуар исполнителя или локальной традиции, во вторых – о рукописях, в составе которых зафиксированы тексты, или о более широком контексте в случаях, когда заговоры дошли до нас в составе судебно-следственных материалов.

Комментарий предполагает характеристику структуры текста и его формульного состава с учетом того, что заговоры различаются не только по параметру «устные /рукописные», но и по наличию или отсутствию сюжета и степени его развитости, уровню книжно-го влияния, характеру ритуального функционирования и т. д.

Наряду с заговорами комментатору приходится иметь дело и с другими текстами: в случае с устной традицией это, например, различные вербальные ритуалы и формы ритуальной речи, которые близки заговорам и фиксируются вместе с ними собирателями; в случае с рукописной традицией – различные апокрифические молитвы и гадательные тексты, которые встречаются в одних рукописях с заговорами.

Современные подходы к фольклорному тексту предполагают не только фиксацию его вербальной составляющей, но и ритуальной обстановки, репертуара исполнителя, его биографии, репутации в глазах односельчан и жителей окружающих деревень и т. д.; все это дает комментатору материалы для рассмотрения заговоров в контексте их функционирования.

Новые технические средства предоставляют фольклористам возможности фиксировать исполнение заговоров с помощью аудио- и видеоаппаратуры в естественной обстановке, с сохранением звучания голоса, жестикуляции, материальной обстановки; в комментарии к таким записям может быть раскрыта их поэтика, мелодические характеристики и т. д. Можно предсказать,

что в скором будущем читатель получит возможность перейти в Интернете по QR-коду, считанному в книге, и познакомиться не только с текстом заговора, но и с аутентичным воспроизведением его исполнения в естественных условиях.

Одна из задач, стоящих перед исследователями и публикаторами заговоров, заключается в том, чтобы разработать определенный стандарт научных изданий, который бы соответствовал академическим требованиям в области текстологии и источниковедения.

Очевидно, что для фольклористов более естественно общаться в экспедиции с живыми хранителями традиции, чем изучать в архивах старинные рукописи. Кроме того, чтение последних требует профессиональных навыков, которыми не все фольклористы владеют. В связи с этим перед гуманитарными факультетами университетов стоит задача подготовки таких специалистов, которые могли бы квалифицированно заниматься и полевой, и археографической, и публикаторской работой.

Сокращения

- ВЗМФУ – Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов: Аннотированная библиография / авт.-сост. Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2014. 320 с.
- Зам. – Замовы / уклад., сістэма тэкстаў, камент. Г.А. Барташэвіч. Мінск: Беларуская навука, 1992. 597 с.
- РКОФ – Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск: Наука, 1997. 600 с.
- ОЧР – Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. 583 с.
- РЗРИ – Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подг. текстов, статьи и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 847 с.
- СЛФРТ – Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / отв. ред. А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. 856 с.
- СДЭС – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.

Литература

- Агапкина 2010 – *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.
- Азадовский 2013 – *Азадовский М.К.* История русской фольклористики: В 2 т. 2-е изд. М.: РГГУ, 2013. Т. 1. 978 с.
- Бобров, Финченко 1986 – *Бобров А.Г., Финченко А.Е.* Рукописный «отпуск» в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII – начало XX в.) // *Русский Север: проблемы этнокультурной истории, этнографии и фольклористики: сборник статей / отв. ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов.* Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1986. С. 135–164.
- Дианова 2002 – *Дианова Т.Е.* Гипертекстовые единства в живой фольклорной традиции // *Актуальные проблемы полевой фольклористики / отв. ред. А.А. Иванова.* М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. С. 68–74.
- Дианова 2004 – *Дианова Т.Б.* Рукописные коллекции фольклорных текстов как составляющая фольклорной традиции / отв. ред. А.А. Иванова // *Актуальные проблемы полевой фольклористики.* М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. Вып. 3. С. 94–105.
- Дианова, Ковпик, Чеканова 2002 – *Дианова Т.Б., Ковпик В.А., Чеканова А.В.* Письменные формы фольклора (предварительная классификация и рекомендации по собиранию) // *Актуальные проблемы полевой фольклористики / отв. ред. А.А. Иванова.* М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. Вып. 1. С. 196–205.
- Захарова 2014 – *Захарова О.В.* Былина в русском тезаурусе: история слова, термина, категории // *Знание. Понимание. Умение.* 2014. № 4. С. 268–275.
- Ильина, Ипполитова 2009 – *Ильина Т.С., Ипполитова А.Б.* Водлозерский пастушеский отпуск конца XVIII в. из экспедиционных материалов Н.Н. Харузина // *Ильинский Водлозерский погост: материалы научной конференции «Водлозерские чтения: Ильинский погост» (6–10 августа 2007 г.) / Нац. парк «Водлозерский»; под ред. А.В. Пигина.* Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 197–245.
- Левкиевская 2002 – *Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег: Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
- Мороз 2001 – *Мороз А.Б.* Севернорусские пастушеские отпуска и магия первого выгона у славян // *Восточнославянский этнолингвистический сборник / отв. ред. А.А. Плотникова.* М.: Индрик, 2001. С. 232–258.
- Мороз 2003 – *Мороз А.Б.* Пастушеская обрядность в восприятии пастуха и крестьянской общины // *Актуальные проблемы полевой фольклористики / отв. ред. А.А. Иванова.* М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. Вып. 2. С. 42–52.

- Москвица 2003 – *Москвица В.А.* Письменная заговорная традиция Западной Сибири // Традиционная культура. 2003. № 1. С. 74–78.
- Публичук, Топорков 2012 – *Публичук Е.В., Топорков А.Л.* «Где-то что-то есть»: знахарка из Андомы о жизни, о вере и об опыте целительства // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е.Б. Смилянкой. М.: Индрик, 2012. С. 235–260.
- Смилянская 2002 – *Смилянская Е.Б.* «Суеверное письмо» в судебносудственных документах XVIII в. // Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. С. 75–98.
- Смилянская 2003 – *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики: Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 463 с.
- Терешкина 2011 – *Терешкина Д.Б.* Заговор и молитва: народное христианство в заговорах новгородской традиции // Новгородика-2010: Вечевой Новгород: Материалы Международной научно-практической конференции / сост. Д.Б. Терешкина. Великий Новгород: Новгородский государственный ун-т им. Ярослава Мудрого, 2011. Ч. 3. С. 131–144.
- Топорков 2005 – *Топорков А.Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX в.: История, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005. 478 с.
- Топорков 2023 – *Топорков А.Л.* «Сон Богородицы» в русских рукописных и фольклорных традициях (XVII – начало XXI в.) // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 2. С. 268–287.
- Фадеева 1995 – *Фадеева Л.В.* Письменная заговорная традиция (проблемы собирания и изучения) // Материалы международной конференции «Фольклор и современность», посвященной памяти проф. Н.И. Савушкиной (20–22 окт. 1994 г.). М.: МГДТДИУ, 1995. С. 38–45.
- Шестеркина 2014 – *Шестеркина Н.В.* Соотношение народной молитвы и заговора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 18 (704). 2014. С. 96–108.
- Ilyefalvi 2017 – *Ilyefalvi E.* Textualization strategies, typological attempts, digital databases: What is the future of the comparative charm scholarship? // *Incantatio. An International Journal on Charms, Charmers and Charming*. 2017. Iss. 6. P. 37–77.

References

- Agapkina, T.A. (2010), *Vostochnoslavjanskije lecebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Syuzhetika i obraz mira* [East Slavic healing spells in comparative light: Plot and image of the world], Indrik, Moscow, Russia.
- Azadovskii, M.K. (2013), *Istoriya russkoi fol'kloristiki* [History of Russian folkloristics], vol. 1, RGGU, Moscow, Russia.
- Bobrov, A.G. and Finchenko, A.E. (1986), "Handwritten 'otpusk' in the shepherd rituals of the Russian North (late 18th – early 20th centuries)", in Bernshtam, T.A. and Chistov, K.V., eds., *Russkii Sever* [Russian North], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 135–164.
- Dianova, T.E. (2002), "Hypertext unities in the living folklore tradition", in Ivanova, A.A., ed., *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki* [Current problems of field folkloristics], Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 68–74.
- Dianova, T.B. (2004), "Handwritten collections of folklore texts as a component of folklore tradition", in Ivanova, A.A., ed., *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki* [Current problems of field folkloristics], iss. 3, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 94–105.
- Dianova, T.B., Kovpik, V.A. and Chekanova, A.V. (2002), "Written forms of folklore (preliminary classification and collection recommendations)", in Ivanova, A.A., ed., *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki* [Current problems of field folkloristics], iss. 1, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 196–205.
- Fadeeva, L.V. (1995) "Written spell tradition (problems of collecting and studying)", *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Fol'klor i sovremenost'"*, *posvyashchennoi pamyati prof. N.I. Savushkinoi (20–22 oktyabrya 1994 goda)* [Proceedings of the international conference "Folklore and Modernity", dedicated to the memory of prof. N.I. Savushkina (20–22 Oct. 1994)], Moscow, Russia, pp. 38–45.
- Il'ina, T.S. and Ippolitova, A.B. (2009), "Vodlozersky shepherd's otpusk at the end of the 18th century from expedition materials of N.N. Kharuzin", in Pigin, A.V., ed., *Il'inskii Vodlozerskii pogost (Materialy nauchnoi konferentsii "Vodlozerskie chteniya" (6–10 avgusta 2007 goda))* [Ilyinsky Vodlozersky Pogost: Proceedings of the scientific conference "Vodlozersky readings" (6–10 Aug. 2007)], Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, Petrozavodsk, Russia, pp. 197–245.
- Ilyefalvi, E. (2017), "Textualization strategies, typological attempts, digital databases: What is the future of the comparative charm scholarship?", *Incantatio. An International Journal on Charms, Charmers and Charming*, iss. 6, pp. 37–77.

- Levkievskaya, E.E. (2002), *Slavyanskii obereg: Semantika i struktura* [Slavic apotropaic: Semantics and structure], Indrik, Moscow, Russia.
- Moroz, A.B. (2001), “Northern Russian pastoral holidays and the magic of the first pasture among the Slavs”, in Plotnikova, A.A., ed., *Vostochnoslavjanskii etnolingvističeskii sbornik* [East Slavic ethnolinguistic collection], Indrik, Moscow, Russia, pp. 232–258.
- Moroz, A.B. (2003), “Pastoral rituals as perceived by the shepherd and the peasant community”, in Ivanova, A.A., ed., *Aktual’nye problemy polevoi fol’kloristiki* [Current problems of field folkloristics], iss. 2, Izdatel’stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 42–52.
- Moskvina, V.A. (2003), “Written spell tradition of Western Siberia”, *Traditional culture*, no. 1, pp. 74–78.
- Publichuk, E.V. and Toporkov, A.L. (2012), “‘Somewhere there is something’: a healer from Andoma about life, about faith and about the experience of healing”, in Smilyanskaya, E.B., ed., *O svoei zemle, svoei vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izučeniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [About your land, your faith, the present and what you have experienced in Russia in the 20th – 21st centuries (to the study of biographical and religious narrative)], Indrik, Moscow, Russia, pp. 235–260.
- Shesterkina, N.V. (2014), “Correlation of a folk prayer and a charm”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta*, vol. 704, no. 18, pp. 96–108.
- Smilyanskaya, E.B. (2002), “‘Superstitious letter’ in judicial and investigative documents of the 18th century”, in Toporkov, A.L. and Turilov, A.A., eds., *Otrečennoe čtenie v Rossii XVII–XVIII vekov* [Forbidden reading in Russia of the 17th – 18th centuries], Indrik, Moscow, Russia, pp. 75–98.
- Smilyanskaya, E.B. (2003), *Volshebnyki. Bogokhuľ’niki. Eretiki: Narodnaya religioznost’ i «dukhovnye prestupleniya» v Rossii XVIII v.* [Magicians, blasphemers, and heretics: Popular religiosity and ‘spiritual crimes’ in 18th century Russia], Indrik, Moscow, Russia.
- Tereshkina, D.B. (2011), “Spell and prayer: folk Christianity in the spells of the Novgorod tradition”, in Tereshkina, D.B., comp., *Novgorodika-2010: Vechevoi Novgorod: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-praktičeskoj konferentsii* [Novgorodika-2010. Vechevoi Novgorod: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference], part 3, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo, Velikii Novgorod, Russia, pp. 131–144.
- Toporkov, A.L. (2005), *Zagovory v russkoj rukopisnoj traditsii XV–XIX v.: Istorija, simbolika, poetika* [Verbal charms in the Russian handwritten tradition of the 15th – 19th centuries: History, symbolism, poetics], Indrik, Moscow, Russia.

- Toporkov, A.L. (2023), “ ‘Dream of the Virgin’ in Russian handwritten and folklore traditions (17th – the beginning of the 21st century)”, *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 2, pp. 268–287.
- Zakharova, O.V. (2014), “The bylina in Russian thesaurus: A history of the word, term and category”, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, vol. 4, pp. 268–275.

Информация об авторе

Андрей Л. Топорков, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а; atoporkov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3106-3819

Information about the author

Andrei L. Toporkov, Dr. of Sci. (Philology), professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 25a, Povarskaya St., Moscow, Russia, 121069; atoporkov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3106-3819

Эмный комментарий к мифологическому рассказу: устная традиция и интернетлор

Ольга Б. Христофорова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, khristoforova-ob@ranepa.ru*

Аннотация. В статье ставится проблема эмного (внутреннего) комментария к фольклорным произведениям как текстопорождающей стратегии, продолжающей и трансформирующей сюжет. На материалах фольклора и постфольклора рассматривается, как эмный комментарий «работает» в случае мифологической прозы. Для сравнения взяты устная традиция русских старообрядцев Пермского края и определенный сегмент интернетлора – публикации в группах, посвященных «мистическим историям». Содержательный комментарий к мифологическим рассказам в обоих случаях представляет собой новый текст – сюжетный нарратив (быличку), несюжетное объяснение (поверье) или инструкцию (как надо/не надо было поступать). Предложение в ответ сюжетного нарратива имеет тенденцию к превращению в быличковый агон. В устной традиции такие агоны циклизуются вокруг мифологических персонажей, мотивов, реальных локусов и лиц. В случае интернетлора возможна циклизация по персонажам, мотивам либо же по общей теме «мистический случай». При этом комментарии к мифологическим рассказам в Интернете более разнообразны, чем в устном бытовании. Кроме общих типов комментариев – ответных нарративов, поверий, инструкций, уточняющих вопросов и эмоциональных откликов, в интернетлоре мы находим сомнения в достоверности рассказа, его критику и оценку перформанса.

Ключевые слова: комментарий, мифологический рассказ, фольклор, интернетлор

Дата поступления статьи: 01 ноября 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 10 января 2024 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Христофорова О.Б. Эмный комментарий к мифологическому рассказу: устная традиция и интернетлор // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 109–124. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-109-124

Emic commentary on belief narrative: oral tradition and the internetlore

Olga B. Khristoforova

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia, khristoforova-ob@ranepa.ru*

Abstract. The article discusses the problem of emic (“inner”) commentary on folklore texts as a text-producing strategy that continues and transforms the plot. In the materials of folklore and post-folklore, the author considers how emic commentary “works” in the case of mythological prose. For comparison, we take the oral tradition of Russian Old Believers of the Perm region and a particular segment of the internet lore – publications in communities specializing in “mystical stories”. The substantive commentary on belief narratives in both cases represents a new text – a narrative (a *bylichka*), a non-narrative explanation (a *pover’ie*), or an instruction (how one should/should not act). A story agon usually occurs if a belief narrative is offered in response. In the oral tradition, such agons may cycle around mythological characters, motifs, actual loci and persons. In the case of internet lore, cyclization around characters, motifs, or the general theme of “mystical accident” is possible. At the same time, comments on belief narratives on the Internet exhibit greater diversity compared to those in the oral tradition. In addition to the common types of comments – belief narrative, non-narrative explanation, instruction, clarifying question, and emotional response – in internet lore, one can find doubts about the authenticity of the story, criticism of it, and evaluation of the performance.

Keywords: commentary, belief narrative, folklore, internetlore

Received: November 01, 2023

Approved after reviewing: January 10, 2024

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Khristoforova, O.B. (2024), “Emic commentary on belief narrative: oral tradition and the internetlore”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 109–124, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-109-124

Комментарий, согласно энциклопедическим словарям, представляет собой толкование, разъяснение текста (от лат. *commentarius* ‘заметки, толкование’). В комментарии можно выделить содержательную сторону (уточнение, добавление информации, прояснение позиции автора текста и т. д.) и оценочную (согласие или несогласие с ней, которое также может быть выражено через сообщение информации, либо оценка самого исполнения).

С другой стороны, когда мы проблематизируем этот термин, то обнаруживаем у него широкое поле значений, требующее уточнений и оговорок. В частности, чем комментарий является по отношению к фольклорному тексту – дополнением, оценкой, чем-то еще? Что он делает с текстом – изменяет его или нет? Является ли он сам самостоятельным текстом? Вопросы можно множить. Подчеркну, что в данном случае я говорю о комментировании внутри традиции (эмном), а не о внешнем исследовательском комментарии – который, впрочем, столь же важен для восприятия текста, т. е. для его трансформации.

После работ Барта и Фуко, стало, кажется, общим местом, что каждый комментатор (и каждый читатель) меняет изначальный текст, создает новое пространство смыслов. По Барту, текст не принадлежит автору, так как возникает не из его личного опыта, а «соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников», и «вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор <...>, а читатель» [Барт 1989, с. 388, 390]. Смысл текста формируется на пересечении того, что говорит автор и что понимает читатель, и второй – интерпретатор – здесь главный, как и в естественном языке. Причем и сам язык, с точки зрения лингвистов, представляет собой коммуникативную систему-комментарий к событиям окружающего мира, действиям и словам других, собственным поступкам, соматическим и эмоциональным состояниям: слова – это ярлыки для вещей, предложения – ярлыки для ситуаций, стремление комментировать и интерпретировать – явные «страсти» человека, успешность коммуникации определяется уместностью комментариев [Бурлак 2011, с. 205–208]. По мнению Н.В. Брагинской, высказанному в докладе «Повествование как побочный продукт комментария» на XI Лотмановских чтениях «Комментарий как историко-культурная проблема» (ИВГИ РГГУ, 2003), комментарий не что иное, как порождающий механизм культуры: «Если древний автор пишет для ученика комментарий к своей картине, из этого рождается жанр экфрасиса. Если древний актер действует только с помощью жестов, а словесное общение с аудиторией возложено на главу труппы, в прошлом жреца, то здесь рождается то, что через много столетий превратится в литературную критику. Сама античная философия возникла во многом как комментарий к Орфею или Гомеру. Комментарий в традиционных культурах создает новый культурный фон» [Мильчина 2004, с. 121–133], см. также [Брагинская 2009, с. 19–66].

Итак, если даже письменность и издательское дело не гарантируют тексту стабильности и неизменности, если он создается заново при каждом новом прочтении, то тем паче нельзя гаран-

тировать это тексту устной традиции, по определению нестабильному, изменчивому, варьирующему. И если первичная моделирующая система – это система-комментарий, то вторичные, очевидно, следуют за ней; во всяком случае, это несомненно так в отношении фольклора. Рассказ о чудесах – это комментарий к христианской легенде («материнские» и «дочерние» тексты, по К.В. Чистову), быличка – к событию, показавшемуся странным, поговорка – к социальной ситуации («знак ситуации», по Г.И. Пермякову), запреты и предписания – к поведению человека, приметы – к состоянию окружающего мира, а личная песня – к жизненным обстоятельствам и настроению исполнителя.

Следовательно, вопрос «возможен ли эмный комментарий к фольклорному тексту?» может быть переформулирован следующим образом: если устная традиция – в целом комментарий, то как она «работает»? Чем являются отдельные комментарии, как их можно определить, классифицировать?

По-видимому, это зависит от следующих основных факторов:

1) фольклорного жанра, к которому относится / с которым связан комментарий;

2) «встроенности» комментария в текст (клишированность/разовость комментария в связи с исполнением определенного текста);

3) адресанта и адресата комментария (кто комментатор – исполнитель или слушатель? кому он адресует свое высказывание?);

4) содержательный он и/или оценочный, если оценивается – что именно, содержание или исполнение?

Так, в случае сказки комментарии исполнителя – это и особые формулы в самом тексте, делающие «видимым» «внутреннего» рассказчика, находящегося в сказочном пространстве, и разовые высказывания, принадлежащие рассказчику «внешнему» – пояснения элементов сказки, которые могут быть непонятны слушателям, отсылка к внетекстовым ситуациям и фактам, сравнение с ними сказочных событий, наконец, сетования на плохую память и разные жизненные обстоятельства. Комментарии слушателей сказки – это эмоциональные реакции, вопросы, но главным образом оценка исполнения («складно баешь»; «у нас не так сказывали»). В эпосе (а также в архаической сказке) роль комментатора может принадлежать особому персонажу, чьими «глазами» слушатели «видят» происходящее – например, это ненецкие *вада-сюд-бабц* ('слово-песня') и *лаханако* 'сказка', энецкое *дѐре* 'речь', нгансанское *нгала* 'слово' [Новик 2019, с. 311–313].

В случае обрядовых текстов комментарии могут представлять собой пояснения, как правильно проводить ритуал – полные

(представляющие собой особые «фольклорные инструкции») или краткие (соотносимые с предписаниями и запретами как малыми формами фольклора), либо рассказы о том, к каким последствиям привело неисполнение или неверное выполнение обряда (жанр мифологического рассказа, или былички). В обоих случаях перед нами – отдельные вербальные тексты (разной степени подробности и аутентичности) по поводу ритуального текста.

В целом, комментирование нередко оказывается текстопорождающей стратегией – продолжающей и трансформирующей сюжет и даже создающей новый (как, в частности, показали в своих работах К.В. Чистов – говоря об «основных» легендах и «дочерних» текстах [Чистов 1967], С.Ю. Неклюдов – анализируя исторические предания [Неклюдов 2016]). Особенно это касается, на наш взгляд, мифологической прозы: комментарии в данном случае относятся главным образом не к оценке качества перформанса (хотя оно также имеет значение, ср. хотя бы эмоциональные реакции при рассказывании быличек), но к содержанию – это могут быть и уточняющие вопросы, ответы на которые развивают сюжет, и, наоборот, ответы слушателей на поставленный рассказчиком «основной вопрос» былички: «Что это было?» (см. об этой ключевой особенности мифологического рассказа [Левкиевская 2006, с. 176]). Наконец, комментарием к быличке вполне можно считать рассказ о похожем мистическом опыте – так комментирование может превратиться в быличковый агон [Левкиевская 2006, с. 174].

Далее мы рассмотрим, как эмный комментарий «работает» в случае мифологической прозы на материалах традиционного фольклора и постфольклора. Для сравнения будут взяты, во-первых, устная традиция русских старообрядцев-беспоповцев Верхотурья и, во-вторых, определенный сегмент интернетлора – публикации в группах, посвященных «мистическим историям». Фокус сравнения – общность жанра (мифологический рассказ) и естественная ситуация коммуникации, предполагающая комментарии участников сообщества на такие рассказы. Другие параметры (среда бытования, круг участников, степень включенности исследователя) в данном случае оставлены в стороне.

Проанализируем в оптике комментария речевые высказывания во время старообрядческого моления.

В 2011 г. на «летнюю Казанскую» (празднование Казанской иконе Богородицы 21 июля) деминский собор пос. Северный Коммунар Сивинского района Пермского края молился у Ульяны Васильевны. Во время моления хозяйка дома, читая и творя поклоны, периодически растирала себе левый бок. Во время перерыва, когда все присели отдохнуть, она продолжала растирать слева под грудью. По этому поводу состоялась следующая беседа.

Соб. (к У.В.С., сочувственно): Сердце болит?

Е.А.Ч. (духовница): Под сердцем болит. Нечистый. Да. Не дает молиться-то.

У.В.С. (шоркая бок): Ой...

Соб.: Это вот...

Е.А.Ч.: По-нашему – пошибка. По-простому. А погляди, сколько там на юге-то, там, в Евангелии-то... Сколько он выганивал их – легион! Парня-то, уж так они его извели, что он никуда ничё, голый был, в гробе только жил, не понимал ничё. Цепями его – он чисто всё <рвал>... А Иисус Христос ходил, увидел его, бесы-те: «Ой! – заревели – Не мучай нас преждевременно, не мучай, не мучай нас преждевременно! Не повели... Не отправь в ад, а повели нам в свиной зайти». Две тысячи с чем-то свиной-те были, пас стадо-то. А они все, бесы-те, тожно вышли из парня-то, все в стадо-то свиное, а тожно свиной-те чисто все в воду, в море... Ой...

Соб.: Что ж получается, и по две пошибки могут быть в одном человеке?

Е.А.Ч.: Чё, и семь ишо были в Марье Египетской! Нет, в Магдалыне. Семь были. Выгнал Сын Божий. Где два, где три. А вот из человека-то выганиват пошибку-ту, он в Евангелии-то говорит-от: «Чё, выгонят меня дак. Я полетаю, полетаю, везде полетаю, полетаю, нигде не найду место-то... Где у человека-то дом пометенный, все сделано, прибрано – я в него полезу, да еще семь с собой приведу. Ишо семь, да ишо злее меня, как сказать. Он тожно страдать пуще будет». Вот почему-то на юге-то больше. А дак чё, у нас далёко ходить не надо. Была у старушки в Лискино пошибка-то, разговаривала: «Э, нас... Черномазию-ту читают, читают, нас мальчиков-девочек наделают, потом в листы-те положат, брызгают-брызгают. Мы на сороковой день оживем, сорок штук враз. Выпустят нас колдуны-те на улицу-ту. Мы летам-летам, летам-летам, летам-летам, да в кого надо, в того и полезем. Кому в ухо, кому как. Феклистика-то лискинская, она постоянно Богу молилась, дак она: «Я в ухо ей полезла!»

Е.П.М.: А мне Татьяна Николаевна, покоенка, говорила, у нее пошибка. Про Афоню: «Он тебя бережет для себя, для себя», – говорит. То и не пускал мне пошибку. У Кати-то Григорьевны, у нее всё: «Ой ты, ой ты». Он насадил многим! Ой, Господи! Меня миловал он.

У.В.С.: Когда умирает человек, она в кого-то опять залезает.

Е.П.М.: Да.

Е.А.Ч.: (к У.В.С.): Евстигней-то Ефремович донимал, ты не помнишь, наверное, Минеевны-те были у Иванков – Миниха, эта... Федосья, Дарья, Пелагия...

У.В.С.: Не помню. Я только Федосью Ивановну помню.

Е.А.Ч.: Не, эти Минеевишны были. Федосью-ту мы провожали, у Габят она жила. А Евстигней Ефремович, пошибка-то говорящая, он

донимать ее любил, она: «Хозяюшку задавлю, задавлю, задавлю». – «А куды пойдешь?» – «Пойду на ричку, сяду на вичку, какая девочка молоденька пойдет, перематкаться, я в ее и полезу».

У.В.С.: Вот и всё... Господи, Боже...

Е.П.М.: Ну, все, давайте начнем.

Е.А.Ч.: Давайте. Басни у меня до утра хватит. До утра, до вечеру...¹

Вся эта краткая (длительностью ровно 3 минуты), но емкая беседа представляет собой цепочку комментариев. Первая реплика – мой вопрос одной из молельщиков исключительно с целью выразить сочувствие и, в зависимости от ответа, предложить помощь. Однако ответ предлагает другая участница моления, точнее, его руководительница – Евдокия Александровна, духовница, безусловный религиозный авторитет для всех присутствующих, в том числе в области духовного понимания повседневных событий. Она комментирует жест Ульяны Васильевны (и, соответственно, ее состояние) с религиозной точки зрения: болезненные ощущения вызывает нечистый дух, реагирующий так на молитвы. Адресатом высказывания духовницы выступают не столько ее товарки, для которых в данной интерпретации явно нет новизны, сколько исследователи – три девушки. Далее Евдокия Александровна комментирует свой тезис пересказом истории о гадаринском бесноватом по Евангелию от Луки (Лк 8: 26–39, ср.: Мк 5: 1–19, Мф 8: 28–34), тем самым подкрепляя свое понимание происходящего авторитетом Священного Писания. Адресаты здесь те же, прагматика высказывания – проповедь. В ответ на уточняющий вопрос «чужого» снова идет отсылка к евангельским рассказам – об изгнании семи бесов из Марии Магдалины (Лк 8: 2, Мк 16: 9) и о человеке, из которого изгнали нечистого духа, но который не принял Христа, оставил свою душу пустой, и нечистый дух вселился в него снова, да еще и с товарищами (Лк 11: 24–26, Мф 12: 43–45). Проповедь с опорой на Священное Писание продолжается далее отсылкой к местной мифологии. Рассказ о говорящей пошибке в д. Лискино – это комментарий духовницы к евангельским сюжетам о бесах, подверстывание под их нарративные схемы местной мифологической традиции и вместе с тем расширение с помощью последней христианского демонологического поля. Этот риторический ход включает в число адресатов всех присутствующих: кроме Евдокии Александровны и Ульяны Васильевны молились еще две соборные – Анна Еремеевна и Ефросинья Петровна – и присутствовала «по-мирски» еще одна женщина. Отсылка к верхокамским историям о пошибке призвана прибли-

¹ Полевые материалы хранятся в архиве автора.

зять евангельский хронотоп ко времени и пространству местных жительниц (или их самих к содержанию Священного Писания). Именно для них упоминается и название деревни, и имя старушки с пошибкой.

Такая локализация дает интересный эффект: на упоминание местных реалий отзывается Ефросинья Петровна, комментируя проповедь духовницы историей из собственной жизни. Завладев словом «пошибка» как штурвалом, она разворачивает беседу от прзелитического пафоса Евдокии Александровны к быличковому агону. Адресаты ее слов – уже не приезжие исследователи, но присутствовавшие «свои»: только они знают упомянутых Ефросиньей Петровной людей, а сама история касается лично ее и лишена какой-либо морали. Ульяна Васильевна попыталась, как кажется, «спасти» коммуникативную ситуацию и вернуть вектор беседы. Она комментирует нарратив товарки с помощью жанра «поверье» («как бывает»), тем самым останавливая обмен быличками и явно адресуясь к исследователям; само ее включение в беседу происходит потому, что на шаг выше случилась смена адресата. Однако Евдокия Александровна сама включается в дискурс локальных сплетен: обращаясь в этот раз исключительно к «своим», она называет нескольких местных жителей, и от этого перечисления переходит к быличке о пошибке с морализаторским оттенком (обоснование запрета на матерную брань), предназначенной уже, скорее, приезжим². Тем самым духовница возвращает себе власть над дискурсом, а сам дискурс переводит из обмена личными историями и местными сплетнями опять в жанр проповеди. Ульяна Васильевна подтверждает мораль, а Ефросинья Петровна предлагает заканчивать разговоры. Евдокия Александровна принимает предложение и объявляет о возобновлении моления.

В этом примере мы видим несколько уровней последовательного комментирования, переводящего беседу из одного дискурса в другой и создающего новые тексты: жест – попытка его медицинской интерпретации – духовная интерпретация – проповедь

² Любопытно, что переходом для нее послужил не сам мифологический персонаж, вокруг которого циклизуется агон (в данном случае так и не развернувшийся), а, скорее, местный контекст мифологических сюжетов – где, с кем, когда, при каких обстоятельствах произошел тот или иной случай. В беседах с исследователями Евдокия Александровна обычно опускала в своих рассказах привязку к местной конкретике – имена и топонимы. Это заставляет задуматься, как устроен агон в «невозмущенной» исследователями (и в целом «чужими») среде, какие элементы в нем могут считаться ключевыми и «движущими». Но это тема отдельного разговора.

с отсылкой к евангельской и затем к местной истории – попытка быличкового агона – возвращение к жанру проповеди. Уместность в данном контексте такого типа комментариев, как проповедь, несомненна: у старообрядцев-беспоповцев в перерывах во время молений и за трапезой после моления было принято, чтобы духовный наставник, начетчик или другие члены собора просвещали и наставляли «мирских» чтением, беседой, пением духовных стихов. Евдокия Александровна, ставшая соборной в детстве и никогда не оставлявшая моление, усвоила эту традицию от «ранешних стариков» и постоянно ее практиковала. Былички как рассказ о демоническом в этом контексте скорее неуместны, однако, как мы видим, упоминание тех или иных людей (предполагаемых колдунов или, напротив, жертв колдовства) или мифологических персонажей (как в данной беседе пошибки) способно послужить триггером и породить тексты этого жанра.

Второй объект нашего интереса – определенный сегмент интернетлора: истории о необычных/мистических происшествиях, отчасти сопоставимые с традиционными быличками по тематике, персонажам, установке на достоверность³. Такие истории бытуют на разных сетевых платформах в письменном виде – как отдельные посты либо как комментарии к ним. В Интернете есть и особые площадки для обмена такими историями (например, группа «Сбой матрицы» в социальной сети Facebook*, отдельные авторские каналы, специализирующиеся на «мистике», на платформе Дзен). Тематика историй о сверхъестественном на подобных сетевых платформах в ее соотношении с традиционной мифологической прозой заслуживает отдельного рассмотрения (кратко отметим лишь редукцию сюжетно-мотивного набора и локальной специфики мифологии, унификацию традиционных представлений – персонажей, толкований, практик, а также появление новых, из разных источников – иных этнокультурных сред, авторского оккультизма, научной фантастики). В данном случае нас интересуют комментарии к исходному посту с «мистической историей» – что они собой представляют?

Для анализа в русскоязычном сегменте Интернета были выбраны авторские блоги, специализирующиеся на «мистике»,

* Является продуктом компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ.

³ Библиография работ по фольклору в Интернете довольно внушительна [Алексеевский 2012], однако мифологическим рассказам «на новой почве» уделялось не так много внимания. Исследователи, хотя и на ином материале, высказывали наблюдение, что коммуникация в Интернете во многом схожа с фольклорной [Радченко 2006; Загидуллина 2015].

на платформе Дзен (с июня 2015 г. по сентябрь 2022 г. – Яндекс. Дзен, ныне принадлежит корпорации VK): «Это было», «Сборник историй», «Страшные сказки», «Что-то не то», «За чашкой кофе», «Паранормальные байки», «Мистическая реальность», «Эффект наблюдателя», «Мир вокруг меня», «Идейный вдохновитель», «Непотопляемый перчик», «Города в огородах» и др.⁴ Эти сетевые ресурсы представляют собой персональные страницы (блог), авторы которых публикуют истории, а их подписчики или случайно зашедшие на страницу сетевые серферы читают их и реагируют. Типы возможных реакций таковы: оценка («лайк» 👍 – «нравится» / «дизлайк» 👎 – «не нравится»), пересылка («поделиться»), подписка на блог («подписаться»), внести публикацию в свой сетевой архив («сохранить»), жалоба администраторам платформы на несоответствующий контент («пожаловаться»), написать комментарий. Комментарии могут быть на исходную публикацию, а также на другие комментарии. Их также можно оценить («нравится»/«не нравится»), а также пожаловаться (если комментарий неуместен, оскорбителен либо представляет собой спам или мошенничество).

Комментарии к «мистическим историям» в Интернете могут быть содержательными (объяснение произошедшего; мнение, как следовало или не следовало поступить герою истории; ответные рассказы о схожем опыте), вопросительными (запрос на уточнение), эмоциональными, оценочными (признание или отрицание достоверности рассказа, оценка качества исполнения)⁵.

Было просмотрено 100 публикаций с длинными цепочками комментариев, расходящимися на отдельные ветки (всего в среднем от 100 до 500 комментариев к исходному тексту). Для примера была выбрана публикация с 361 комментарием,

⁴ Крайне интересная по содержанию и веткам комментариев группа «Сбой матрицы» не стала предметом рассмотрения потому, что в ней существуют премодерация постов (соответственно, тематические ограничения) и строгие правила для комментаторов (соответственно, модерация комментариев).

⁵ Было бы интересно сопоставить эти комментарии с дискуссиями на других тематических площадках в Интернете (обмен кулинарными рецептами, вопросы воспитания детей, межличностных отношений, советы по стилю и др.). Отчасти коммуникативные ситуации могут быть похожими – также возможны ответные рассказы о схожем опыте, инструкции, эмоциональные отклики, запросы на уточнение, отрицание достоверности. В случае литературных блогов также будет оцениваться качество сочинения. Сравнение комментариев к мистическим историям с комментариями к иным по тематике текстам, в том числе нефольклорным, требует отдельного исследования.

из которых 186 были реакцией на исходную историю. Они были распределены следующим образом по частоте встречаемости (см. табл. 1).

Таблица 1

Типы комментариев
к «мистическим историям» в Дзене

1	«Что вы там курите?» (обесценивание, шутка)	36
2	Ответный нарратив (быличка) из опыта комментатора или его родных/знакомых, иногда с характерным вопросом (автору блога и всем читающим): «Что это было?»	34
3	«(Не) надо (было) (с)делать так» (инструкция)	28
4	«Было вот это» (объяснение происшествия в рамках той же картины мира; несюжетный текст – поверье)	22
5	Уточняющий вопрос к исходному тексту, запрос на расширение истории	12
6	«Внешнее» объяснение (рациональное – из научной картины мира, здравого смысла; ортодоксально-религиозное)	10
7	«Жуть!» (эмоциональный отклик)	10
8	«Интересно, пиши еще!» (оценка «исполнения»)	10
9	«Верю» (признание достоверности)	10
10	Критика текста (на иных основаниях, чем следующий пункт)	10
11	«Неинтересно пишешь» (оценка «исполнения»)	4

Статистика, разумеется, будет различаться в отдельных случаях, однако типы комментариев, как кажется, достаточно устойчивы. Таковы же они и в отдельных ветках (комментарии к комментариям). Цифры, как удалось обнаружить, зависят от типа исходного текста. Если он подается как авторский рассказ на мистическую тему либо считывается читателями как «литературный опыт», то будет значительно больше оценок «исполнения» (хорошо/плохо придумано) и меньше ответных быличек. Если исходный текст подается как «рассказ подписчика» (мимикрирует под «рассказ о реальном случае» либо действительно в качестве исходной публикации берется чужая история из комментариев к предыдущему посту автора), то среди комментариев преобладают те, что подтверждают установку на достоверность: эмоциональные отклики, вопросы, объяснения из той же картины мира, инструкции и ответные рассказы. Замечу, что критические

комментарии не к форме, а к содержанию текста (предложение рациональных объяснений, шутки, обесценивание истории) присутствуют в обоих случаях.

Была обнаружена довольно явная закономерность: чем более понятна история и чем лучше она соотносится с «фольклорным фоном» (привычные мифологические персонажи и контекст их появления), тем больше «лайков» и комментариев она получает и тем больше ответных нарративов среди этих комментариев. Отдельная задача – проследить статистику комментариев в зависимости от темы истории в соответствии с персонажными указателями сказочной прозы, пока что отметим, что наибольший отклик, на первый взгляд, получают истории о покойнике (душа умершего в первое время после смерти; ходячий покойник), домовом и лешем. Встречались и такие случаи, когда исходный текст плохо соотносился с традиционными сюжетами и персонажами сказочной прозы, а комментаторы перетолковывали его содержание в духе последних и «выводили» обсуждение на «привычных» покойника и домового.

Вернемся к специфике быличкового агона в интернетлоре. Поскольку в рассмотренных тематических блогах неактуальна локальная специфика, в рассказах опускаются топонимы, имена и другая конкретика. Рассказы циклизуются не вокруг отдельных природных локусов, населенных пунктов или фигур местных жителей, а вокруг тем, мотивов и персонажей. Пополнение «библиотек историй» происходит за счет общих черт «мистического опыта», и наоборот, обмен личными историями приводит к формированию набора таких универсальных черт и к стереотипизации сетевых рассказов о сверхъестественном.

Между тем «цензура коллектива» в сетевом фольклоре отличается своей спецификой. Мифологические рассказы здесь существуют в письменном виде и не подлежат пересказу и переписыванию (по крайней мере, в рамках комментариев к ним). Переход к более привычным темам и персонажам в комментариях можно считать вариантом фольклорного пересказа, стандартизирующего историю, «убирающего» из нее непонятные и непривычные элементы, но в интернетлоре все же мы видим не пересказ, а добавление нового рассказа, так что текст первого остается нетронутым. Второе важное обстоятельство – включаются те механизмы цензуры, которые (почти) не встречаются в традиционном быличковом агоне: сомнение в достоверности чужих историй, их обесценивание, рационализация, в целом – оценочное комментирование с точек зрения, внешних для содержания историй и интенций рассказчиков и читателей (научной, здравого смысла, ортодоксально-религиозной и т. п.).

Вместе с тем сам процесс коммуникации вокруг «мистических историй» в блогосфере Дзена имеет много общего с рассказыванием традиционных быличек: в обоих случаях присутствуют особый когнитивно-эмоциональный настрой, элемент соревновательности, желание поделиться своим опытом в среде тех, кто тоже сталкивался с чем-то подобным, найти объяснение странным происшествиям. Неоднократно встречались примерно такие высказывания: «Я никому не рассказывал об этом, потому что боялся прослыть сумасшедшим, а здесь я вижу единомышленников и не боюсь говорить, к тому же надеюсь услышать объяснение от тех, кто понимает в этом лучше меня».

Следовательно, можно утверждать, что вокруг постов о «мистике» на платформе Дзен (а иногда и в целом вокруг блогов их авторов) возникают виртуальные сообщества, объединенные интересом к историям о необычных и загадочных происшествиях, о сверхъестественном. Эти сообщества можно назвать тематически-эмоциональными, они имеют временный характер, создаются ради комментирования отдельных исходных постов и «пересобираются» заново в каждой ветке комментариев. Составляют ли ядро таких сообществ подписчики блога – сказать трудно, эта информация закрыта для сторонних пользователей, однако в любом случае эти сообщества состоят не из знакомых друг другу людей. Это заметно и по комментариям (мне не встретились персонализированные отношения), и способу самопрезентации – участники сообществ скрываются за никами (сетевыми псевдонимами) и аватарами (фотографиями или, чаще, любыми изображениями). Основная активность внутри этих сообществ – обмен историями о сверхъестественном и соответствующими эмоциями, главный стимул участвовать в этой активности – желание прочесть чужую историю и поделиться своей: узнать, что это было, или же просто без опаски высказаться (в среде единомышленников и к тому же анонимно).

В заключение обозначим основные выводы работы. Содержательный комментарий к мифологической прозе во многих случаях представляет собой новый текст того же или близкого жанра: в ответ на быличку может быть рассказана быличка, сообщено поверье или инструкция. Предложение в ответ сюжетного нарратива имеет тенденцию к превращению в быличковый агон. В устной традиции такие агоны могут циклизироваться вокруг мифологических персонажей, мотивов, реальных локусов и лиц. В случае интернетлора возможна циклизация по персонажам, мотивам либо же по общей теме («мистический случай»). При этом комментарии к мифологическим рассказам в интернете более разнообразны, чем в устном бытовании. Кроме общих типов комментариев –

ответных нарративов, поверий, инструкций, уточняющих вопросов и эмоциональных откликов, в интернетлоре мы находим сомнения в достоверности рассказа, его критику и оценку перформанса.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgments

The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Список информантов

- Е.А.Ч. – Евдокия Александровна Чадова, ж., 1932 г. р., зап. в пос. Северный Коммунар Сивинского района Пермского края О.Б. Христофорова 21.07.2011.
- У.В.С. – Ульяна Васильевна Сабурова, ж., 1924 г. р., зап. в пос. Северный Коммунар Сивинского района Пермского края О.Б. Христофорова 21.07.2011.
- Е.П.М. – Ефросинья Петровна Порошина, ж., 1933 г. р., зап. в пос. Северный Коммунар Сивинского района Пермского края О.Б. Христофорова 21.07.2011.

Литература

- Алексеевский 2012 – *Алексеевский М.Д.* Интернет и фольклор: материалы к библиографии 1996–2011 гг. // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 183–185.
- Барт 1989 – *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
- Брагинская 2009 – *Брагинская Н.В.* Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Культура интерпретации до начала Нового времени / отв. ред. Ю.В. Иванова. М.: Издат. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. С. 19–66.
- Бурлак 2011 – *Бурлак С.А.* Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель: Corpus, 2011. 607 с.
- Загидуллина 2015 – *Загидуллина М.В.* Теория интернет-фольклора: коммуникация фольклорного типа и самоидентификация участников

- крупных форумов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 4. С. 86–96.
- Левкиевская 2006 – *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10: Семантика и прагматика текста / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.
- Мильчина 2004 – *Мильчина В.А.* Комментарий умер? Да здравствует комментарий! (Отчет о XI Лотмановских чтениях «Комментарий как историко-культурная проблема») // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 121–133.
- Неклюдов 2016 – *Неклюдов С.Ю.* Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М.: Индрик, 2016. 550 с.
- Новик 2019 – *Новик Е.С.* Способы засвидетельствования и типы повествователя в архаическом фольклоре народов Сибири // Новик Е.С. Миф и ритуал народов Сибири. М.: РГГУ, 2019. С. 307–329.
- Радченко 2006 – *Радченко Д.А.* Современный кинематографический анекдот в условиях сетевой коммуникации // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов / отв. ред. А.С. Каргин. Т. 3. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2006. С. 307–317.
- Чистов 1967 – *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 339 с.

References

- Alekseevskii, M.D. (2012), “Internet and folklore: Materials to the bibliography 1996–2011”, *Traditsionnaya kul'tura*, vol. 3, pp. 183–185.
- Barthes, R. (1989), “The death of the author”, in Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. poetics], Progress, Moscow, USSR, pp. 384–391.
- Braginskaya, N.V. (2009), “Commentary as a mechanism of innovation in traditional culture and not only”, in Ivanova, Yu.V., ed., *Kul'tura interpretatsii do nachala Novogo vremeni* [The culture of interpretation before the beginning of the Modern Era], Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo Universiteta – Vysshei Shkoly Ekonomiki, Moscow, Russia, pp. 19–66.
- Burlak, S.A. (2011), *Proiskhozhdenie yazyka: Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of language: Facts, studies, hypotheses], Astrel, Corpus, Moscow, Russia.
- Chistov, K.V. (1967), *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the 17th – 19th centuries], Nauka, Moscow, USSR.
- Levkievskaya, E.E. (2006), “Pragmatics of the mythological text”, in Tolstaya, S.M., ed., *Slavyanskii i balkanskii fol'klor, vyp. 10: Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan folklore, vol. 10: Semantics and pragmatics of the text], Indrik, Moscow, Russia, pp. 150–214.

- Milchina, V.A. (2004), “Is commentary dead? Long live commentary! (Report on the XI Lotman Readings ‘Commentary as a historical and cultural problem’)”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 66, pp. 121–133.
- Neklyudov, S.Yu. (2016), *Legenda o Razine: persidskaya knyazhna i drugie syuzhety* [Legend of Razin: Persian princess and other plots], Indrik, Moscow, Russia.
- Novik, E.S. (2019), “Modes of evidentiality and types of narrators in the archaic folklore of peoples of Siberia”, in Novik, E.S., *Mif i ritual narodov Sibiri* [Myth and ritual of the peoples of Siberia], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 307–329.
- Radchenko, D.A. (2006), “Modern cinematographic anecdote in the conditions of network communication”, in Kargin, A.S., ed., *Pervyi Vserossiiskii kongress fol’kloristov: Sbornik dokladov* [First All-Russian Congress of folklorists: Collected papers], vol. 3, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol’klora, Moscow, Russia, pp. 307–317.
- Zagidullina, M.V. (2015), “Theory of Internet folklore: Communication of folklore type and self-identification of participants of large forum”, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 157, no. 4, pp. 86–96.

Информация об авторе

Ольга Б. Христофорова, доктор филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 84; khristoforova-ob@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0001-5041-2335

Information about the author

Olga B. Khristoforova, Dr. of Sci. (Philology), Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; 84, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; khristoforova-ob@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0001-5041-2335

Personalia

УДК 001.32(470)

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-125-147

Библиография научных работ К.Е. Кореповой: к юбилею

Антон Н. Каракулов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Anton-1088@mail.ru*

Дата поступления статьи: 25 декабря 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Каракулов А.Н. Библиография научных работ К.Е. Кореповой: к юбилею // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 125–147. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-125-147

The bibliography of scientific papers by К.Е. Korepova: to the anniversary

Anton N. Karakulov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Anton-1088@mail.ru*

Received: December 25, 2023

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Karakulov, A.N. (2024), "The bibliography of scientific papers by К.Е. Korepova: to the anniversary", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 125–147, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-125-147

© Каракулов А.Н., 2024

19 мая 2024 г. исполняется 90 лет Кларе Евгеньевне Кореповой. К юбилею Клары Евгеньевны мы подготовили библиографию ее научных работ¹.

Библиография позволяет увидеть всю широту научных интересов и всю многогранность научного творчества Клары Евгеньевны, включающего ряд направлений.

¹ При составлении настоящей библиографии были использованы следующие работы: Русский фольклор: библиографический указатель: 1960–1965 / сост. М.Я. Мельц; под ред. А.М. Астаховой, С.П. Луппова. Л.: БАН, 1967. 546 с.; Русский фольклор: библиографический указатель: 1966–1975. Ч. 1 / сост. М.Я. Мельц; под ред. С.Н. Азбелева, С.П. Луппова. Л.: БАН, 1984. 422 с.; Русский фольклор: библиографический указатель: 1966–1975. Ч. 2 / сост. М.Я. Мельц; под ред. С.Н. Азбелева, С.П. Луппова. Л.: БАН, 1985. 388 с.; Русский фольклор: библиографический указатель: 1976–1980 / сост. Т.Г. Иванова; под ред. А.А. Горелова, Н.П. Копаневой. Л.: БАН, 1987. 402 с.; Русский фольклор: библиографический указатель: 1981–1985 / сост. Т.Г. Иванова; под ред. А.А. Горелова, Н.П. Копаневой. Л.: БАН, 1993. 546 с.; Русский фольклор: библиографический указатель: 1991–1995 / сост. Т.Г. Иванова; под ред. Т.Г. Ивановой, М.В. Рейли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 649 с.; *Кузнецова О.А.* Некоторые публикации нижегородских исследователей традиционной культуры (1995–2000) // Традиционная культура. 2001. № 1. С. 111–113; *Храмова Н.Б.* Библиографический список публикаций фольклористов ННГУ им. Н.И. Лобачевского // Традиционная культура. 2005. № 1. С. 100–102; *Шеваренкова Ю.М.* Избранная библиография научных работ К.Е. Кореповой // Традиционная культура. 2009. № 2. С. 134–138; *Коровашко А.В., Курочкина А.А.* Не останавливаясь на достигнутом // Традиционная культура. 2019. № 2. С. 175–178.

Первая научная работа Клары Евгеньевны – дипломная о частушке². Она представляет собой сборник материалов, собранных в двух фольклорных экспедициях в Вологодской области: тексты и вступительные статьи. Кларе Евгеньевне принадлежала глава о частушках. В своей работе она попыталась рассмотреть частушку как жанр, возникший на позднем этапе развития коллективной народной традиции.

Частушке была посвящена и первая опубликованная статья Клары Евгеньевны (1961).

Поступив в 1960 г. в аспирантуру ГГУ им. Н.И. Лобачевского, Клара Евгеньевна занялась изучением нижегородских рабочих и революционных песен. Этой теме посвящена ее кандидатская диссертация, а также ряд научных статей, в которых она так же, как и в случае с частушкой, рассматривала соотношение индивидуального и коллективного начала в этом позднем жанре фольклора (8).

После блестящей защиты кандидатской диссертации (1965) Клара Евгеньевна осталась работать на кафедре русской литературы историко-филологического факультета ГГУ им. Н.И. Лобачевского.

С начала 1970-х гг. Клара Евгеньевна обратилась к изучению истории сюжетов волшебной сказки, сложению в жанре циклов. Она изложила методологические и методические принципы изучения истории жанра в этом аспекте (35), вышли статьи, посвященные сюжетам сказок о чудесном супруге.

Это исследование привело Клару Евгеньевну к мысли о необходимости предварительного текстологического изучения источников, выявления результатов индивидуального творчества в сказке (59, 75).

В русском репертуаре это прежде всего касалось влияния лубочных публикаций. Кларе Евгеньевне пришлось заняться лубочной сказкой, и эта вспомогательная источниковедческая работа на ряд лет стала главной. Завершилась она докторской диссертацией и монографией «Русская лубочная сказка» (1999)³. В ней она снова вернулась к проблеме коллективного и индивидуального на поздних этапах развития коллективной традиции. К истории сюжетов Клара Евгеньевна возвращалась затем лишь sporadически (112, 153, 235).

² Выполнена и защищена в ЛГУ под руководством В.Я. Проппа (в соавторстве с А.Н. Мартыновой): *Подгорная А., Сергеева К.* Песни и частушки Вологодской области (Вытегорского, Андомского и Ковжинского р-нов), 1956.

³ Второе дополненное издание «Русской лубочной сказки» вышло в 2012 г. (157).

С первых лет жизни в Нижнем Новгороде Клара Евгеньевна вела активную полевую работу в области. Ее собирательская работа началась с изучения, сделанного ее предшественниками – нижегородскими краеведами в XIX в., для чего был составлен библиографический указатель (15) совместно с работниками университетской библиотеки.

Научные отчеты об итогах фольклорных экспедиций, обзоры интереснейших материалов (запись былины, подблюдных песен и др.) систематически публиковались Klarой Евгеньевной в журнале «Советская этнография» и других изданиях. Краевой материал, таким образом, сразу вводился в научный оборот.

Обобщением полевой работы Клары Евгеньевны явились статьи об отдельных жанрах в региональной традиции (историческая песня, былинная традиция, балладная традиция) и две фундаментальные монографии об обрядовой традиции («Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья», 2009; «Русская свадьба в Нижегородском Поволжье», 2019). А исследование краевой фольклористики вылилось в ряд статей (Карпов, Пискарев, Мельников-Печерский, материалы Пушкина) и участие в работе над библиографическим словарем «Русские фольклористы» (2016–2020), где ей принадлежит более тридцати словарных статей.

Продолжением полевой работы Клары Евгеньевны была организация фольклорного архива, систематизация материалов в нем. В трудных издательских условиях того времени совместно со своими учениками и работниками университетской библиотеки под эгидой библиотеки и заглавием «Библиографические указатели» она издавала описания материалов архива (27, 28, 29, 30, 43, 44, 45, 46, 47, 66), открывавшие исследователям доступ к архиву⁴.

Исследовательская работа Клары Евгеньевны сочеталась с издательской: в начале 90-х годов ей была издана антология русской волшебной сказки (76)⁵.

В 2000-е гг. ей было подготовлено и издано несколько сборников сказок (114, 122, 137, 140).

В 2007 г. Klarой Евгеньевной совместно со своими учениками был издан сборник материалов нижегородской мифологии (136).

Во второй половине 2000-х гг. под руководством Клары Евгеньевны началась работа над изданием серии сборников локальных

⁴ Продолжением этой серии стало издание указателей «Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского университета» (55, 56, 65, 68, 69, 92).

⁵ Второе издание вышло в 2014 г. под заглавием «Русские волшебные сказки» (162).

нижегородских традиций, в подготовке которых принимали участие ее аспиранты и студенты (158, 159, 160).

А в последние годы Кларой Евгеньевной совместно с работниками районного Шахунского фольклорно-этнографического музея и местным краеведом О.С. Козыревым были изданы две книги материалов из фондов музея по истории края, его традиционной культуре и фольклору (204, 237). А также несколько статей в журналах «Традиционная культура» и «Живая старина» (202, 203, 232, 233).

Также Клара Евгеньевна опубликовала несколько научно-популярных книг (77, 91, 124).

Еще одна область научных интересов и направление деятельности Клары Евгеньевны школьная педагогика. Интерес к ней сформировался в годы ее работы в школах Сахалинской области после окончания университета. В 1990-е гг. Кларой Евгеньевной в соавторстве нижегородским с лингвистом Г.М. Грехневой было издано несколько школьных учебников, в которых значительное место отведено фольклору (79, 80, 85, 86).

В настоящее время Клара Евгеньевна вернулась к теме первых своих научных интересов – частушке. Она готовит к публикации собрание частушек 1920–1930-х гг. учителя И.И. Тимина (7,5 тыс. текстов)⁶, в комментариях-заметках к которому, как она рассказывала нам в личном разговоре, уже на новом уровне возвращается к проблеме специфики частушки как жанра, возникшего на позднем этапе развития коллективного творчества, на стыке фольклора и литературы.

От себя пожелаем Кларе Евгеньевне здоровья, сил и бодрости духа для продолжения активной научной работы. И для того, чтобы она как можно дольше продолжала радовать общением с ней своих родных, друзей, коллег – ученых, а также своих учеников.

Библиография

1. Наблюдения над бытованием частушек в Вытегорском, Андомском и Ковжинском районах Вологодской области // Русская народная поэзия. Горький, 1961. С. 126–130. (Фольклористические записки Горьковского госун-та им. Н.И. Лобачевского; № 1)
2. К вопросу о бытовании революционных гимнов в 1900–1907 гг. (На материале Нижегородской губернии) // Специфика

⁶ Собрание нижегородских частушек 1920–1930-х гг. (коллекция И.И. Тимина) // Живая старина. 2010. № 1. С. 9–13. (144).

- жанров русского фольклора: (тезисы докладов). Горький, 1961. С. 85.
3. О бытовании революционных маршево-гимнических песен в Нижегородской губернии в 1900–1907 гг. // Вопросы теории и вузовского преподавания русского языка. [Горький]: Волго-Вят. кн. изд-во, 1964. С. 271–287. (Ученые записки Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия лингвистическая; вып. 68)
 4. Песня как средство агитации в деятельности нижегородских революционных организаций в 1890–1907 гг. // Ученые записки Горьковского государственного ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия историческая. 1964. Вып. 70. С. 153–171.
 5. Сормовские рабочие песни конца XIX в. // Ученые записки Горьковского государственного ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия историко-филологическая. 1964. Вып. 65. С. 91–114.
 6. Дооктябрьский песенный рабочий фольклор и массовая революционная песенная поэзия в Нижегородской губернии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Горьковский государственный ун-т им. Н.И. Лобачевского. Горький, 1965. 18 с.
 7. Дооктябрьский песенный рабочий фольклор и массовая революционная песенная поэзия в Нижегородской губернии: дис. ... канд. филол. наук / Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Горький, 1965. 307 с.
 8. О соотношении коллективного и индивидуального в сормовских рабочих песнях 90-х годов XIX в. // Устная поэзия рабочих России: сб. статей. М.; Л.: Наука, 1965. С. 149–157.
 9. Песенный репертуар сормовских рабочих в 90-е годы XIX в. // Из истории общественного движения и общественной мысли в России в XIX в. Горький, 1966. С. 263–274. (Ученые записки Горьковского государственного ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия историко-филологическая; вып. 78)
 10. О вариантности массовой пролетарской песни // Тезисы докладов конференции молодых научных работников: Секция гуманитарных наук. Горький, 1966. С. 173–175.
 11. Для кого А.М. Горький весной 1901 г. купил мимеограф // Тезисы докладов Горьковской конференции. Горький, 1967. С. 64–66.
 12. Экспедиция за песнями // Горьковская правда. 1969. 5 авг. (№ 181). С. 3.
 13. Революционная песня 1907–1917 гг. в Поволжье (по материалам Нижегородской губернии) // Русский фольклор: Из истории русской народной поэзии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. Т. 12. С. 247–253.

14. Фольклорная работа в Горьком // Русский фольклор: Из истории русской народной поэзии. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1971. Т. 12. С. 280–281.
15. Фольклор нижегородского края: Библиогр. указатель. Горький, 1971. 145 с. (*Совместно с М.Н. Андреевой, А.Н. Доинным*)
16. По селам с магнитофоном // Горьковская правда. 1973. 11 авг. (№ 186). С. 4.
17. Принципы использования технических средств в курсе устного народного творчества для студентов вечернего обучения // Математика как метод изучения и исследования в естественных и гуманитарных науках и некоторые вопросы методики преподавания. Горький, 1973. С. 34–35. (Ученые записки Горьковского государственного ун-та им. Н.И. Лобачевского; вып. 186)
18. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1974. № 2. С. 142–143.
19. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1975. № 1. С. 151.
20. Сормовские рабочие песни 1900–1907 гг. // Русский фольклор: Социальный протест в народной поэзии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. Т. 15. С. 156–161.
21. Народная поэзия Вятского края. [Рец.:] Вятские песни, сказки, легенды. Произведения народного творчества Кировской области, собранные в 1957–1973 гг. / сост., авт. предисл., историогр. обзора и примеч. И.А. Мохирев, С.Л. Браз. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1974. 214 с. // Волга. 1975. № 11. С. 180–181.
22. Поэзия народников в репертуаре рабочих Сормова // Русские писатели и народничество: межвуз. сб. Горький, 1975. Вып. 1. С. 151–154.
23. Фольклорная традиция на Ветлуге // Писатель и время. Ульяновск, 1975. Вып. 1. С. 235–237.
24. Традиционные календарные обряды в Поветлужье // Фольклор народов РСФСР: Межнациональные связи и национальное своеобразие: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1975. Вып. 2. С. 161–168.
25. Фольклор народов Поволжья в историко-этнографических работах П.И. Мельникова Печерского // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1976. [Вып. 3]. С. 161–167.
26. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1976. № 2. С. 159–160.
27. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного ун-та. Горький, 1976. Вып. 1: Эпические жанры. Ч. 1: Сказки. 73 с. (*Совместно с Ф.С. Эйдельман, Т.М. Волковой*)

28. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного ун-та. Горький, 1976. Вып. 1: Эпические жанры. Ч. 2: Несказочная проза. Исторические песни. Баллады. 127 с. (*Совместно с Ф.С. Эйдельман, Т.М. Волковой*)
29. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного ун-та. Горький, 1977. Вып. 2: Обряды и обрядовая поэзия. Ч. 1: Календарные обряды. Заговоры. 78 с. (*Совместно с Ф.С. Эйдельман*)
30. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного ун-та. Горький, 1977. Вып. 2: Обряды и обрядовая поэзия, ч. 2: Свадебный обряд. 70 с. (*Совместно с Т.М. Волковой*)
31. Новые записи подблюдных песен // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1977. [Вып. 4]. С. 146–149.
32. Свод русского фольклора: Проспект // Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора». Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. Т. 17. С. 4–10. (*К.Е. Корепова подготовила материалы, с учетом которых А.А. Гореловым был составлен данный Проспект*)
33. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1977. № 2. С. 138–139.
34. Пушкинские записи свадебных песен и нижегородская обрядовая традиция // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1978. С. 117–122.
35. Волшебные сказки с образом чудесного супруга (К проблеме изучения истории сюжетов) // Вопросы сюжета и композиции: Межвуз. сб. Горький, 1978. С. 3–17.
36. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1978. № 3. С. 167–168.
37. Работа по систематизации фольклора на кафедре русской литературы Горьковского университета // Фольклор народов РСФСР: Межвузовский научный сборник. Уфа, 1978. [Вып. 5]. С. 155–157.
38. Некоторые проблемы издания рабочих песен // Русский фольклор: Вопросы теории фольклора. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 19. С. 178–185.
39. Сборник фольклора Пушкинских мест // Волга. 1980. № 3. С. 185–186. [Рец.:] Песни и сказки пушкинских мест: Фольклор Горьковской области / Изд. подгот. В.И. Еремина, М.А. Лобанов, В.Н. Морохин. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. Вып. 1. 256 с.

40. Сюжет «Царевна-лягушка» в восточнославянской сказочной традиции // Вопросы сюжета и композиции: межвуз. сб. Горький, 1980. С. 97–112.
41. О проведении фольклорной практики на филологических факультетах педагогических институтов: Метод. рекомендация для спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М., 1980. 68 с. (*Совместно с И. Е. Карпухиным, Ю. Г. Кругловым и др.*)
42. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1980. № 2. С. 157–158.
43. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного университета. Горький, 1980. Вып. 2: Обряды и обрядовая поэзия. Ч. 3: Свадебная поэзия. Похоронный и рекрутский обряды. (*Совместно с Т.М. Волковой. Состоит из пяти глав, каждая из которых была издана по отдельности. Гл. 1: Свадебные лирические песни. 35 с. Гл. 2: Свадебные величальные и корильные песни. 26 с. Гл. 3: Величания и корения свахе и свату. 43 с. Гл. 4: Утренние причитания. Сны невесты. 43 с. Гл. 5: При дарах невесты или жениха. 38 с.*)
44. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного ун-та. Горький, 1980. Вып. 3: Детский фольклор. Горький, 1980. (*Совместно с Т.М. Волковой. Состоит из четырех частей (глав), каждая из которых была издана по отдельности. Ч. 1: [Колыбельные]. 39 с. Ч. 2: Заклички. 51 с. Ч. 3: Заумные считалки. 32 с. Ч. 4: Дразнилки о внешности. 34 с.*)
45. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного университета. Горький, 1981. Вып. 4: Хороводно-игровые песни, плясовые и сатирические песни и припевки. Горький, 1981. 154 с. (*Совместно с Ф.С. Эйдельман*)
46. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного университета. Горький, 1983. Вып. 5: Частушки. 154 с. (*Совместно с Ф.С. Эйдельман*)
47. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного университета. Горький, 1981. Вып. 6: Загадки. 101 с. (*Совместно с Т.М. Волковой*)
48. Новые записи былин в Горьковской области // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1981. [Вып. 8]. С. 29–35.
49. *Березин П.А.* Свадьба в Заветлужье / Литературная обработка, науч. ред., предисл. и коммент. К.Е. Кореповой. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. 223 с.

50. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1981. № 1. С. 144–145. *(В соавторстве с Т.И. Белоус)*
51. Русская сказка «Финист-Ясный сокол» и ее сюжетные параллели // Вопросы сюжета и композиции: Межвуз. сб. Горький, 1982. С. 3–12.
52. Исторические песни в собрании А.В. Карпова // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1982. [Вып. 9]. С. 143–149.
53. Крестьянские писатели *(глава в коллективной монографии)* // Русская литература и фольклор: (Вторая половина XIX в.). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. С. 347–368.
54. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1982. № 2. С. 132. *(В соавторстве с Т.И. Белоус)*
55. Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского университета, 1976–1982 гг.: Календарные обряды / сост. К.Е. Корепова. Горький, 1982. Ч. 1. 120 с.
56. Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского университета, 1977–1982 гг.: Свадебный обряд: В 4 ч. Горький, 1983–1984. 176 с. Сквозная нумерация частей. *(Совместно с Т.И. Белоус)*
57. Следы былинной традиции в нижегородском фольклоре // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1983. [Вып. 10]. С. 39–47.
58. [Рец.]: Русская свадьба в Среднем Поволжье / Н.В. Зорин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 200 с. // Советская этнография. 1984. № 2. С. 147–150.
59. Изучение истории сказочных сюжетов и некоторые проблемы текстологии // Вопросы сюжета и композиции: Межвуз. сб. Горький, 1984. С. 4–14.
60. Фольклорные экспедиции кафедры русской литературы Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского // Советская этнография. 1984. № 4. С. 143–144. *(В соавторстве с Т.И. Белоус)*
61. Фольклорные экспедиции кафедры русской литературы Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского // Советская этнография. 1984. № 4. С. 144–145.
62. Обряды «проводов весны» в быту современной деревни (по материалам Горьковской обл.) // Советская этнография. 1985. № 4. С. 88–95. *(В соавторстве с Т.И. Белоус)*
63. Фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского университета // Русский фольклор: Полевые исследования. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. Т. 23. С. 212–216.
64. Сказочный сюжет «муж ищет исчезнувшую жену» в русской лубочной книге // Вопросы сюжета и композиции: Межвуз. сб. Горький, 1985. С. 5–16.

65. Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского университета, 1977–1983 гг.: Сказки. Горький, 1985. 43 с. (*Совместно с Ф.С. Эйдельман*)
66. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного университета. Горький, 1986. Вып. 7: Пословицы. 96 с. (*Совместно с Т.М. Волковой*)
67. Лубочные редакции русских сказок (Сюжет «Царевна-лягушка») // Вопросы сюжета и композиции: Межвуз. сб. Горький, 1987. С. 5–13.
68. Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского университета, 1977–1984 гг.: Несказочная проза. Горький, 1988. 60 с. (*Совместно с Т.М. Волковой, О.В. Соловьевой*)
69. Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского университета, 1977–1987 гг.: Свадебная поэзия. Горький, 1989. 94 с. (*Совместно с Т.И. Белоус, К.С. Задоей*)
70. Сказка о жар-птице в фольклоре и литературе // Русский фольклор. Л.: Наука, Ленигр. отд-ние, 1989. Т. 25. С. 59–70.
71. Нижегородские хороводы: [сб. текстов] / сост., вступ. ст. и коммент. К.Е. Кореповой. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1989. 254 с.
72. Нижегородская балладная традиция // Фольклор народов РСФСР: Современное состояние фольклорных традиций и их взаимодействие: Межвуз. сб. Уфа, 1989. [Вып. 17]. С. 89–95.
73. Лубочные переделки сказки «Жар-птица» // Литература и фольклор: Вопросы поэтики: Межвуз. сб. науч. тр. Волгоград: ВГПИ, 1990. С. 77–84.
74. Лубочные сказки о трех подземных царствах и их влияние на устную традицию // Фольклор народов РСФСР: Фольклор и литература. Общее и особенное в фольклоре разных народов: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1991. [Вып. 18]. С. 5–12.
75. Лубок и устная сказочная традиция (Проблемы текстологии) // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. Т. 26. С. 93–105.
76. Русская волшебная сказка: Антология / сост., вступ. ст. и коммент. К.Е. Кореповой. М.: Высшая школа, 1992. 525 с. (*Вступ. ст. «Волшебный мир», с. 5–18*)
77. Русский дом: Книга о том, как семью заводить и детей растить / авт. и сост. К.Е. Корепова. Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1993. 223 с. Содержит материалы по свадебному обряду и детскому фольклору.

78. Нижегородский детский фольклор: Пособие для работников детских дошкольных учреждений / сост. К.Е. Корепова. Н. Новгород, 1993. 64 с.
79. Фольклор и родное слово: Учеб. пособие для 5-го класса. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ин-та повышения квалификации работников образования, 1993. 254 с. *(В соавторстве с Г.М. Грехневой. [Рец.]: Новицкая М.Ю. Фольклор в новых учебниках // Народное творчество. 1995. № 6. С. 22)*
80. Фольклор и родное слово: Учеб. для 1-х (2-х) классов начальной школы. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1994. 328 с. *(В соавторстве с Г.М. Грехневой. [Рец.]: Новицкая М.Ю. Фольклор в новых учебниках // Народное творчество. 1995. № 6. С. 22)*
81. Фольклор и родное слово: Программа: 1-й (2-й) класс. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1994. 27 с. *(В соавторстве с Г.М. Грехневой)*
82. Фольклор и родное слово: Программа для 5–6-х классов общеобразовательной школы. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1994. 34 с. *(В соавторстве с Г.М. Грехневой)*
83. Картографирование фольклора и методика собирания // Методические указания по собиранию фольклора. М.: ГРЦРФ, 1994. С. 68–71.
84. Методика картографирования фольклорного сюжета: Баллада «Сестра и братья-разбойники» // Методические указания по собиранию фольклора. М.: ГРЦРФ, 1994. С. 72–75.
85. Фольклор и родное слово: Учеб. пособие: 6-й класс. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1995. 240 с. *(В соавторстве с Г.М. Грехневой)*
86. Фольклор и родное слово: Пособие по русской словесности для учащихся 5-6-х классов средней школы. М.: Орлов и сын, 1995. 351 с. *(В соавторстве с Г.М. Грехневой)*
87. Фольклор и родное слово: Учеб. пособие для 5-го класса. [2-е изд., с изм. и доп.] Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1995. 287 с. *(В соавторстве с Г.М. Грехневой)*
88. Фольклор и родное слово: Учеб. пособие для 5-го класса. [3-е изд., с изм. и доп.] М.: Изд-во «Центр гуманитарного образования», 1998. 363 с. *(В соавторстве с Г.М. Грехневой)*
89. Фольклор и родное слово: Учеб. пособие для 6-го класса. [3-е изд., с изм. и доп.] М.: Изд-во «Центр гуманитарного образования», 1998. 220 с.⁷ *(В соавторстве с Г.М. Грехневой)*
90. Колядные песни в Нижегородском Поволжье // Живая старина. 1995. № 4. С. 17–20.

⁷ По желанию К.Е. Кореповой другие учебные пособия и их переиздания, написанные ею в соавторстве с Г.М. Грехневой, не указываются.

91. *Korepova K.E.* Russian rites. Russian holidays. Russian fairy tales and epics, Russian beliefs and superstitions (*главы в коллективной монографии*) // *The Russian traditions: A guide for foreigners.* Nizhny Novgorod: Kitizdat, 1996. P. 110–130, 137–148, 162–187, 188–221. Перевод на английский язык. (*Глава “Russian beliefs and superstitions” написана в соавторстве с Н.А. Криничной и В.И. Пулькиным*)
92. Новые поступления в фольклорный архив Нижегородского университета: Календарные обряды, 1983–1996. Н. Новгород, 1997. 154 с. (*Совместно с Ю.М. Шеваренковой*)
93. Старая погудка на новый лад... Лубочная сказка как жанр // *Живая старина.* 1997. № 4. С. 21–23.
94. [Рец.:] *Фольклор Заветлужья* / О.С. Козырев. Шахунья, 1997. 53 с. // *Нижний Новгород.* 1997. № 6. С. 240–242.
95. Кузьма-Демьян, скуй мне свадебку... // *Нижний Новгород.* 1997. № 7. С. 197–201.
96. Работа над атласом нижегородского фольклора // *Живая старина.* 1998. № 2. С. 2–3.
97. Средокрестные обряды в Нижегородском Поволжье // *Живая старина.* 1998. № 2. С. 9–12.
98. Жнивка, жнивка, я тебя жала, вся приустила... (Жнивные обряды в Нижегородском крае) // *Нижний Новгород.* 1998. № 8. С. 238–243.
99. Не навреди... // *Народное творчество.* 1998. № 1. С. 2–5.
100. Нижегородская свадьба. Пушкинские места. Нижегородское Поволжье. Ветлужский край: Обряды, причитания, песни, приговоры. СПб.: КультИнформПресс, 1998. 312 с. (*Совместно с М.А. Лобановым, А.Ф. Некрыловой. Вступительная статья «Свадебные традиции нижегородской земли», с. 5–25 – в соавторстве с М.А. Лобановым*)
101. Картографирование русского фольклора Нижегородского края // *Наука о фольклоре сегодня: Междисциплинарные взаимодействия: Тезисы Международной научной конференции к 70-летию юбилею Ф.М. Селиванова (Москва, 29–31 октября 1997 г.).* М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 66–67.
102. Русская лубочная сказка: спец. 10.01.09 «Фольклористика»: автореф. дис. д-ра филол. наук / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1999. 27 с.
103. Русская лубочная сказка: спец. 10.01.09 «Фольклористика»: дис. ... д-ра филол. наук / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1999. 244 с.
104. Русская лубочная сказка. Н. Новгород: КиТиздат, 1999. 244 с. ([Рец.:] *Рейтблат А.И. Что нес с базара русский народ. (Лубок в исследованиях последних лет)* // *Новое литературное*

- обозрение. 2000. № 4. С. 317–326; Бахтина В.А. *Критическая текстология фольклора: устная сказка и книга // Традиционная культура*. 2001. № 2. С. 116–118)
105. Мир детства // Фольклорный архив Нижегородского государственного ун-та им. Н.И. Лобачевского: сайт. 1999. URL: <http://www.unn.ru/folklore/fmirdet.htm> (дата обращения 24 марта 2024). (Совместно с Ю.М. Шеваренковой)
 106. Сказочные сборники XVIII в. и устная традиция // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1999. Т. 30. С. 151–163.
 107. Проводы-похороны орнитоморфных существ в нижегородской календарной обрядности // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов научно-практической конференции. М., 1999. Вып. 3. С. 97–103.
 108. Северные сказочники и книжная лубочная культура // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения – 99»). Петрозаводск, 2000. С. 114–120.
 109. Проблемы изучения творчества А.С. Пушкина в школе и приобщение школьников к традиционной культуре // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2000. С. 131–139. (В соавторстве с Г.М. Грехневой)
 110. О понятии «традиционная культура» // Традиционная культура. 2001. № 1. С. 71, 73.
 111. Изучение традиционной культуры и фольклора в Нижнем Новгороде // Традиционная культура. 2001. № 1. С. 90–92.
 112. Русская сказка «Фома Беренников» (СУС 1640) и некоторые проблемы сказковедения // Традиционная культура. 2001. № 1. С. 99–106.
 113. Художественный мир лубочной сказки // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2001. № 1. С. 147–158.
 114. Лекарство от задумчивости: Русская сказка в изданиях 80-х годов XVIII в. / сост., вступ. ст. и коммент. К.Е. Кореповой; подгот. текстов Л.Г. Беликовой. СПб.: Тропа Троянова, 2001. 415 с. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания; т. 5) (Вступ. ст. «У самых истоков», с. 5–16)
 115. Опахивание в Нижегородском Поволжье // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов научно-практической конференции. М.: ГРЦРФ, 2002. Вып. 4. С. 48–58.
 116. Фольклор Сергачского края // Сергач: Литературно-краеведческий альманах. Н. Новгород: Стеллариум, 2002. С. 305–318.

117. К проблеме дискретного распространения религиозной прозы в Нижегородском Поволжье // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 53–60.
118. Ключевые слова как способ систематизации устной религиозной прозы // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. Вып. 2. С. 99–102. *(В соавторстве с Ю.М. Шеваренковой)*
119. Серафим Саровский – покровитель путников // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. Вып. 2. С. 242–247.
120. Островок северной традиционной культуры за пределами Севера (б. Карельская волость Костромского края) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения». Петрозаводск, 2003. С. 189–190.
121. Местные святые в нижегородской устной народной традиции: родники, часовни при них. Н. Новгород: РАСТР-НН, 2003. 106 с. *(Совместно с М.М. Беляковой, А.О. Дюковой, Е.С. Курзиной, Ю.М. Шеваренковой. Ст. из сборника «Культ воды «спорной», «с разрезья», «тихой» и т. п. в нижегородской традиции», с 25–28, К.Е. Кореповой)*
122. Старая погудка на новый лад: Русская сказка в изданиях конца XVIII в. / сост., вступ. ст. и коммент. К.Е. Кореповой; подгот. текстов Л.Г. Беликовой. СПб.: Тропа Троянова, 2003. 399 с. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания; т. 5) *(Вступ. ст. «Полное собрание древних простонародных сказок», с. 5–14)*
123. Программа по собиранию фольклора в Нижегородской области (по курсу «Устное народное творчество»): методическая разработка для студентов 1-го курса дневного отделения по специальности «Русский язык и литература». Н. Новгород, 2003. 20 с. *(Совместно с Ю.М. Шеваренковой)*
124. Традиции русского дома: настольная семейная книга. Н. Новгород: Нижполиграф, 2003. 288 с. *(В соавторстве с Т.И. Емельяновой, В.К. Красуновым)*
125. Произведения Дж.К. Роулинг в сказочно-мифологическом универсуме // Седьмые Вавилонские чтения: глобализация и проблемы национальной безопасности России в XXI в.: Сб. науч. ст. Йошкар-Ола, 2004. С. 351–354. *(В соавторстве с Н.И. Васильевой)*
126. Серафим Саровский в традиционной народной культуре // Этнопоэтика и традиция: к 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Гацака. М.: Наука, 2004. С. 198–204.

127. Актуальные исследовательские аспекты полевой фольклористики // Типология фольклорной традиции: Материалы Междунар. науч. конференции (Москва, 22–23 ноября 1999 г.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. С. 29–32.
128. Материнский и детский фольклор из архива Нижегородского университета в Интернете // Типология фольклорной традиции: Материалы Междунар. науч. конференции (Москва, 22–23 ноября 1999 г.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. С. 85–86. *(В соавторстве с Ю.М. Шеваренковой)*
129. Лаборатория «Фольклорный архив кафедры русской классической литературы Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского» // Типология фольклорной традиции: Материалы Междунар. науч. конференции (Москва, 22–23 ноября 1999 г.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. С. 157–159.
130. О деятельности Центра фольклора филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского // Традиционная культура. 2005. № 1. С. 67–68.
131. Нижегородский вариант духовного стиха о Федоре Тироне // Традиционная культура. 2005. № 1. С. 69–73. *(В соавторстве с Н.Б. Храмовой)*
132. Нижегородские поверья о колдунах, уводящих урожай // Традиционная культура. 2005. № 1. С. 83–90.
133. Круглый стол «Что такое фольклор?» (навстречу первому всероссийскому конгрессу фольклористов) // Традиционная культура. 2005. № 3. С. 5–7.
134. Финно-угорская среда как стабилизирующий фактор сохранения русской фольклорной традиции в Нижегородском Поволжье // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста (Ижевск, 23–26 октября 2005 г.). Ижевск, 2006. С. 22–26.
135. Егорьев день и первый выгон скота в нижегородской календарной обрядности // Вестник Нижегородского государственного ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2006. № 1. С. 116–121.
136. Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 496 с. *(Совместно с Н.Б. Храмовой, Ю.М. Шеваренковой; при участии студентов: Д.Н. Низовцевой, О.В. Макаревич, С.С. Наместниковой, Г.И. Смирновой, Е.В. Чивикиной; вводные ст., заключение и коммент. К.Е. Кореповой. Кулагина А.В. [Рец.:] Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост.*

- К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 496 с. // Традиционная культура. 2008. № 3. С. 132–136; Виноградова Л.Н. Сборник быличек и демонологических поверий Нижегородской области // Живая старина. 2008. № 4. С. 61–62)*
137. Русские народные сказки: Сборники Б. Бронницына и И. Сахарова / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. К.Е. Кореповой. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 191 с. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания; т. 15) (*Вступ. ст. «В преддверии научного собрания и публикации сказок», с. 5–14*)
138. Фольклорная практика: Рабочая программа и методические рекомендации для студентов I курса дневного, вечернего и заочного отделений филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского: учеб.-метод. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госун-та, 2007. 38 с. (*Совместно с Н.Б. Храмовой, Ю.М. Шеваренковой*)
139. Программы общих и специальных курсов кафедры фольклора филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госун-та, 2007. 76 с. (*Совместно с А.В. Коровашко., Ю.С. Ланской, Д.Н. Николашиной, Ю.М. Шеваренковой*)
140. *Левшин В.А.* Русские сказки: В 2 кн. / вступ. ст., коммент. и указатели К.Е. Кореповой. СПб.: Тропа Троянова, 2008. Кн. 1. 472 с.; Кн. 2. 447 с. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания; т. 16) (*Вступительная статья «Русские сказки» В.А. Левшина», с. 5–18*)
141. В «неурочный час» и в «злую минуту» (по материалам фольклорных экспедиций Нижегородского государственного ун-та) // *Живая старина. 2008. № 2. С. 47–49. (В соавторстве с Н.Б. Храмовой)*
142. Сказка П.П. Ершова «Конек-горбунок» в лубке // Актуальные проблемы современной фольклористики и изучения классического наследия русской литературы: Сб. науч. ст. памяти профессора Евгения Алексеевича Костюхина (1938–2006). СПб.: САГА, 2009. С. 64–78.
143. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2009. 481 с. (Русская этнография) ([*Рец.:*] *Рейли М.В., Корепова К.Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009. 481 с. (Русская этнография) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2012. Т. 34. С. 473–476; Дубровина С.Ю. [Рец.:] Корепова К.Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова,*

2009. 481 с. // *Вестник Вологодского государственного университета*. 2023. Т. 31. № 4. С. 109–112)
144. Собрание нижегородских частушек 1920–1930-х гг. (коллекция И.И. Тимина) // *Живая старина*. 2010. № 1. С. 9–13.
 145. Новое сказковедческое исследование. [Рец.:] Предметные реалии русской волшебной сказки / В.Е. Добровольская. М.: ГРЦРФ, 2009. 224 с. // *Живая старина*. 2010. № 3. С. 65–66.
 146. Андрей Васильевич Карпов – собиратель нижегородского фольклора // *Традиционная культура*. 2010. № 3. С. 108–118.
 147. Проблемы собирания, публикации и изучения фольклора Нижегородского края // *От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов*. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 168–173.
 148. Об учителе: Владимир Яковлевич Пропп // *Сб. статей в честь М.П. Чередниковой*. М.: Лабиринт, 2010. С. 65–86.
 149. Платок в крестьянской молодежной субкультуре и частушке // *Труды конференции «Покровские дни» (Н. Новгород, 10–11 октября 2009 г.)*. Н. Новгород, 2010. Вып. 1. С. 5–17.
 150. Фольклорная практика: учебная программа и методические рекомендации для студентов I курса дневного и вечернего отделений филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т, 2010. 46 с. (*Совместно с Н.Б. Храмовой, Ю.М. Шеваренковой*)
 151. Издание фольклора Арзамасского уезда. [Рец.:] Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской губернии А.В. Карповым летом 1875 г. / авт. проекта Ю.А. Курдин; сост. Ю.А. Курдин, Э.К. Петри, А.В. Пряников; науч. ред. Е.П. Титков. Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара. 2010. 639 с. (Народная поэзия Арзамасского края) // *Живая старина*. 2011. № 4. С. 58–60.
 152. Сказка народная и лубочная // *Классический фольклор сегодня: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Бориса Николаевича Путилова*. Санкт-Петербург, 14–17 сентября 2009 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 328–337.
 153. Быличка и сказка (в межжанровом пограничье) // *Рябининские чтения – 2011: Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера*. Петрозаводск, 2011. С. 291–293.
 154. [Рец.:] *Русский фольклор*. Т. 34: Материалы и исследования / отв. ред. М. Рейли; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2011. 533 с. // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2012. № 4. С. 243–245.

155. Братья А.А. и М.А. Александровы – собиратели нижегородского и сибирского фольклора // Покровские дни: труды 2-й научной фольклорной конференции (9–10 октября 2010 г.): В 3 т. Н. Новгород. 2011. № 2. С. 5–14.
156. Альбицкий Петр Александрович [Из портфеля библиографического словаря «Русские фольклористы» (ред. Т.Г. Иванова)] // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2012. Т. 36. С. 671–672.
157. Русская лубочная сказка. [2-е изд., с изм. и доп]. М.: Форум, 2012. 464 с.
158. Фольклор Сосновского района Нижегородской области. Н. Новгород, 2013. 505 с. (Серия: «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 1) (Совместно с А.Н. Каракуловым, И.А. Фальковой, Н.Б. Храмовой, Ю.М. Шеваренковой. Добровольская В.Е. [Рец.:] Фольклор Сосновского района Нижегородской области / сост. А.Н. Каракулов, И.А. Фалькова, К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова; под общ. ред. К.Е. Кореповой. Нижний Новгород, 2013. 505 с.; Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. Ч. 1 / сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова; под общ. ред. Ю.М. Шеваренковой. Н. Новгород, 2013. 456 с. (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 1; т. 2, ч. 1, 2) // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 171–175)
159. Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. Н. Новгород, 2014. Ч. 1. 400 с. (Серия: «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 2) (Совместно с Н.Б. Храмовой, Ю.М. Шеваренковой. Ст. из сб. «Фольклорная традиция Ковернинского края», с. 14–20 К.Е. Кореповой. Добровольская В.Е. [Рец.:] Фольклор Сосновского района Нижегородской области / сост. А.Н. Каракулов, И.А. Фалькова, К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова; под общ. ред. К.Е. Кореповой. Н. Новгород, 2013. 505 с.; Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. Ч. 1 / сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова; под общ. ред. Ю.М. Шеваренковой. Н. Новгород, 2013. 456 с. (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 1; т. 2, ч. 1, 2) // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 171–175; Мороз А.Б. Новые издания Фольклорного центра Нижегородского университета // Живая старина. 2015. № 2. С. 59–61)
160. Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. Н. Новгород, 2013. Ч. 2. 456 с. (Серия: «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 2) (Совместно с Ю.М. Шеваренковой, Н.Б. Храмовой. Добровольская В.Е. [Рец.:] Фольклор Сосновского района Нижегородской области / сост.

- А.Н. Каракулов, И.А. Фалькова, К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова; под общ. ред. К.Е. Кореповой. Н. Новгород, 2013. 505 с.; *Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. Ч. 1 / сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова; под общ. ред. Ю.М. Шеваренковой. Н. Новгород, 2013. 456 с. (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края»; т. 1; т. 2, ч. 1, 2) // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 17–175)*
161. Фольклорно-этнографические материалы на страницах периодического издания «Нижегородские епархиальные ведомости» (1864–1905): Указатель материалов. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. 120 с. (*Совместно с П.В. Федосеевой, Ю.М. Шеваренковой. [Рец.:] Мороз А.Б. Новые издания Фольклорного центра Нижегородского университета // Живая старина. 2015. № 2. С. 59–61*)
162. Русские волшебные сказки / сост. и коммент. К.Е. Кореповой. [2-е изд. изм. и доп.] М.: Форум: Неолит, 2014. 477 с. (*Вступ. ст. «Волшебный мир», с. 5–20. [Рец.:] Полякова Е.А. «А кто слушал, тому и шубу» // Книжное обозрение. 2014. № 25–26 (2401–2402). С. 8*)
163. Народные русские песни Нижегородской губернии, собранные П.И. Пискаревым. М.: Звезда и Крест, 2014. 150 с. (Фольклорный архив; вып. 3) (*Совместно с В.Ф. Шевченко*)
164. Петр Иванович Пискарев и его собрание песен // Провинциальная Россия. Н. Новгород, 2015. Вып. 1. С. 51–59.
165. Русская свадьба в середине XX в. (по материалам Нижегородского Поволжья) // Традиционная культура. 2015. № 3. С. 121–134.
166. Материалы по свадебной обрядности в архиве Центра фольклора ННГУ. Н. Новгород, 2016. 500 с.
- 167–176. Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь.: XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 1: А–Г. 960 с.
Александров Александр Александрович, с. 48–49 (*в соавторстве с Т.Г. Ивановой*); Александров Михаил Александрович, с. 54–57; Альбицкий Петр Александрович, с. 77–80; Боборыкин (Бабарыкин, Бобарыкин) Василий Васильевич, с. 373–374 (*в соавторстве Т.Г. Ивановой*); Борисовский Александр Иванович, с. 430–431; Бутурлин Александр Евфимьевич, с. 513–515; Вербицкий Василий Иванович, с. 580–581; Виноградов Ферапонт Аврамьевич, с. 642–643; Владимирский Василий Ксенофонович, с. 657–658; Георгиевский Василий Михайлович, с. 759; Гуляев Григорий Никонович, с. 925.

- 177–184. Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь: XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. Т. 2: Д – Кошурников. 768 с.
Демьянов Георгий Петрович, с. 43–44; Доброзраков Иван Алексеевич, с. 102; Доброзраков Михаил Варфоломеевич, с. 102–103; Доброзраков Тимофей Александрович, с. 103; Добролюбов М., с. 103–104; Звездин Андрей Иванович, с. 300–301; Кастальский Иван Яковлевич, с. 537.
- 185–199. Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь: XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3: Краинский – О. 880 с.
Крылов Андрей Васильевич, с. 42–43; Лавров Николай Афанасьевич, с. 135–136; Лебединский Константин, с. 175; Любимцев Федор Дмитриевич, с. 312–313; Макаревский (Макарьевский) Михаил Иванович, с. 359–361 (*в соавторстве с Т.Г. Ивановой*); Макарий, архим. (Миролюбов Николай Кириллович), с. 367–370; Мамакин Иван Николаевич, с. 429; Маракин Федор Иванович, с. 439–440; Меледин Степан Прохорович, с. 483; Милотворский Иван Александрович, с. 551–552; Можаровский Аполлон Федорович, с. 615–618; Нарбеков Василий Иванович, с. 687–688; Орешников Александр Константинович, с. 825–826; Орлов Василий Иванович, с. 826–827; Орфелинов Иван (Иоанн) Дмитриевич, с. 836–837.
200. Ряженье в составе русской свадебной обрядности (по материалам Нижегородской области) // Из истории русской фольклористики. СПб.: Свое издательство, 2018. Вып. 11: К юбилею Валерии Игоревны Ереминой. С. 7–25.
201. Русская свадьба в Нижегородском Поволжье. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. 663 с.
202. Чадушка в Поветлужье: к проблеме судеб жанра // Традиционная культура. 2019. № 2. С. 179–190.
203. Хмелевицкие *Олёны* и ветлужская причетная традиция // Живая старина. 2019. № 4. С. 22–26. (*В соавторстве с О.С. Козыревым*)
204. Родной край в воспоминаниях, семейных преданиях и фотографиях: Шахунский район Нижегородской области. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2019. 357 с. (*Совместно с О.С. Козыревым, Т.Н. Осмирко; вступ. ст. «История края в народной памяти» К.Е. Кореповой, с. 10–21*)
- 205–216. Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь: XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. Т. 4: П – Софронов А.В. 944 с.
Покровский Василий Андреевич, с. 155–156; Покровский Иоанн Львович (в монашестве Иоаким), с. 166–167 (*в соав-*

- торстве с Т. Г. Ивановой*); Покровский Михаил Гаврилович, с. 167; Покровский Петр Иосифович, с. 169; Райковский Василий Иванович, с. 437–438; Райковский Иван Иванович, с. 438–439; Савельев Александр Александрович, с. 599–601; Садовский Алексей Алексеевич, с. 624–625; Северов Константин Асафович, с. 655–656; Смирнов Александр, с. 765; Смирнов Петр Семенович, с. 792–793; Соловьев Евпл Титович, с. 894–898 *(в соавторстве с Т. Г. Ивановой)*
- 217–231. Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь: XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. Т. 5: Спасская – Я. 992 с.
- Спасский Андрей, с. 4; Страгородский Василий Дмитриевич, с. 76–77; Тибрин И.Н., с. 213; Троицкий Сергей Иванович, с. 301; Успенский Николай Андреевич, с. 344–345; Утехин Иоанн Тихонович, с. 352–353; Фаворский Евграф Андреевич, с. 368–370; Фиалковский Василий Николаевич, с. 388; Фиалковский Григорий Алексеевич, с. 388; Флеров Иван Никитович, с. 412–413; Харитонов Алексей Арефьевич, с. 436–437; Цедровский Александр Федорович, с. 511; Яворский Лавр Алексеевич, с. 816; Яворский Михаил Илларионович, с. 816–817; Ящеров Василий Иванович, с. 884–885.
232. Фольклорные материалы в фондах народного фольклорно-этнографического музея г. Шахунья // Живая старина. 2020. № 2. С. 31–36. *(В соавторстве с Т.Н. Осмирко)*
233. «Мы с товарищем вдвоем и сыграем и споем...»: частушки из собрания народного фольклорно-этнографического музея г. Шахунья // Живая старина. 2020. № 2. С. 37–41. *(В соавторстве с Т.Н. Осмирко)*
234. Фронтной песенник Ивана Гавриловича Смирнова (1940-е гг.) // Живая старина. 2020. № 2. С. 41–43. *(В соавторстве с Т.Н. Осмирко)*
235. Сказка П.П. Ершова «Конек-горбунок»: на перекрестке литературной и фольклорной традиций // Сказка в фольклоре, литературе и искусстве: Традиционное и новое: Сб. науч. ст. М.: Государственный ин-т искусствознания, 2020. С. 244–266.
236. Шлю я вам свой фронтной привет! Речевой этикет солдатских писем // Традиционная культура. 2021. № 2. С. 11–23.
237. Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, семейных преданиях и фотографиях. Шахунский район Нижегородской области (Материалы музейных фондов). Н. Новгород: Гладкова О.В., 2022. Т. 1. 374 с. *(Совместно с Т.Н. Осмирко)*

238. Верующий человек на войне: По фронтовым письмам солдата Н.П. Матвеева // Народная религиозность в свете фольклора: Сб. науч. ст. М.: Государственный ин-т искусствознания, 2023. С. 380–388.

Информация об авторе

Антон Н. Каракулов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *Anton-1088@mail.ru*

ORCID ID: 0009-0000-7686-0777

Information about the author

Anton N. Karakulov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *Anton-1088@mail.ru*

ORCID ID: 0009-0000-7686-0777

УДК 398:82.0

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-148-153

Всероссийский круглый стол
«Комментарий как способ понимания устного текста
внутри и вне фольклорной традиции»

Анастасия Д. Карухова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, brainforest.edu@gmail.com*

Дата поступления статьи: 30 сентября 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Карухова А.Д. Всероссийский круглый стол «Комментарий как способ понимания устного текста внутри и вне фольклорной традиции» // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2024. № 2. С. 148–153. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-148-153

All-Russian Round Table
“Commentary as a way of understanding oral text
inside and outside the folklore tradition”

Anastasiya D. Karukhova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, brainforest.edu@gmail.com*

Received: September 30, 2023

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Karukhova, A.D. (2024), “All-Russian Round Table ‘Commentary as a way of understanding oral text inside and outside the folklore tradition’”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 148–153, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-148-153

Всероссийские конференции в формате круглого стола, посвященные важным проблемам теоретической фольклористики, проходят в Центре типологии и семиотики фольклора РГГУ ежегодно в апреле. 20 апреля 2023 г. ЦТСФ провел Всероссийский круглый стол «Комментарий как способ понимания устного текста внутри и вне фольклорной традиции». Программу мероприятия составили 12 докладов. Дискуссия велась в рамках коммуникативно ориентированного изучения фольклорного текста – как речевого высказывания, существующего в той или иной коммуникативной ситуации. Расширение объекта исследования позволило определить актуальную для современной фольклористики проблему – роль комментария (как «внутреннего», так и «внешнего») по отношению к фольклорному тексту.

Круглый стол был открыт докладом *С.В. Алтатова* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Комментарий как герменевтический ключ к фольклорным компонентам фольклорных текстов “третьей культуры”», в котором автор рассмотрел структуру и значение фольклорных элементов в парафольклорных и паралитературных документах (рукописных альбомах, записных книжках, мемуарах, газетной публицистике и эссеистике), где создателем письменного текста может выступать как носитель традиции, так и сторонний наблюдатель, встретившийся с экзотическим для него феноменом. Решающим, по мнению докладчика, фактором в подобной ситуации оказываются встроенные или обрамляющие фрагмент текста фольклорные комментарии. В качестве примера автор обратился к герменевтическому казусу формулы: «Пишет, пишет король прусский государыне французской мекленбургское письмо» – и предложил множество трактовок этого топоса в зависимости от историко-культурного контекста каждого носителя или фиксатора.

В докладе *А.Л. Топоркова* (ИМЛИ РАН, Москва) «Проблемы комментария в изданиях русского магического фольклора» предлагался обзор ряда научных изданий магического фольклора за последние 30 лет. Автор отметил отсутствие единых правил печати подобных изданий и скудость комментариев в них, большинство которых сводится к описанию шифров архивного хранения или места записи тех или иных текстов. В ходе доклада автор предложил матрицу для составления комментариев в изданиях рукописных и записанных изустно коллекций русского магического фольклора.

Доклад *З.Д. Джануа* (Академия наук Абхазии; АГУ, Сухум, Абхазия) «Опыт комментирования эпических текстов в академическом издании абхазского нартского эпоса в десяти томах» посвящен принципам и порядку комментирования эпических

текстов в десяти томном собрании «Нарты: абхазский героический эпос», над которым в течение 40 лет работает сам автор. Докладчик рассказал о содержании и структуре сборника и особое внимание уделил значению комментариев в нем, без которых понимание эпических текстов было бы затруднено. В комментариях раскрывается текстологическая характеристика текстов, их содержание, значимые биографические факты, фольклорные знания и мастерство сказителя. Также докладчик отнес к комментариям различные указатели, приложенные к каждому тому: указатели сказителей, собирателей, мест записей, годов записей, аудио- и видеозаписей, рукописных записей, архивных, опубликованных, неопубликованных и т. п.

В.А. Воробьев (РГГУ, Москва) в докладе «Студенческая песня в комментариях фольклористов, композиторов, студентов etc.» рассмотрел сумму интерпретаций феномена песен студентов за весь период его существования и обратился к портретам людей, которые эти песни собирали, популяризировали и комментировали с разных позиций. Автор рассказал, что понятие «студенческая песня» первоначально возникло как окказиональное, спонтанно найденное обозначение, которое базировалось на эмпирическом знании собирателей о песнях, бытующих в студенческой среде, и манифестациях этого знания. В ходе доклада автор также выделил наиболее важные для разностороннего понимания студенческой песни элементы анализа, такие как факты издания песенников, сторонний взгляд мемуаристов и данные по соответствующим словоупотреблениям.

Т.А. Михайлова (ИЯЗ РАН; РГГУ, Москва) в докладе «Животные, принадлежащие императору, или Списки саг как памятник палеофольклористики» представила обзор уникального «списка саг», сохранившегося в трех редакциях, датированных X–XII вв., в рамках средневековой ирландской рукописной традиции. Автор доклада рассмотрела структуру и хронологию этого текста, отметив, что в самих списках встречаются как реальные, дошедшие до нас саги, так и саги, сохранившиеся под другим названием, а также саги вообще неизвестные. По мнению докладчицы, представленные списки скорее классифицировали не тексты саг, а предания – как исторические, так и вымышленные, – заслуживающие меморизации. Также в ходе доклада автор подняла вопрос об установке на достоверность традиции в среде ее фиксаторов.

Попытку проблематизировать понятие «комментарий» сделала *О.Б. Христофорова* (РГГУ, Москва) в докладе «Возможен ли эмный комментарий к фольклорному тексту?». Автор поставила ряд важных вопросов об отношении комментария к фольклорному тексту, его роли в изменении текста, его самостоятельности

и пришла к выводу, что комментирование оказывается текстопорождающей стратегией, создающей, продолжающей и трансформирующей сюжет. В качестве примера докладчица рассмотрела, как эмный комментарий по-разному работает в случае мифологической прозы в устном бытовании и интернетлоре.

Тема комментариев, объясняющих исторические реалии, была поднята [М.Г. Матлиным] (УлГПУ им. И.Н. Ульянова, Ульяновск) в докладе «Реальный комментарий исполнителей к поздней балладе: между фактом и нарративом». На примере объяснений, высказанных исполнителями поздней баллады «Про апрельскаяю ночьку тёмную», записанной в с. Троицкий Сунгур Ульяновской области, автор предложил рассматривать такой комментарий в качестве самостоятельного текста, который может быть квалифицирован как мифологический нарратив (быличка) одной из традиционных тематических групп.

А.А. Иванова (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «Мемуары народной певицы А.И. Глинкиной: к проблеме “комментарий как способ понимания устного текста”» исследовала, каким образом эмный комментарий к фольклорному тексту помогает в восприятии и интерпретации описываемых жизненных практик (социальных, семейных, обрядовых, игровых и др.). В качестве примера докладчица рассмотрела мемуары известной народной певицы А.И. Глинкиной. Подобная оптика анализа, по мнению автора, позволяет более корректно понимать, как формируются и работают аттракторы фольклорной памяти, как соотносятся с действительностью «коллективный» фольклорный текст и «субъективный» комментарий к нему.

В докладе «Как рассказывать хорошие истории и как их хорошо опубликовать» И.С. Веселова (АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры»; СПбГУ, Санкт-Петербург) рассмотрела сказочные и несказочные фольклорные нарративы, основываясь на теории речевых актов Дж. Остина. Исследовательница определила любое устное рассказывание как перформатив, который требует общего для слушателя и исполнителя «здесь и сейчас», чтобы затем преодолеть пространственно-временные и социальные пределы для совместного понимания и переживания. При переводе фольклорного перформанса в печатную форму, по мнению докладчицы, эффект присутствия утрачивается. Для решения данной проблемы публикатор старается включить воображаемого читателя в коммуникацию за счет развернутого аппарата издания, преодолевая абстрактность адресата.

Н.А. Курзина (АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры»; МАЭ (Кунсткамера)

РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Комментарии сказочников к своим сказкам» поделилась опытом подготовки публикации сказочных текстов, записанных на Русском Севере в 1978–2022 гг. Автор отметила, что в большинстве случаев отделить сказочный сюжет от ситуации рассказывания невозможно, так как сказка чаще всего представляет собой коммуникацию сказочника с аудиторией. По мнению докладчицы, само рассказывание сказки и является ее созданием, поэтому кроме непосредственного хода сюжета оказываются важны реакция аудитории, личность адресата и адресанта сказки, а также те ремарки, которые рассказчик включает в свой рассказ. Для сохранения коммуникативной ситуации редакторы приняли решение сопровождать тексты речевыми портретами, элементами интервью сказочников и их комментариями.

Проблему «внутреннего» комментария к устному тексту в рамках прагматического анализа подняла *В.А. Черванёва* (РГГУ, Москва) в докладе «Комментарий к устному тексту как речевой жанр». Продолжая тему, поднятую в предыдущем докладе, автор отметила, что в современных сборниках сказочного фольклора составители стремятся, наряду с фиксацией сказочного нарратива, отразить ситуацию записи, в том числе комментарии исполнителя, реплики собирателя и других участников беседы. На примере сборника «Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI в. в записях Е.А. Самоделовой и друзей-фольклористов: тексты» докладчица рассмотрела текст комментария как речевой жанр и пришла к выводу, что ключевым параметром, разграничивающим текст сказочного нарратива и комментария, является образ автора – именно различие проекции субъекта речи меняет модальность текста и влечет изменения в характере языкового воплощения диктумного содержания текста.

Круглый стол завершился докладом *М.В. Ахметовой* (РАНХиГС, Москва) «Метаязыковая формула ответа как речевой /фольклорный жанр», в котором был рассмотрен один из типов вербальной реакции на представляющееся говорящему нерелевантное словоупотребление в сопоставлении с близкими речевыми/фольклорными жанрами. Докладчица отметила, что подобные высказывания касаются и общей «культуры речи», и определенных речевых конвенций, принятых в той или иной социальной/профессиональной группе и служат в основном для реализации стратегии коммуникативного доминирования.

В ходе круглого стола были проанализированы ключевые аспекты комментария в фольклорной коммуникации. Были выделены основные направления исследований в области комментария – от функций и прагматических факторов его возникновения

до вопросов публикации фольклорных текстов. Основные положения выступлений на круглом столе опубликованы в виде тезисов [Комментарий... 2023]¹.

Литература

Комментарий... 2023 – Комментарий как способ понимания устного текста внутри и вне фольклорной традиции: материалы круглого стола (Москва, РГГУ, 20 апреля 2023 г.) / сост.: В.А. Черванёва. М.: РГГУ, 2023. 20 с.

References

Chervaneva, V. A., comp. (2023), *Kommentarii kak sposob ponimaniya ustnogo teksta vnutri i vne fol'klornoi traditsii: materialy kruglogo stola* (Moskva, RGGU, 20 aprelya 2023 g.) [Commentary as a way of understanding oral text inside and outside the folklore tradition: Proceedings of the Round Table (Moscow, Russian State University for the Humanities, April 20, 2023)], RSUH, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анастасия Д. Карухова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; brainforest.edu@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-3736-7988

Information about the author

Anastasiya D. Karukhova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; brainforest.edu@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-3736-7988

¹ Программа круглого стола и тезисы докладов находятся в открытом доступе на сайте ЦТСФ по адресу: <https://ctsf.ru/conference/kommentariy-kak-sposob-ponimaniya-ustnogo-teksta-vnutri-i-vne-folklornoy-tradicii>

УДК 398:82.09

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-154-161

IX Всероссийская конференция
молодых исследователей
«Фольклористика
и культурная антропология сегодня»

Виктория Б. Новикова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, jranchik@gmail.com*

Дата поступления статьи: 11 июля 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Новикова В.Б. IX Всероссийская конференция молодых исследователей «Фольклористика и культурная антропология сегодня» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 154–161. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-154-161

The 9th All-Russian Conference
of Young Researchers
“Folkloristics and Cultural Anthropology Today”

Victoria B. Novikova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
jranchik@gmail.com*

Received: July 11, 2023

Date of publication: June 26, 2024

*For citation: Novikova, V.B. (2024), “The 9th All-Russian Conference of Young Researchers ‘Folkloristics and Cultural Anthropology Today’”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 154–161, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-154-161*

9–10 марта 2023 г. Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ провел IX Всероссийскую с международным участием конференцию молодых ученых «Фольклористика и культурная

© Новикова В.Б., 2024

антропология сегодня». Конференция прошла в смешанном формате, на ней выступили студенты, магистранты и аспиранты из России и Монголии¹. Предметное поле конференции было концептуализировано двумя лекциями, прочитанными преподавателями ЦТСФ: по городской антропологии и теоретической фольклористике.

В первой лекции «Фольклорная традиция и брендинг территории: вперед в прошлое» *Н.В. Петров* (РГГУ, РАНХиГС, Москва) рассмотрел бренд как сложную психосоциальную конструкцию, которая включает в себя ассоциации, эмоции, общее видение того, как можно использовать потенциал территории, культуры и исторического наследия. Идентификация территории через придание ей «своей», «самобытной» и «народной» идентичности является ключевым фактором в конкуренции населенных пунктов на рынке брендинга, закрепляя определенные смыслы за конкретной территорией и создавая добавочную ценность для нее. Для этого, помимо исторических персонажей, промышленности и продуктов питания активно используются фольклорные явления: легенды, предания, персонажи, в том числе и изначально авторского происхождения. Например, Пятачок, Винни-Пух и др., которые стали героями анекдотов и мемов. Лектор выделил четыре принципа построения бренда с опорой на фольклорные явления:

1) географический (место написания произведения или рождения автора, совпадение места произведения и реальной территории, внешнее сходство мест);

2) народно-этимологический (созвучие имени персонажа или географических мест и реального места);

3) условно-научный (этимологические, археологические, иконографические «исследования»);

4) наличие аналогов персонажей. Брендирование территорий поддерживается разными национальными программами, самая известная из которых – «Сказочная карта России». Ее создатели подчеркивают связь между «сказкой» и детством при отборе персонажей для проекта, что позволяет искать причины схожести «сказочных» персонажей и продукции современной массовой культуры, ориентированной на детскую аудиторию. Помимо этого, создатели брендов руководствуются и другими критериями, такими как известность, привлекательность, запоминаемость и фантастичность.

¹ Тезисы докладов конференции опубликованы на сайте ЦТСФ: Фольклористика и культурная антропология сегодня. URL: https://ctsfru/sites/default/files/2023-03/Young%20folklorist_2023_abstracts.pdf (дата обращения 17 дек. 2023).

Тема городской антропологии была развита в коллективном докладе *М.К. Гаранач, М.А. Пономарев, О.А. Трусова, П.Е. Шурупова* (РАНХиГС, Москва) проанализировали адаптацию к городскому пространству вынужденно переехавших в Стамбул в 2022 г. на материале глубинных интервью, включенного наблюдения и ментальных карт города. Докладчики выделили две стратегии поведения. Те, кто называет себя иммигрантами (релокантами, беженцами), не стремятся приспосабливаться к городской среде, а наоборот пытаются найти в Стамбуле места, похожие на их родные города. Второй подход используют те, кто называет себя туристами или временными жителями, – они отказываются от посещения мест, напоминающих «дом», чтобы не страдать от ностальгии и тоски, и легко адаптируются к городской среде.

Городские легенды исследовала *Д.М. Маткасымова* (ПГНИУ, Пермь) в докладе «Устные рассказы о подземельях: сюжеты и их функционирование». На основе полевых материалов 2018–2023 гг., собранных в разных поселениях Пермского края, докладчица выделила один общий сюжет нарративов о подземельях – спасение от угрозы. В таких историях подземелья могут выступать в качестве убежища или использоваться для побега. Остальные группы сюжетов разнятся в зависимости от типа населенного пункта.

Во второй лекции «Фольклорный исторический нарратив и механизмы устной традиции» *С.Ю. Неклюдов* (РГГУ, Москва) проиллюстрировал специфику фольклоризации нарративов на материале разных эпох. Легенды, повествующие о Ермаке, Стеньке Разине, Ваньке Каине, Мазепе, Гришке Отрепьеве и Емельяне Пугачеве, хронологически объединяют всех этих персонажей и категоризируют их на основе идей греховности и казачества, устанавливает сюжетные связи между ними во «временной компрессии». В записанных рассказах об Алене Арзамаской и воспоминаниях о матери и отце Н.А. Некрасова заметны изменения, превращающие эти тексты в легенды, – например, появляются параллели с легендой о деве Годиве. Процесс фольклоризации недавнего реального события был рассмотрен на примере трагедии в семье композитора Исаака Дунаевского, которая сильно исказилась в рассказах современников. При фольклоризации нарративов время сжимается, происходит компрессия коллективных воспоминаний, объединение персонажей по функционально-семантическим классам и связывание их сюжетными отношениями, не существовавшими в реальности. В результате таких процессов обобщения атрибуты и предикаты свободно циркулируют внутри одного класса персонажей. При рассмотрении текста о реальных событиях или людях необходимо различать «базу» (порождающая

модель, обуславливающая текстуальную презентацию впечатления от события или памяти о нем и дальнейшее воспроизводство сложившегося сообщения) и «казус» (событие, дающее импульс для актуализации модели и заполнения ее деталями текущего момента). Когда описывается «историческое событие», сюжет, который используется для этого, уже существует в фольклорной традиции как устойчивая матрица повествования. Благодаря таким матрицам в устной традиции удерживаются «исторические элементы».

Песенный фольклор оказался в фокусе внимания трех докладчиков. *Р.Ф. Пятаев* (РГГУ, Москва) применил структурно-семантическую методiku для анализа исторической песни «Князь Голицын возвращается в Москву», сконцентрировавшись на механике сохранения истории благодаря структуре. Исследователь выделил семантическую структуру, согласно которой герой не заслуживает блага: Голицын стремится встретиться с антиподом, чтобы получить (или сохранить) благо. Конкретный конфликт реализуется в каждом развернутом сюжете через одну и ту же семантическую структуру, даже если были потеряны исторические детали.

В.А. Пушкина (СПбГУ, Санкт-Петербург) сфокусировалась на роли запевалы, без которого не может существовать хор, и обратила внимание, что деревенские малые певческие группы регулируют местную певческую традицию, а их мастера становятся запевалами больших менее профессиональных групп. На материале экспедиции 2021 г. в Архангельскую область докладчица выделила качества, свойственные запевалам: персонифицированное умение, «бойкость» как обязательное условие для лидерства в пении, знание репертуара, умение оценивать и регулировать эмоциональное состояние коллектива. Доклад вызвал оживленную дискуссию о необходимости противопоставления таких явлений, как фольклор и фольклоризм. Например, к какой из этих категорий следует отнести стихи/материалы, бытующие на конкретной территории, но сейчас исполняемые со сцены? Часто противопоставление фольклоризма и фольклора неэффективно, поэтому следует выработать альтернативную методологию.

М.Г. Белодедова (РГГУ, Москва) в докладе «Ненецкая колыбельная: личная песня или благопожелание?» проанализировала нюкубцы – детские личные песни, исполняемые обычно от лица ребенка и принадлежащие ему. В детских личных песнях изображается будущее, в отличие от взрослых песен, где, как правило, поется о прошлом. Будущее, которое желают ребенку, констатируется как уже происшедшее, что используется в жанре благопожеланий. Нюкубц выступает своеобразным «паспортом» ребенка: описывает его рождение, внешность или характер.

Тема северных народов получила продолжение в докладе *В.Р. Новиковой* (РГГУ, Москва) «Шаман, который стал женщиной». Докладчица пришла к выводу, что у инуитов гендерная роль шамана соответствовала всем социальным условностям сообщества, но при выполнении сакральных функций гендерные различия переставали иметь значение.

Вредоносные агенты привлекли внимание двух докладчиц. *Е.М. Белякова* (ЕУСПб, Санкт-Петербург) рассказала о сложностях, с которыми ей пришлось столкнуться во время полевой работы при изучении представлений о вредоносных агентах (кхакхуа и лалело) среди короваев (запад Новой Гвинеи). Коровая избегают прямых разговоров о кхакхуа (колдунах, поедающих своих жертв), информацию о них можно получить, расспрашивая о причинах болезней и смерти. Лалео – демонические сущности, появляющиеся после смерти человека, разговаривать о них – неуместно (в сказках такие расспросы караются смертью). Социальные нормы усложняли сбор материала – согласно мифам короваев, человек должен быть скромным и мало говорить. Нельзя задавать одни и те же вопросы разным людям, это значит, что ты не доверяешь рассказавшему. По этим причинам метод интервью был неприменим, продуктивными оказались методы включенного наблюдения, обсуждение причин болезней и смерти, изучение сказок.

А.Е. Калкаева (ИНИОН РАН, РГГУ, Москва) в докладе «Мужчины-колдуны в немецких фольклорных рассказах XIX в.» выделила схожие функции у мужчин-колдунов и женщин: воровство молока, профессиональный характер колдовства, наказание людей, мешающих их работе.

Четыре доклада были посвящены современным явлениям. *И.А. Малиновский* (независимый исследователь) в докладе «Гадание на картах Таро как сенсоральная форма: семиотические идеологии и религиозные режимы» представил результаты исследования, проведенного на материале глубинных интервью и включенного наблюдения во время гадания. Существуют два режима гадания: по значениям карт и в состоянии «потока» (интуитивное). Докладчик выдел три семиотические идеологии: оккультная (обращение к богам или духам), эзотерическая (обращение к эгрегору Таро и/или информационному полю в процессе гадания) и психотерапевтическая (обращение к бессознательному).

Д.М. Агапова (РГГУ, Москва) рассмотрела нарративы нейрографов как способ объединения людей внутри этой группы и как инструмент масштабирования сообщества посредством предложения людям альтернативной семантической системы, имеющей сходство с целительством, и способа организации смыслов.

Проблема определения границ сообщества заинтересовала А.А. Засядько (ЕУСПб, Санкт-Петербург). Исследовательница пришла к выводу, что зороастрийская община в Санкт-Петербурге стала более виртуальной (большая часть коммуникации происходит в мессенджерах) и менее институциональной – в частности, редко соблюдается регламент вступления для неофитов.

П.В. Жильцова (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) рассмотрела бытование мемов о Холокосте в русскоязычном сегменте современного Instagram*, заметив, что наиболее приемлем условный «интеллектуальный юмор».

Взаимодействие фольклора и изображений в разные исторические периоды стало темой двух выступлений. Т.В. Напольских (РГГУ, Москва) в докладе «Этиологические сюжеты в фольклоре и иконографии майя» сопоставила сюжеты о происхождении и появлении каких-либо особенностей животных в Мезоамерике с их иконографией.

Д.А. Агеева (РГГУ, Москва) рассмотрела анимационные экранизации эпического фольклора адыгов (фильмы Р.В. Давыдова «Сын камня» (1982) и «Сын камня и великан» (1986)). Докладчица пришла к выводу, что с учетом адаптации для детской аудитории анимационный сюжет практически полностью соответствует оригинальному фольклорному: отображена цикличность сюжета, использованы канонические символы и метафоры, сохранены ключевые мотивы антропоцентричности и богоборчества.

Лингвистические аспекты фольклорных текстов заинтересовали двух исследователей. М.Р. Совдагарова (Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия) рассмотрела видовую и временную классификации заимствованной монгольской лексики, обратив внимание, что заимствования могут быть продуктивно использованы для датировки юролов и магтаалов – благопожелательных сочинений, относящихся к малым жанрам обрядовой монгольской поэзии.

А.И. Попович (УрФУ, Екатеринбург) в докладе «Мученические культы и народная религиозность: взгляд проповедника рубежа XVII–XVIII веков» рассмотрел переосмысление народной религиозности в сочинениях церковных авторов (увещание «О недействительности самовольного страдания, навлекаемого законопреступными деяниями», толкование Феофана Прокоповича блаженства «Изгнанных правды ради» из «Христовы о блаженствах проповеди толкование», «Духовный регламент 1721 г.» и др.). Докладчик выделил способы обличения проповедниками

* Запрещен в РФ; принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской.

старообрядческих мучеников: обличение добываемой для себя всеми путями святости, обличение недостоверных историй (записываемых без разбора даже в житиях), стремление представить власть как гонительную, борьба с самосожжениями и их интерпретациями как спасительного пути.

Похоронные обряды Русского Севера стали предметом двух докладов. *А.А. Четурнова* (СПбГУ, Санкт-Петербург) сфокусировалась на флаге, который был неотъемлемой частью похоронного обряда в Архангельской области в 1920–1980-х годах. Докладчица изучила архивные материалы СПбГУ и выделила основные группы упоминаний о флаге: флаг как похоронный атрибут; как атрибут советских праздников; как атрибут советского пространства, сигнализатор времени. Отдельно следует заметить, что флаг как сигнализатор при похоронном обряде направлен только на живых, не на самого покойного. Несмотря на нетипичность флага для сказки, в 1928 г. на этой же территории Архангельской области были зафиксированы три сказки, в которых флаг используется как сигнализатор для отправки героя в путь, однако здесь сигнал адресован представителям «иного» мира и выражает тему связи между мирами.

В.А. Деметьева (СГУ им. Питирима Сорокина, Сыктывкар) в докладе «Страх в похоронно-поминальных причитаниях Русского Севера: чего боятся живые и мертвые» проанализировала типы страха по субъектам (кто испытывает страх: покойник, живые, плакальщица) и объектам (чего они боятся) и пришла к выводу, что страшным в причитаниях для субъектов является вторжение элементов чужого пространства. Страх перед жизненными трудностями опасен для живого, потому что оказывается одновременно предзнаменованием смерти и признаком мертвеца. Отсутствие страха перед мертвецом допустимо только для плакальщицы.

Сказки Русского Севера привлекли внимание *В.С. Пономаренко* (СмоЛГУ, Смоленск), которая проанализировала семантику и функции деревьев в сказочных нарративах. Докладчица заметила, что деревья чаще появляются в блоках предварительных (как правило, ели) и дополнительных испытаний (чаще всего яблони). Хвойные деревья связаны с защитой от нечистой силы и переходом в царство мертвых, яблоня ассоциируется с райским деревом и свадьбой. Дуб связан с богатырской силой героя и почти не встречается в ином мире. Осина используется против нечистой силы и для проверки телесной крепости. Береза, помимо роли «мирового дерева», также считается средством обретения волшебного помощника.

Три доклада были посвящены исследованиям исторических нарративов. *Д.И. Шеметова* (ИГУ, Иркутск) проанализировала систему персонажей в устных рассказах о жизни в сибирском тылу и выделила две большие категории: свои (мать, отец, старшие

и младшие дети) и чужие (соседи, сверстники, представители власти). В первой группе персонажей отец является важной фигурой, его отсутствие приводит к перераспределению функций в семье; мать соотносится с мотивами тяжелого труда и голода. Вторая группа персонажей связана с мотивами взаимопомощи и поддержки. Она включает в себя образ «доброего человека», который помогает герою в трудной ситуации. Образ руководителя двойственен: он может как создавать дополнительную нагрузку для работников и тем самым усложнять жизнь их семей, так и оказывать помощь.

А.В. Никандрова (УрФУ, Екатеринбург) выделила характерные черты исторического нарратива в текстах наивного краеведения об истории храмов: смешение жанров, микширование и смена жанровых моделей, включение художественных деталей в документальное описание, необычное речевое оформление, смешение макро- и микромасштаба и уравнивание исторических фактов с устными высказываниями или воспоминаниями.

М.А. Агафонова (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Депортация немцев Поволжья: специфика нарративов и пути конструирования исторической памяти» проследила актуализацию оппозиции «свой – чужой» в контексте коммуникации депортированных с местным населением.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенные традиции XX–XXI вв.: поэтические структуры, биографический дискурс и исторический нарратив» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the RSUH project “Song Traditions of the 20th–21st Centuries: Poetic Structures, Biographical Discourse and Historical Narrative” (competition “Student project scientific collectives RSUH”).

Информация об авторе

Виктория Б. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125074, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; jbranchik@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5947-8661

Information about the author

Victoria B. Novikova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125074; jbranchik@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5947-8661

Научное издание
Фольклор: структура, типология, семиотика
Том 7 • № 2 • 2024

Дизайн обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-72806 от 17.05.2018
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 19.06.2024
Выход в свет 26.06.2024
Формат 60 × 90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,1
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1985

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru